

Владимир Николаевич Шитик
Последняя орбита

«Последняя орбита»: Беларусь; Минск; 1964

Аннотация

В научно-фантастической повести белорусского писателя Владимира Шитика «Последняя орбита» рассказывается о подготовке и полете на Марс и Плутон космического корабля «Набат» и о поиске внеземного разума на этих планетах. Повесть написана в 1962 году и, естественно, содержит все атрибуты советской НФ начала 60-х годов прошлого века — сочетание фантастической, научно-популярной и идеологической линий, веры в очень скорое покорение космического пространства Солнечной системы.

Повесть опубликована в 1967 г. на румынском языке («Ultima orbita») и издавалась еще раз в 1982 г. в авторском сборнике на белорусском языке «Трансплутонавыя Афеліі».

Владимир Шитик

ПОСЛЕДНЯЯ ОРБИТА

ГЛАВА 1

1

Внезапно налетевший спорый весенний дождик загнал Павла Гуцу под козырек ближайшего подъезда. Чтобы не промокнуть, юноша прижался плечами к закрытым дверям. Улица сразу опустела, стала серой, унылой. Павлу вдруг взгрустнулось, в сердце закралась неясная тревога. Она росла, крепла. Отчего бы это?

Дождик кончился сразу, как и начался. Озорник-ветер швырнул на прощание в Павла горсть брызг и утих. Снова засияло солнце, теплое, ласковое. Павел вышел на тротуар и остановился. Из дома напротив торопливо выбежала девушка. И хотя от дождя осталось одно воспоминание, она почему-то раскрыла над головой зонт. Это было смешно. Но у Павла вдруг защемило сердце. Девушка была чем-то похожа на Валею, и Павел вдруг понял, что именно тревожило его эти несколько минут, пока он прятался в подъезде. Валя. Познакомились они прошлой осенью. Тогда он также прятался от дождя на чужом крыльце, и она, совсем незнакомая еще, несмело прикрыла его своим зонтом. Если бы знал, что ожидает его позже, ни за что не заговорил бы с Валею, не пошел бы за ней. Но разве он мог знать, что выберут именно его...

На улице прохожих было мало. За последние годы когда-то шумный и оживленный проспект как-то притих, будто повзрослел. Шум и оживление переселились в новые районы и кварталы, где выросли огромные магазины, государственные учреждения, красивые кинозалы и театры. И все же Павел по-прежнему любил этот старый уголок города, мог часами гулять здесь, любоваться его красотой.

Машинально обходя лужи на асфальте, Павел целиком отдался воспоминаниям. Вот у этого магазина он покупал Вале цветы, в этом кафе они не один раз угощались мороженым, а

в том киоске выбирали книгу...

Правда, все это относится к тому недавнему времени, когда он еще был обыкновенным, хотя, как говорили, и талантливым кандидатом наук, сделавшим открытие в области астрономической физики. Открытие это для науки о космосе имеет немаловажное значение: Гуца первый обнаружил радиоизлучение, исходящее из созвездия Индейца, и высказал предположение, что его посылают разумные существа.

А как расшифровать сигналы? Ответ мог быть один: лучше всего пробраться поближе к созвездию. И Гуца без колебаний подал во Всесоюзный Космический центр заявление с просьбой, чтобы его зачислили участником очередной экспедиции в межпланетное пространство. Откровенно говоря, не верилось серьезно, что ответ будет положительным. Очень уж много подобных заявлений шло в Космический центр со всей страны. И вот случилось такое, на что у Павла было совсем мало надежд. Он утвержден кандидатом в члены космической экспедиции. Осенью экспедиция надолго оставит Землю и отправится к другой планете. Вот что сообщил ему полчаса назад известный астронавт академик Бурмаков, который был назначен начальником экспедиции.

В библиотеке, старой «Ленинке», Павел почувствовал на мгновение облегчение. Беззаботной юностью повеяло на него здесь, от этих бесконечно дорогих и знакомых коридоров, залов, кабинетов. Павел направился к своему столику. На нем лежали пожелтевшие от времени подшивки старых газет. Павел заказал их по телефону сразу после разговора с Бурмаковым.

Гипотеза о космических гостях Земли волновала когда-то многих ученых и исследователей, вокруг нее велась горячая дискуссия. А потом постепенно о ней забыли. Видимо, невероятным показалось это даже самым упорным поборникам гипотезы. Бурмаков же посоветовал Павлу еще раз перечитать все, что печаталось о ней, и высказать свое мнение.

Павел не совсем ясно представлял, зачем это понадобилось Бурмакову. Возможно, гипотеза имела какое-то отношение к будущему полету, о маршруте которого Павел еще не знал?

Он начал читать. Давний спор ученых неожиданно захватил его. Павел почувствовал, что его симпатии все более и более склоняются на сторону тех, кто, возможно, иногда и ошибался, но мыслил смело.

Гостей из космоса на Земле не было, говорила наука. Казалось бы, все понятно. А Павел не мог с этим согласиться, как не соглашались те, кто подал идею. Почему? Скорее всего, потому, что не хотелось признать человека Земли одиноким среди множества мертвых миров, оставить его без надежды встретить когда-нибудь собрата по разуму.

Павел перелистывал газетные страницы, вел мысленный спор со своими противниками. Неожиданно чьи-то мягкие и теплые пальцы нежно прикрыли его глаза. Он осторожно отвел руки, оглянулся и увидел Валу.

Валя наклонилась к столу, прочитала название статьи.

— Павлик! Ты и фантастика? Странно!..

Павел немного растерялся:

— Надоели формулы, вот и потянуло к фантастике.

— А я потяну тебя сейчас на стадион. Хватит мозги сушить.

Самолет улетал завтра днем, билет у Павла лежал в кармане. Свободное время было. И Павел согласился. Только попросил библиотекаря не уносить в хранилище подшивки. Кое-что нужно было еще дочитать.

На улице он как бы между прочим сказал:

— Завтра лечу в Москву, в четырнадцать двадцать.

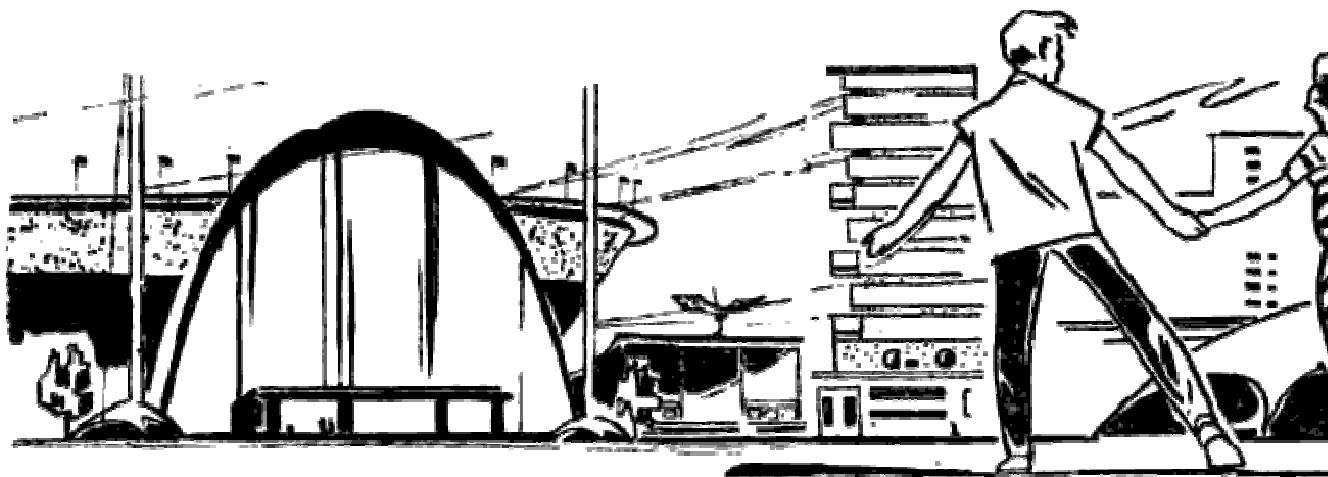
Два дня тому назад они договорились эту неделю провести вдвоем. У Вали как раз занятия были перенесены на вторую смену, а у него по случаю экзаменационной сессии у студентов, которым он читал астрофизику, прибавилось свободного времени. И вдруг сюрприз...

Валя уже знала: если Павел сам не расскажет что к чему, спрашивать бесполезно. И потому промолчала. В душе шевельнулась обида: все срывается...

Валя нахмурилась, отвернулась. Павел крепче сжал ее руку. Сказать о предстоящем полете он ей пока не мог, просто не имел права.

— Получилось, Валя, неожиданно. Вызывают более чем на неделю.

Валя вздохнула. Если вызывают, надо ехать.

Электробус, сделанный из прозрачной пластмассы, светлый и просторный, бесшумно мчался по широкому проспекту Коммунизма. Застраивать проспект кончили не так давно — лет пять назад. Невысокие, на восемь-десять этажей, жилые дома тянулись вдоль проспекта на несколько километров. Каждый квартал имел своеобразный архитектурный облик. Людям здесь жилось хорошо. Большие окна, застекленные прозрачным пластиком, пропускали не только обычный свет, но и ультрафиолетовые лучи. А это значит, что, даже не выходя из дома, можно было загорать. Специальные автоматические установки поддерживали постоянную температуру и влажность воздуха в комнатах. Теперь везде такие строили дома, реконструировали старые.

Павел неожиданно почувствовал себя как бы посторонним в этом чудесном городе. Он еще не жил здесь, ходил по улицам, по аллеям, а в голове все время мелькала мысль о том, что его ждет в недалеком будущем. И, наверно, она, эта мысль, поднимала его над повседневным, делала способным по-философски рассудительно оценить ту красоту, которую нужно было оставить вскоре...

— Ты не слушаешь меня, профессор? — В голосе Вали прозвучала ирония.

— Понимаешь, каждый раз я здесь нахожу что-то новое, хотя, кажется, знаю все до мелочей, — ответил Павел.

А сам подумал: «Умница Валя. Тревожится, а виду не показывает».

Электробус остановился на площади, в конце которой за высокой ажурной аркой начинался Центральный стадион. Павел выпрыгнул первый, помог выйти Вале. Автоводитель, подчиняясь сигналу механического кондуктора, повел электробус дальше.

— Посмотри на вход. Мне всегда казалось, что арка немного низковата. И знаешь почему? Площадь перед ней просторная. А сейчас вижу, что ошибался. Вон те пики над средними колоннами... — показал Павел. — Они стремятся вверх и будто влекут в небо всю конструкцию.

— Фантазер, — засмеялась Валя. — Не можешь ты без неба.

— Мы рождены друг для друга!.. — начал Павел, думая пошутить, но не выдержал тона и, сконфузившись, объяснил: — Это значит я и небо.

— Я так и поняла. Так, может, эти пики помогут тебе получить новые таинственные сигналы на этот раз с Сириуса?

— Издеваешься? — Павел остановился. — Вот сейчас искупаю!

Подхватив девушку на руки, он подбежал к фонтану, выбрасывавшему высоко над площадью каскады брызг, и, опуская Валью к самой воде, сказал:

— Прости прощения!

Валя отбивалась, стараясь вырваться, и наконец сдалась:

— Хорошо. Твоя взяла.

А когда он поставил ее на землю, немного отбежала и крикнула:

— Я ошиблась, не с Сириуса, а с Лебеда...

Павел махнул рукой: мол, что с такой сделаешь...

Они зашли на стадион. Там разыгрывался Большой кубок республики среди юношей по многоборью. Но прежде чем посмотреть соревнования, они повернули на теннисную площадку. Оба любили теннис, отдавая ему много свободного времени.

Из раздевалки Павел вышел раньше и, не ожидая Вали, начал разминку. Его движения были пластичные, красивые, как у гимнаста-фигуриста, и Валя, случайно посмотрев в окно, залюбовалась. Высокий, стройный, мускулистый, Павел был настоящим спортсменом. В свое время не один тренер пробовал соблазнить его карьерой чемпиона. Павел любил спорт. Но еще больше любил физику, а чемпионом не стал только потому, что не хватило времени для тренировок. Зато стал сильным. Товарищи даже шутили, что неизвестно, чего в Гуще больше — спортсмена или ученого. Это была правда, сыгравшая, пожалуй, не последнюю роль в том, что Всесоюзный Космический центр ввел Павла в состав экспедиции. Валя об этом еще не знала. Она просто, как всегда, восхищалась своим другом, хотя сегодня почему-то было грустно: не такой, как всегда, был Павел — он какой-то возбужденный, непонятный.

Ракетка так и мелькала в руках Павла, но Валя снова и снова с тревогой замечала, что он делает больше, чем раньше, ошибок, что его удары утратили обычную точность. Она легко разгадывала комбинации Павла и выигрывала одно очко за другим. Проиграв три сета подряд, Павел склонился перед Вальей:

— Признаю, о непобедимая, свое поражение...

— Если мысли теннисиста парят за кортом, ему трудно рассчитывать на успех, — в тон ему ответила Валя, ожидая, что Павел поймет намек и расскажет о своих заботах.

Павел промолчал.

Трибуны огромной чаши Центрального стадиона, полные зрителей, гудели. Лет тридцать назад многоборье считалось очень сложным видом соревнований и было под силу только взрослым. Потом оно стало и спортом юных.

В финальных соревнованиях участвовало двадцать мальчиков в возрасте до пятнадцати лет. Сильные, рослые, они показывали отличные результаты. Это и вызывало такой бурный восторг на трибунах.

Особый успех выпал на долю юноши в красной майке. Он легко пробежал полторы тысячи метров, заняв первое место, а через четверть часа перепрыгнул планку на высоте два метра и двадцать сантиметров. Не успели смолкнуть аплодисменты, как фотоэлектронный судья громким голосом провозгласил, что в сумме десяти видов программы юноша установил новый рекорд республики.

По традиции победитель поднялся на пьедестал почета и поклонился всем четырем трибунам. Специальные проекционные фонари увеличили изображение его фигуры в несколько раз, и Павел узнал чемпиона. Это был брат Вали, восьмиклассник Витя Осадчий. Павел знал, что Витя способный математик. Но что он такой замечательный спортсмен, узнал впервые. Это было приятное открытие.

После соревнований Витя разыскал Павла и Валью. Домой возвращались втроем.

Вечер был теплый, тихий. От цветочных клумб веяло ароматом ранних цветов. Возбужденный Витя все вспоминал о соревнованиях. Павел и Валя, занятые своими мыслями, изредка невпопад поддакивали.

Наконец Валя спросила:

— Павлик, расскажи, зачем тебе понадобилось читать сегодня старые газеты?

Они остановились у Валиного дома. Павел прислонился к дереву, посмотрел вверх. Густая крона серебристого тополя почти закрывала небо. Но вот сквозь листья проник дрожащий голубой лучик — весть какой-то далекой звезды. Павел узнал Кассиопею. Подумалось, — а вдруг это оттуда прилетали те, кто оставил неразгаданные следы на нашей Земле?

— Ну! — Валя коснулась руки Павла. — Ты слышал, о чем я спрашивала?

Чудачка! Разве он может не слушать, когда она говорит? Слышал. Но так ли просто обо всем рассказать, когда тебе самому еще многое неизвестно и непонятно?..

— Просто не знаю, с чего начать, в двух словах тут не расскажешь.

— А нам торопиться некуда, — Витя сел на скамейку.

— Детям спать пора! — недовольно сказала Валя.

— Вот еще! — После победы на стадионе Витя чувствовал себя почти равным с сестрой и удобнее уселся на скамейке.

Павел подморгнул Вале: мол, мальчишка, не понимает. А сам даже обрадовался. Он не хотел остаться с Валей один на один, знал, что наедине с ней неизбежно возникнут вопросы о предстоящей поездке, а отвечать на них пока что нельзя. Он мог рассуждать сейчас на общие темы. Так почему бы Вите не послушать его?

Павел был человеком с той фантазией, которая помогает обобщать явления, анализировать факты полно и глубоко и, в конце концов, приводит к научным открытиям. Естественно, что его не могла не заинтересовать гипотеза о космических гостях Земли. А сейчас у него ко всему появилась еще и заинтересованность — космонавта.

Вопрос Вали принес Павлу облегчение. Наконец он сможет поделиться своими, хотя еще и неопределенными мыслями:

— Возможно, это звучит бессмысленно в наше время, но мы, люди, которые научились строить самые сложные машины, раскрыли многочисленные тайны природы, не можем объяснить некоторых совсем простых явлений... Эти явления казались еще более непонятными людям пятидесятих годов прошлого столетия. Вот и придумали они фантастические гипотезы о гостях из космоса. Гипотезы эти были смелые до невероятности и основывались более на догадках, чем на научной почве. Конечно, критиковать их было легко, потому что они просто не выдерживали критики. Это и дало возможность быстро их похоронить. А мне они чем-то понравились. Вот послушайте и скажите, как вы это понимаете?

В горах Антиливана находится известная Баальбекская веранда. Скорее, это не веранда, а площадка в несколько квадратных километров. Она выложена огромными каменными гладко обработанными плитами. Само по себе это не удивительно. Древние египтяне без помощи башенных кранов сооружали пирамиду Хеопса, которая до сего времени считается одним из семи чудес мира. Но Баальбек удивляет. Он строился намного раньше, и если в пирамидах плиты весят по две-три тонны, то там — до двух тысяч тонн каждая.

Ни один историк не сказал пока что, когда именно построена Баальбекская веранда и с какой целью. Люди знают ее с того времени, как помнят себя. И здесь напрашиваются вопросы: могли ли построить наши далекие предки такое технически совершенное чудо, да и зачем? Ведь они, как известно, были люди практичные и сами вряд ли строили бы такую махину, ибо нужды в ней не было. Так подумайте, не стоит ли сделать другой вывод? А что, если это была стартовая площадка космического корабля, прилетавшего на нашу Землю?

И в Боливии были найдены не менее интересные древние памятники. У истоков Амазонки недалеко от деревни Тиагуанака в Андах находится озеро Титикака. На его берегу найдены остатки большого города. Дома, храмы, укрепления сделаны из больших камней и блоков, которые весят десятки тонн. Но город находится на высоте четырех тысяч метров. Каким образом доставлялись туда строительные материалы? Они отличаются от тех, что имеются рядом. Легенда инков рассказывает, что строили город белые бородатые люди и что

они сбежали потом во время паводка на лодках. Эти бородатые люди больше уже не возвращались в свой недостроенный город.

— Здорово! — Витя не отводил от Павла восхищенного взгляда. А Валя сидела на скамейке и задумчиво чертила носком туфли по песку.

— Но и это еще не все, — продолжал Павел. — Есть другая легенда. Хотя, скорее, это научная теория. Геологи считают, что несколько сотен тысяч лет тому назад озеро Титикака было морским заливом. Остатки города на его берегах — это остатки морского порта. Среди них — развалины циклопических построек. Но «Ворота Солнца» в храме Колососава уцелели. На них сохранились иероглифы, которые в 1949 году удалось расшифровать. Они являются самым древним календарем на Земле. Год его, однако, не похож на земной: имеет всего 290 дней — десять месяцев по 24 дня и два по 25. Мы знаем, сколько вариантов календаря перебрали наши предки, прежде чем остановились на современном. Год у них также одно время был меньше, чем наш современный. Однако предки в то время не владели совершенной наукой и техникой, не умели создавать такие постройки. Значит, те, кому принадлежал календарь на «Воротах Солнца», не могли ошибаться. Кто они? Пришельцы с планеты, где год имеет 290 дней? А может быть, это не годовой, а месячный календарь? Еще в шестидесятые годы, исследуя с помощью радиотелескопов Венеру, наши ученые выдвинули предположение, что эта планета вращается вокруг своей оси немного меньше чем за десять земных суток. Венерианский месяц, таким образом, имеет примерно (или точно) 290 наших дней. Так, может быть, это были гости с Венеры?

Павел умолк, подсел к Вале. Она повеселела, засмеялась:

— Вдруг оттуда кто-нибудь сейчас на меня смотрит... — и передернула плечами.

— Нечего ему больше делать! — возмутился Витя и обратился к Павлу: — А чем тогда объяснить, что позже никто к нам не прилетал?

— Объяснить просто, если поверить в сам факт. Представь, что это были пришельцы из дальнего мира, откуда свет звезд доходит на Землю через многие тысячи лет. Даже если они будут лететь со скоростью света, то посчитай, сколько времени на это понадобится. А сколько времени пройдет у нас, пока корабль будет в пути? Ты же знаешь теорию относительности...

Валя посмотрела на часы:

— Зайдем, Павлик, к нам. Посидим немного на прощание.

В уютной гостиной Павел осмотрелся, будто был здесь впервые. Каждая вещь в этой комнате вызвала грусть. Чтоб немного рассеяться, Павел сел за пианино. Пробежал пальцами по клавишам. По комнате поплыла мелодия. Но Павел, пожалуй, не замечал, что именно играет.

— «Лунная соната», — сказала Валя. — Бетховен. Сегодня ты пленен космосом, Павлик.

Павел посмотрел на Валу, не сразу улавливая смысл ее слов. А Витя глянул на сестру:

— Заладила — пленен... соната. — Потом, подождав немного, спросил: — Павел Константинович, так, по-вашему, были они у нас?

Павел перестал играть, повернулся к Вите и сказал:

— Не думаю. Но как хочется, чтобы это была правда!

— А я уверен — были, — горячо заговорил Витя. — Просто люди плохо знают пока что историю Земли. А я хоть на Марс, хоть дальше куда полетел бы, чтобы найти тех космонавтов и встретиться с людьми других планет.

— Подрасти еще, — засмеялась Валя. — Человек пока что думает о полете к Марсу, и то как о серьезной проблеме.

Павел снова наклонился над клавишами и, беря аккорд, закончил мысль:

— Уверен, что скоро люди побывают и на Марсе, и даже дальше.

— Слышишь? — Витя с превосходством посмотрел на сестру. — Вот подожди, окончу школу — пойду в училище космонавтов. Я найду следы пришельцев на других планетах.

— Мальчишка, — отмахнулась Валя. Неясная тревога снова охватила ее. — А скажи,

Павел, зачем тебе понадобилось рыться в старых подшивках? Это тебе поручили, да?

Павел кивнул головой.

3

Важная перемена, когда она происходит в жизни, до известной степени влияет на каждого человека. Иногда она выводит из равновесия даже флегматичных людей. Сильно взволновала и Павла новость, которую сообщил ему академик Бурмаков. Вряд ли нашелся бы такой человек, который воспринял бы ее спокойно. Полеты в космос, хотя и приносили большие успехи, оставались все еще очень сложными и часто опасными. Человек достиг Луны, встал на ее поверхность. Но не всегда это обходилось без жертв. Павел хорошо помнил имена космонавтов, не вернувшихся на Землю. Всю ночь перед отъездом в Москву он ни на минуту не прилег. Пока не рассвело, стоял у окна и думал, думал.

Среди ученых ходили слухи, что новая экспедиция направится уже к другим планетам.

Откровенно говоря, Павел не верил этому. Он знал технические возможности космических кораблей и понимал, что отправлять их на миллионы километров в бесконечность космоса по меньшей мере рискованно. Но ведь кому-то нужно быть первому из людей, которые попытаются побывать на Марсе или Венере, даже при всей опасности такого путешествия.

Нет, Павел не боялся. Страх — не то слово, которым можно было определить его душевное состояние. Побывать на другой планете! Это не пугало, а привлекало. Мысль, что можно погибнуть, не приходила ему даже в голову, как не приходила, наверно, и тем, кто когда-то открывал неизвестные материки, искал способ впервые расщепить атомное ядро, первым на корабле «Восток» летел в космос. Ими управляла любовь к науке и жажда жизни. И если кто из них не достигал цели, то не потому, что останавливался на полдороги по своей воле. Тех людей из седла выбивала только смерть. Лишь она могла остановить теперь Павла. Но о смерти Павел не думал: он был молод, полон сил и энергии. Даже бессонная ночь с рассуждениями и Переживаниями не оставила более или менее заметного следа на его лице. После ванны он, как обычно, стал веселым и бодрым.

Двадцать минут в дороге, и рейсовый самолет, на котором находился Павел, приземлился в Московском аэропорту. Перепрыгивая сразу через несколько ступенек передвижной лестницы-трапа, Павел сбежал на взлетную пластиковую дорожку. Она была гладкая и блестящая, как черное зеркало.

Боясь поскользнуться, Павел осторожно сделал шаг, другой. Ноги не скользили, и Павел поднял голову, отыскивая вход в светлое, все из стекла, здание аэропорта.

— Павел Константинович? — Кто-то тронул его локоть.

Павел оглянулся. Перед ним стоял академик Степан Васильевич Бурмаков.

Несколько мгновений они смотрели друг на друга, потом Бурмаков подался вперед и крепко обнял Павла.

В машине Бурмаков расспрашивал Павла о последних работах, о Минске, где академику никак не удавалось побывать. Павел отвечал, понимая, что это только прелюдия. Главный разговор, который окончательно решит его судьбу, состоится, видимо, позже.

Не заезжая в Москву, Бурмаков свернул на дорогу, что вела к академическому научному городку. Машина делала более двухсот километров в час. Такая скорость была возможна не только благодаря мощному двигателю. Машина мчалась по прямому шоссе, имевшему одностороннее движение, автоматические сигнальные знаки. Быстрая езда импонировала настроению Павла, нетерпеливости. Только, к сожалению, рассмотреть что-нибудь у дороги не было никакой возможности.

Полчаса головокружительной гонки, и они оказались в большом сосновом лесу, где находился городок. Поехали тише. Наконец машина подкатила к небольшому белому коттеджу.

— Здесь будем жить, — показал рукой Бурмаков и снял темные водительские очки.

Новое жилище не очень понравилось Павлу, хотя все здесь было предусмотрено, чтобы человек чувствовал себя удобно. Просторные, полные чистого лесного воздуха комнаты, мягкая мебель, стеллажи и шкафы с книгами, радиоприемник, телевизор, телевидеофон. Пользоваться всем этим очень удобно и просто. Не поднимаясь с кресла или с дивана, можно нажать соответствующую кнопку и послушать передачу, переговорить по телевидеофону с кем-нибудь, опустить или поднять штору на окне, получить, наконец, стакан воды, чистой или с любым сиропом. Вообще, удобства, окружающие здесь человека, напоминали те, что должны быть в каюте космического корабля. Но была ли нужда раньше времени отказываться от земного образа жизни?

Бурмаков догадался, что обстановка в коттедже не очень понравилась Павлу, и улыбнулся:

— Думаю, коллега, вы со временем надлежащим образом оцените этот комфорт, особенно, когда начнете подготовку к экспедиции. А сейчас, извините, я на время оставлю вас.

Новая обстановка, неизвестное будущее, вынужденное ожидание только увеличивали нетерпение. Павел вышел в лес. Заросшая зеленым мхом, давно нехоженная тропинка вела в чащу. Ветви кустарника хлестали по лицу, царапали руки. А Павел все шел и шел и вскоре наткнулся на лесное озеро, из которого вытекала крохотная речушка. У ее истоков стоял шалаш, рядом была привязана лодка. Павел сел в лодку, вставил в уключины весла и вдруг вспомнил, что два дня назад они с Валею собирались на Березине в лодке провести его недельный отпуск. На сердце сразу стало тяжело. Павел выпрыгнул на берег и, не разбирая дороги, напрямик двинулся к коттеджу.

— Заскучали? — Бурмаков был уже дома. Его приветливость, сочувственный тон вызывали на откровенность, и Павел ответил:

— Скорее бы!

— А придет время, Павел Константинович, и вы будете вспоминать сегодняшний день, как один из самых лучших.

Павел посмотрел на Бурмакова. Степан Васильевич задумчиво перебирал в пальцах листья черемухи, что заглядывали в комнату через открытое окно, и, казалось, в эту минуту не замечал ни Павла, ни комнаты. Наверно, почувствовав немой вопрос Павла, он сказал:

— Завтра, возможно, нам не хватит времени любоваться красотой природы. А потом... Потом мы сможем о ней только вспоминать. И это будут самые приятные воспоминания, поверьте мне.

Ему можно было поверить. Бурмаков — один из тех космонавтов, которые побывали в продолжительных экспедициях на Луне.

4

Неделя, как и предсказывал Бурмаков, пролетела, словно один день. Съездить в Минск, как Павел думал раньше, не удалось. Все время отнимали врачебные обследования. Опутанный густой сетью проводов, Павел часами то лежал неподвижно, то занимался гимнастическими упражнениями, то сидел за столом и делал сложные математические расчеты. Его поведение и состояние регистрировались специальными приборами и наконец, видимо, удовлетворили врачей. Однажды они сказали:

— Годен!

Теперь Павел мог уже считать себя членом экспедиции. Осталось только встретиться с руководителями Космического центра. Накануне встречи состоялся наконец важный разговор с Бурмаковым. Степан Васильевич познакомил Павла с намеченным для их путешествия маршрутом.

В то время, когда принималось решение о новой дальней космической экспедиции, предполагали достигнуть Марса, не делая, однако, на нем посадки. Известные тогда реактивные двигатели не имели еще достаточной мощности для этого. Корабль,

опустившись на Марс, не смог бы оторваться от его поверхности, чтобы вернуться назад. Да и горючего, нужного для этого, взять с собой в достаточном количестве было невозможно.

— Потратив примерно три года, — говорил Бурмаков Павлу, — мы могли бы облететь вблизи Марс или Венеру, наших ближайших соседей. Однако посмотрите, что будет, когда мы попытаемся достигнуть других планет Солнечной системы. До Юпитера придется с такой скоростью добираться несколько лет, а до Плутона — полстолетия. И столько же — назад. Разум человека не может мириться с почти земными темпами передвижения в космосе. Ученые предлагали идеи, разрабатывали проекты космических кораблей, скорость которых соответствовала бы бесконечным расстояниям Вселенной. Согласно одним теориям, космический корабль нужно было оборудовать парусом диаметром в несколько сотен метров. Давление солнечного света «надувало» бы этот парус. Сделанный из легкого и прочного материала, он должен был раскрываться после того, как корабль с помощью ракетных двигателей выведен уже на нужный курс. Другие предлагали использовать атомную энергию. Но коэффициент полезного действия созданных атомных двигателей был относительно небольшой. Не удавалось должным образом использовать энергию, освобождающуюся в результате распада атома. Такие двигатели, естественно, не могут удовлетворять нас в большом путешествии: и скорость не та и топлива нужно много. Поэтому самыми перспективными нужно считать фотонные ракеты...

— И наш корабль будет иметь фотонный двигатель? — загорелся Павел.

— К сожалению, нет. Согласно закону природы, в каждом грамме вещества сохраняется потенциальный запас энергии, равный 28 миллионам киловатт-часов. В одном грамме — шесть часов работы Братской гидроэлектростанции! Если бы мы смогли эту энергию добыть, она помогла бы нам создать огромной мощности реактивную струю, равную по скорости свету. Тогда и скорость ракетного корабля в космическом пространстве можно было бы довести почти до световой. Но человек пока что не умеет получать этой, так называемой полной энергии.

— А поиски ведутся?

— Безусловно. И хотя результаты поисков пока что незначительные, сам принцип навел нас на интересную мысль. Вы знаете, что работы в области больших энергий издавна интересуют меня. Я отдаю им почти все свободное между полетами время. Меня увлекла

идея построить двигатель, который мог бы обеспечить скорость в десятки и сотни тысяч километров в час. Фотонная ракета — дело будущего. А что еще имеет подобную скорость распространения?

— Силы притяжения, гравитации, — сказал Павел.

— И кванты, — добавил Бурмаков, — поток частиц в квантовом генераторе, так называемом лазере или мазере. Если их превратить в механическую энергию и придать им нужное направление, то можно создать определенную тяговую силу. В космосе, куда корабль будет выведен с помощью обыкновенных двигателей, ее вполне хватит. Там корабль не имеет веса, и, чтобы разогнать его, нужно совсем незначительное механическое усилие. Вот примерно такими установками и оснащается наш с вами звездолет. А новые ядерные двигатели позволят нам, сохраняя заданный курс, подлетать к планетам, астероидам и, несмотря на их сильное притяжение, делать там посадки.

Идея была настолько простая, что Павел не сразу поверил.

— Невероятно, — сказал он.

— А между прочим, факт, — ответил Бурмаков. — Вы помните последний искусственный спутник Венеры? Так вот, весь путь от внешнего пояса земной атмосферы к своей заданной орбите — по кривой более двухсот сорока миллионов километров — он летел с помощью такого двигателя. Это было его испытанием.

— А ведь верно. Мы еще тогда удивлялись скорости спутника, — оживился Павел. — Значит, наше путешествие будет не очень продолжительным?

— Да, — ответил Бурмаков.

— Но при чем тут старая дискуссия, материалы о которой вы велели мне прочесть?

— А вдруг на Марсе мы встретим что-либо подобное? Если космические гости были у нас, то они, возможно, побывали и там. Конечно, на все эти земные загадки лучше бы посмотреть собственными глазами, а не ограничиваться чтением газет, но у нас, к сожалению, нет на это времени.

— Я очень рад, Степан Васильевич, что мне выпала честь отправиться в космос вместе с вами. — Павел сказал это сердечно и просто.

Бурмаков поднялся с кресла и крепко обнял своего будущего спутника.

— И я рад тоже. Мы побываем на Марсе. Но это только начало, пробный полет. В перспективе — внешние планеты Солнечной системы, ближайшие созвездия, которые вы знаете очень хорошо.

Так вот оно что! Марс — это только начало. Нет, Павел никогда не думал, что в недалеком будущем он сможет наблюдать звезды не только с Земли, хотя бы даже в самый мощный телескоп. Он увидит их вблизи, а возможно, даже встанет на их поверхность.

Павел посмотрел на Бурмакова. Глаза парня горели радостью. Бурмаков подошел, сел рядом.

— Наше путешествие будет сложным и, безусловно, опасным. Верю, верю, — остановил он протестующий жест Павла, — вы не отступите. Но еще более трудными, — продолжал Бурмаков, — будут полеты в направлении дальних миров. Для этого понадобятся опытные астролетчики. Поэтому Космический центр предполагает послать с нами еще одного человека, юношу с отличными математическими способностями, чтобы он сейчас, в менее напряженных условиях, приобрел опыт космических полетов. Конечно, если согласятся родители, ибо вряд ли найдется школьник, который бы отказался от такого полета.

— Степан Васильевич! — оживился Павел. — Я знаю такого мальчика. И математик, и чемпион вашей республики по легкой атлетике.

— Хорошо знаете?

— Хорошо. Брат моей... невесты. — Последнее признание у Павла вырвалось неожиданно, и он растерянно посмотрел на Бурмакова.

Степан Васильевич хитровато прищурил глаза:

— Буду иметь в виду. А сейчас поедem. В Москву. Также со временем вспоминать

будем.

— Я думал... — Павел не договорил до конца.

Степан Васильевич сразу понял его мысль:

— Что я не буду вспоминать Землю? Буду. И жалеть буду. Но не лететь не могу. Этот полет — мечта всей моей жизни. Конечно, некоторое время спустя человек побывает у далеких звезд, глубже узнает законы движения материи, существования органической или другой жизни. Те экспедиции принесут человечеству такие знания, о которых мы и мечтать пока не осмеливаемся. Но тем не менее, нам предстоит сделать еще один шаг на долгом и трудном пути завоевания космоса...

Этот вечер запомнился Павлу на всю жизнь.

5

Для человека любой эпохи путешествие в космос будет всегда окрашено романтикой, граничащей с мечтой. Потому что очень долго человек не мог вырваться из плена земного притяжения. Но, пожалуй, одни только космонавты знают, что, кроме романтики, есть еще тяжелая работа, которая начинается уже с самого первого дня подготовки к полету.

Первую ночь в академическом городке Павел, как и накануне в Минске, спал плохо. Но потом... Потом он засыпал, едва коснувшись головой подушки.

Дом, что прятался в березовой роще немного в стороне от главной дороги, сначала не привлекал внимания Павла. Ему как-то и в голову не приходило, что здесь он проведет не один час, занимаясь напряженной и, может быть, немного однообразной работой.

И вот его пригласили сюда.

На пороге дома Павла встретила женщина в белом медицинском халате.

— Заходите, — как маленького взяла она Павла за руку.

Павел послушно пошел за ней. Женщина подвела его к группе незнакомых людей, стоящих в большом, подобном на цирковой манеж, светлом и неожиданно высоком для этого приземистого дома зале. Каждый поздоровался с Павлом за руку, назвав свое имя. Павел с интересом оглянулся.

Посреди зала стояла центрифуга. Наверно, такая же, как и та, на которой когда-то тренировались первые космонавты и о которой Павел много слышал и знал. В самый потолок упиралась стальная ось, от которой расходились две стрелообразные руки-фермы. К одной был прикреплен противовес, к другой — что-то похожее на кабину пилота в сверхзвуковом реактивном самолете.

Женщина, которая привела Павла, сказала:

— Здоровье ваше отличное. Но для космонавта это не все. Он должен привыкнуть к тем условиям, которые, возможно, встретятся во время экспедиции.

Павла переодели, посадили в кабину, обвили добрым десятком проводов, которые тянулись к многочисленным приборам.

— А руки держите вот на этих кнопках, — попросил один из операторов.

— Зачем? — спросил Павел взглядом.

— Таким образом проверяется ваша способность быть внимательным во время перегрузок. Левую кнопку нажимайте, когда вот на этом табло станут вспыхивать красные огоньки, — оператор показал на лампочки, укрепленные перед глазами Павла. — А правую, наоборот, отпускайте, когда почувствуете себя плохо. Только не стесняйтесь, приборы все равно сами нам расскажут, что с вами происходит.

В зале погас свет, коромысло плавно тронулось с места и, набирая скорость, понеслось по окружности.

Зажигались красные огоньки, Павел нажимал левую кнопку, отвечал на вопросы, а самому вспомнилось детство.

...Старшие мальчишки из их детского дома, когда подмерзло соседнее болото, притащили откуда-то обыкновенное колесо от телеги и длинную жердь. Несколько минут —

и карусель была готова. Он, Павлик, заоченел, пока дождался очереди на салазки, прикрепленные к концу жерди. Ему было и весело, и страшно, когда санки медленно двинулись с места. А вскоре уже все вокруг слилось в одну полосу, к горлу подступил комок. Чтобы не закричать — друзья не простили бы трусости, — он закрыл глаза и сколько было силы вцепился в жердь. Когда его сняли, он победно улыбнулся и, шатаясь, поплелся в снежный сугроб. Снег был мягкий и холодный. Немного полежав в нем, Павлик побрел домой. Потом он долго боялся подходить к карусели.

— Как вы? — услышал Павел голос оператора.

Он хотел ответить, что ему хорошо, и вдруг почувствовал, что тело начинает деревенеть. Но все же ответил:

— Нормально!

Еще через мгновение тело словно налилось свинцом, а грудь сдавило так, будто на нее наступил слон, сначала одной ногой, потом другой... До слуха донеслось: «Шесть „g“». В затуманенном мозгу мелькнуло: «Ого! Я вешу уже четыреста пятьдесят килограммов». Он хотел снять правую руку со спасательной кнопки и не мог. Рука казалась тяжелой каменной глыбой. И вдруг все закружилось, запрыгало, полетело в разные стороны. Мелькали разноцветные огоньки-сигналы, что-то тревожное гремели наушники, кабина проваливалась вниз. Павел ждал, когда наконец он ударится о стенку или потолок...

«Спуск!» — как-то подсознательно мелькнуло в голове. Павел с облегчением вздохнул и виновато взглянул на операторов, врачей, ассистентов. Но те и не думали упрекать его. Наоборот, в их глазах было удивление: первый раз такую перегрузку может выдержать далеко не каждый.

— Ну и сердце! — сказал врач, показывая Павлу кардиограмму, на которой осциллограф вычертил ровные черточки, почти такие же, как и перед тренировкой. — Молодец!

Откуда врачу было знать о той карусели!

Занятия на центрифуге вскоре закончились. Через некоторое время Павел мог уже довольно долго выдерживать двенадцатикратную перегрузку. Вестибулярный аппарат космонавта привык к внезапным изменениям веса и положения тела.

А впереди Павла ожидало куда более серьезное испытание. Однажды его привезли в помещение, где находился макет кабины космического корабля.

На земле у человека привычный распорядок жизни. Он находится среди друзей и знакомых. А в безграничных просторах космоса? Один или с небольшой группкой таких же, как и он, оторванных от родной земли на долгие-долгие месяцы, космонавт все время будет находиться под впечатлением своей отдаленности от родной Земли. Она будет угнетать его психику с каждым днем все сильнее и сильнее. Какую волю должен иметь человек, чтобы выдержать и победить!

Испытание силы воли в макете-кабине и ждало Павла. Сначала он провел в кабине несколько часов, потом — сутки, затем — неделю. Один, без какого-либо занятия, не слыша ни единого звука. Как это тяжело — сидеть и ничего не делать, даже зная, что ты тренируешься и через некоторое время снова будешь среди людей.

Особенно трудной была неделя одиночества. Три шага туда, три — назад. Кресло. Кровать. Небольшой стол, в ящиках которого только пакеты с едой. У него было время снова и снова обдумать всю свою жизнь, Проанализировать все свои поступки. Единственного он не позволял себе — думать о Вале, а мысли о ней как раз и были самыми волнующими, не давали ему покоя.

К сурдокамере Павел привык только на пятые сутки. Помогла физика. Без бумаги и карандаша он стал вычислять движение в космосе мельчайших атомных частиц, приобретших скорость больших энергий. Это был титанический труд. Сколько раз Павел, забывшись, шупал карманы, надеясь найти карандаш и бумагу, и, не находя, в отчаянии скрипел зубами. Он боялся, что забудет только что вычисленную сложную формулу.

Кончилась неделя. Медики не нашли в психике сколько-нибудь существенных

отклонений. Павлу разрешили отдохнуть.

Он вернулся в свой коттедж и сел за письменный стол, чтобы восстановить расчеты, сделанные в кабине-макете. Окончив работу, он вдруг почувствовал усталость и пошел в лес.

Был тихий летний вечер. Стемнело. С озера тянуло влагой. Павел долго бродил по лесу, с удовольствием вдыхая прохладный терпкий воздух. Домой вернулся, когда уже совсем стемнело.

Он не сразу зажег свет, а постоял еще у окна, любуясь розовым разливом заката. Скоро наступит время, когда солнце для него не будет заходить... Незнакомая грусть, большая любовь к Земле впервые потревожили душу. Он отвернулся от окна и заметил на столе записку:

«Буду вечером. Встречайте гостей.

Бурмаков».

Стрелки стенных электрических часов показывали почти одиннадцать ночи. Если не нарушать установленный для тренировок режим, пора уже ложиться спать. Но ведь гости...

Он прислушался, не идет ли Бурмаков, и... не смог подняться сразу с кресла. Валя! Почему она здесь?

Витя, Валя и Бурмаков с Валиным чемоданчиком в руке вошли в комнату и остановились у дверей.

— Валя! — тихо позвал он.

— Вот ты где! — счастливо засмеялась Валя. — В прятки играешь? — Она подбежала к Павлу и на мгновение прижалась к нему. — Хватит уж, хватит прятаться от меня.

Последние слова слегка обескуражили Павла.

— Прячусь? — растерялся он.

— Ну конечно. Сначала сам тайком от меня собрался в космос, а теперь и Витьку за собой тянешь. — И Валя нежно обняла брата.

— Пусти, — мягким баском произнес парень, вырываясь из объятий.

Это развеселило Бурмакова. Он стал успокаивать Витю:

— Женщины всегда, Виктор, были сентиментальные, нужно прощать им эту слабость.

— Ничего, скоро мы избавимся от их опеки. — С независимым видом Витя шагнул к столу и сразу забыл и о сестре, и обо всем на свете: перед ним лежала карта неба, на которой пунктиром была проложена трасса космического корабля.

Валя тоже взглянула на стол, побледнела и, чтобы скрыть волнение, сказала:

— Как здесь красиво у вас.

— Дача, Валентина Аркадьевна, — ответил Бурмаков. Нужно же было как-то поддерживать разговор. — На даче должно быть красиво...

Павел подошел к Вале:

— Я должен тебе все объяснить.

Валя спокойно повернулась к нему:

— Не надо, Павлик. Я все уже знаю и все понимаю, все. И давай договоримся: никогда не говорить друг другу о разлуке. Ни разу, ни при каких обстоятельствах.

Павел крепко пожал ее руку.

— А я узнала обо всем от Степана Васильевича, когда привезла Витю, — продолжала Валя. — Степан Васильевич встречал нас. А впрочем, я не в обиде, что сразу не сказали. Наверное, так нужно было.

— Нужно, нужно, — вмешался Витя, — а сама всю дорогу...

— Витька! — хлопнула Валя ладонью по столу. — Простите, но он такой болтун, что всю жизнь вам отравит в путешествии, поверьте мне.

— Очень хорошо, — засмеялся Бурмаков. — Будет хоть один разговорчивый человек среди нас.

— Степан Васильевич, — обратилась к Бурмакову Валя, — я знаю, что Павел искал в

газетах материалы о следах космических гостей. Так, может быть, вы летите искать их на других планетах?

Бурмаков, казалось, ждал этого вопроса. Он снял со стола карту неба и повесил на стену.

— Какой вывод сделал Павел Константинович из тех поисков, вы знаете. Я могу прибавить только одно: конечно, мы летим на Марс не потому, что на Земле, возможно, побывали марсиане или кто другой. Хотя, вы понимаете, хотелось бы встретить разумную жизнь где-нибудь там, — он показал рукой в открытое окно, за которым чернело густо усыпанное звездами ночное небо. — Но у Павла Константиновича появились интересные мысли в связи с этими гипотезами. Он, например, считает, что древний календарь, найденный в Перу, может соответствовать не только нашей Венере, но и одной из планет созвездия Индейца, откуда мы иногда принимаем непонятные радиосигналы. Наш полет даст возможность познакомиться с другими планетами, а также ответит на вопрос: смогут ли люди нашего времени достигнуть ближайших созвездий, где, как мы предполагаем, есть условия для жизни, подобные земным. Уверен, что Павел Константинович и сам еще успеет проверить свои гипотезы.

Спохватившись, что сказал лишнее, Бурмаков прибавил:

— Но я не думаю, что на его долю выпадет столько интересного. Нужно же и другим посмотреть чужие миры.

Валя поняла и пошутила:

— Только прошу вас, Степан Васильевич, не отклоняйтесь от главного направления в полете, а то не успеете вернуться...

— В самом деле, что это я, — сконфузился Бурмаков. — Вот туда, к Марсу, мы и направимся. Вылетим в ноябре. Это связано не только с тем, что Марс будет тогда ближе к Земле. Осенью вокруг нашей планеты блуждает меньше метеоритов. Почему именно первая цель полета — Марс? Просто очень много загадок задал нам Марс. Помните, какая мысль высказана была в свое время о его спутниках Фобосе и Деймосе? Что они — искусственные. Вы думаете, мне не хочется, чтобы это была правда? Я также хочу, чтобы искусственными были каналы и моря. Но как оно там на самом деле — кто знает. Слетаем, посмотрим и обо всем расскажем вам, Валентина Аркадьевна. Верите?

— Верю, — задумчиво ответила Валя. — Разве можно жить без веры?

6

Наступила осень. Однажды Павел проснулся и не узнал своего жилища. Всегда светлая и просторная комната на этот раз казалась подземельем. Даже потолок как будто опустился ниже. Небо за окном было затянуто тяжелыми тучами. Они ползли низко, медленно, бросая мрачные тени на землю.

Павел поднялся, но не почувствовал обычной бодрости: тело привыкло уже к напряженным тренировкам, а впереди снова был свободный день: основная подготовка к отлету окончилась.

Нехотя Павел стал делать зарядку, обдумывая, чем бы заняться. Можно было бы побывать в Минске. Он с радостью слетал бы туда, но неизвестно было, когда позвонят выезжать на космодром.

В дверь постучали.

Вошел Бурмаков.

— Такое самочувствие, будто целые сутки проспал, — пожаловался Павел.

Бурмаков сочувственно покачал головой.

— Скорее бы уж дали какую-нибудь работу, Степан Васильевич, а то совсем разленился.

Бурмаков хитровато прищурился:

— Через час едем на космодром.

— Ура-а-а! — закричал, вбегая в комнату, Витя. Видимо он слышал, о чем здесь говорили.

Бурмаков поймал Витю, посадил рядом с собой на диван.

— Наш корабль построен. Сегодня начнем его принимать.

— А это долго? — Вите не терпелось поскорее отправиться в полет.

— Почти месяц.

— Месяц? — разочаровался Витя.

— А ты что думал? Вот увидишь, как и чем наш корабль оснащен, — поймешь, что это не так уж и много. Нам всю технику нужно не только проверить и принять. Мы должны изучить ее, чтобы никакая случайность в пути не застала нас врасплох.

...Скоростной высотный ракетоплан лег на крутой вираж. Потом сделал еще один и начал стремительно снижаться с двадцатикилометровой высоты. Прижатые к спинкам кресел, Павел и Витя искали глазами землю. Где-то там, скрытый облаками, лежал космодром. Какой он?

Прорвав тучи, ракетоплан нырнул к посадочной полосе.

— Здесь? — Витя надеялся увидеть большой город, величественные ангары ракетопланов, бронированные бункера наблюдателей. Но вокруг было ровное поле.

— Эх ты, романтик... — Бурмаков ласково потрепал Витю по плечу. — Самое главное находится под землей. И корабль там. В закрытом помещении с постоянной температурой более надежно было вести сборку и монтаж, так как работа эта требует очень высокой точности.

Но Витю это не особенно утешило. Отсюда во Вселенную отправится первый корабль, а кто увидит его в ту торжественную минуту!..

Когда на посадочной площадке их встретила большая группа людей, неизвестно откуда появившихся, Бурмаков подморгнул Вите.

— Ну как? Пустыня?

Машина повезла их в степь. Когда остановились, густой бас Бурмакова прозвучал по-молодому звонко:

— Приехали!

У Павла и Вити от волнения сильнее забилося сердце: где-то здесь должен быть корабль, который понесет их в космос.

Сделав несколько шагов, они остановились у небольшой постройки с золотистым шпилем.

— Сюда, — показал на вход начальник космодрома и пригласил всех зайти в лифт. Секунда, и кабина лифта оказалась в огромном зале, залитом ровным спокойным светом.

Его нельзя было не заметить сразу. Красавец, величественный и строгий, он, казалось, ждет только команды, чтобы сделать свой гигантский прыжок в звездное пространство.

Павел и Витя стояли, потрясенные зрелищем. Вот он, их корабль, убежище на долгие месяцы в холодном космосе.

Бурмаков, который здесь бывал раньше, тоже почувствовал, что и для него полет уже не план, а реальность, и с этой минуты нет, не будет у него более близких друзей, чем Павел и Витя. Взмолванный Степан Васильевич подошел к ним, обнял за плечи и долго не сводил глаз с корабля, сияющего холодным серебром.

Кто-то из присутствующих навел на космонавтов фотоаппарат. Позже, после отлета корабля, этот снимок облетел все газеты мира. А пока что людей ждала работа.

— Идемте, товарищи, займемся делом, — совсем буднично сказал начальник космодрома.

Скоро Павел понял, что двадцать четыре часа в сутки — это совсем немного. Ему нужно было не только изучать устройство корабля, но и присматриваться к каждому узлу критически, представлять его во время полета, в действии. Когда Павел сетовал, что для него — суток мало, Бурмаков шутил:

— Потерпите немножко. Найдем вам планету, где сутки будут — сорок часов.

Как ни странно, подобные шутки успокаивали, и Павел с еще большим упрямством брался за работу, иногда только не понимая, откуда берутся силы у Вити, чтобы наравне с ним лазить по трапам, проверять схемы, копаться в соединениях тысяч проводов.

Правда, от Вити не требовалось таких знаний, как от его старших товарищей, но парень был полон нетерпения ускорить час отлета. И даже в редкие свободные минуты отдыха он не мог молчать, засыпая и Павла и Бурмакова множеством всевозможных вопросов.

Шли дни. Корабль переставал быть незнакомым, таинственным. Он становился близким, понятным и от этого еще более привлекательным.

Наконец настала и та долгожданная минута, когда главный эксперт государственной комиссии, поставив свою подпись, подал акт Бурмакову.

Космический корабль был готов к отлету.

7

Космонавты получили короткий предстартовый отпуск. Можно было отдохнуть, отоспаться за все дни. Но никому из них терять времени на сон не хотелось. Они ездили в столицу, ходили в театры, гуляли по паркам и бульварам. Павел грустил о Вале, часто становясь молчаливым, задумчивым. Бурмаков первое время не мешал ему: пусть, мол, живой человек. Но когда Павел приуныл совсем, он пригласил его погулять по саду.

Ночью мороз подсушил тропинки. Под ногами шелестели желтые листья. Голые деревья стояли молчаливо, одиноко.

— Будто марсианское лето, — заметил Павел.

Бурмаков кивнул головой, однако было видно, что не об этом он думает. Пройдя еще несколько шагов, он заговорил:

— Почему-то я вспомнил давнюю историю. Наверно, перед серьезным делом у человека возникает потребность всколыхнуть прошлое, особенно, когда человек этот стареет... Не спорьте, мне уже сорок пять, а для человека моей профессии — это много. Так вот, мне вспомнилось, как мы готовились к первому полету на Луну. Тогда мне было столько лет, сколько вам сейчас, и был я уже женат. Моя жена была геологом.

Бурмаков рассказывал медленно, часто задумываясь.

— Мы договорились, что в экспедицию отправимся вместе, нам был нужен геолог. Вы хорошо знаете, какие тогда были ракеты. Первая могла взять только одного пилота. Им был я. Вторая ракета, на которой летела жена, должна была стартовать через два дня. Мы расстались, даже не простившись. Зачем? Через два дня мы должны были встретиться.

Мой полет был удачный. Оказавшись на Луне, я передал подробное сообщение на Землю и стал разгружать ракету. И вот, когда жена должна была присоединиться ко мне, вдруг пришла радиограмма с категорическим приказом вернуться. Я просил, доказывал, что мой полет стоил очень дорого, чтобы возвращаться, не сделав ничего, но никто не обращал внимания на мои просьбы. Я вернулся и в первый момент подумал, что лучше бы не возвращался. Вторая ракета, на которой летела моя Галя, взорвалась и сгорела. Сколько я упрекал себя за то, что разрешил ей лететь! И сейчас, когда я отправляюсь в космос, мне не хватает ее глаз и руки, которая махнула бы на прощание...

Павел взял Бурмакова за руку и молча крепко сжал ее. Он вспомнил Валю и догадался, зачем Бурмаков рассказал ему эту трагическую историю. Он тем самым будто сказал Павлу: какое это счастье, если ты знаешь, что тебя ждет дорогой и близкий человек. Павел хотел поблагодарить Бурмакова, но не осмелился: тот шел спокойный, тихий, наверно, весь еще в воспоминаниях о том невозвратном, незабываемом времени.

8

Вторую половину дня накануне отлета космонавты посвятили прощанию с Москвой. От Красной площади они прошли через весь город к Пантеону Владимира Ильича Ленина и

затем вернулись к музею Космонавтики. Те, кто оставлял Землю, всегда отдавали дань уважения своим предшественникам, жизнь многих из которых стала историей.

На возвышенности, на окраине Большой Москвы, десять лет назад появилось здание музея. Оно совсем не напоминало космический корабль, как это предлагалось авторами многих проектов. Архитектура его была строгая, полна математической логики. Правильные геометрические ансамбли создавали впечатление чего-то неземного, и это лучше всего соответствовало назначению здания.

С волнением вошли они в музей Космонавтики, в просторных залах которого находятся богатейшие экспонаты, рассказывающие о пути, пройденном человечеством в завоевании космоса.

Наша страна — родина астронавтики. Потому все, что касается завоевания человеком неба, сначала выходило от нас. Первый самолет Александра Федоровича Можайского, модели которого он демонстрировал в 1876 году и который в 1882 году поднялся в воздух. Первый чертеж первой ракеты, предназначенной служить двигателем летательного аппарата, созданный непоколебимым революционером Николаем Ивановичем Кибальчичем в каземате Петропавловской крепости за несколько дней до казни в марте 1881 года. Гениальные труды Константина Эдуардовича Циолковского, разработавшего теорию космического полета...

Научные подвиги этих великих русских не были напрасными. Четвертого октября 1957 года в небо был запущен первый, именно советский искусственный спутник Земли. Второй спутник с живым существом — собакой на борту — вышел на орбиту менее чем через месяц — третьего ноября. Пятнадцатого мая 1958 года в космическое пространство вокруг Земли вылетел третий советский спутник. Их было запущено много, крупных, совершенных, отлично оборудованных. Они вызывали восхищение всего мира и зависть наших недругов. Слово «спутник» стало тогда международным.

Но все это было только прелюдией к главному. Новая Космическая эра на Земле началась 12 апреля 1961 года. В этот день советский пилот Юрий Алексеевич Гагарин осуществил извечную мечту людей: на советском космическом корабле «Восток» он поднялся на трехсоткилометровую высоту и облетел земной шар. Многие после него побывали в космосе, но тот полет не забылся — он был первым.

Притихшие, даже не думая, что и их имена завтра будут рядом с именами других героев космоса, Павел и Витя осматривали один стенд за другим.

Бурмаков не ходил с ними. Он сразу направился в тот зал, где были собраны материалы о завоевании Луны. Там находились и документы, рассказывающие о жизни и смерти его жены. Посещение этого зала стало у него привычкой. Он обычно приходил сюда перед каждым полетом в космос.

Чтобы не мешать ему, Павел и Витя остановились у стенда Гагарина. Да, нелегко быть первым в новом, неизведанном. Возможно, поэтому так интересовало их все в полете Гагарина. И то, что он думал, когда садился в кабину, и как чувствовал себя, когда поднялся в космос, и с какими мыслями шел на посадку, отвечал на приветствия, поздравления. Но больше всего взволновали слова письма, написанного первым космонавтом перед отлетом:

«Через несколько минут мощный космический корабль понесет меня в далекие просторы Вселенной. Что можно сказать вам в эти последние минуты перед стартом? Вся моя жизнь кажется мне сейчас одним чудесным мгновением... Я испытал большое счастье. Быть первым в космосе, вступить в небывалый поединок с природой — можно ли мечтать о большем?.. Но я подумал и о той огромной ответственности, которая возложена на меня. Первым сделать то, о чем мечтали поколения людей... Это ответственность перед всем советским народом, перед всем человечеством, перед его настоящим и будущим... Я сделаю все, что смогу, для выполнения задания Коммунистической партии и советского народа».

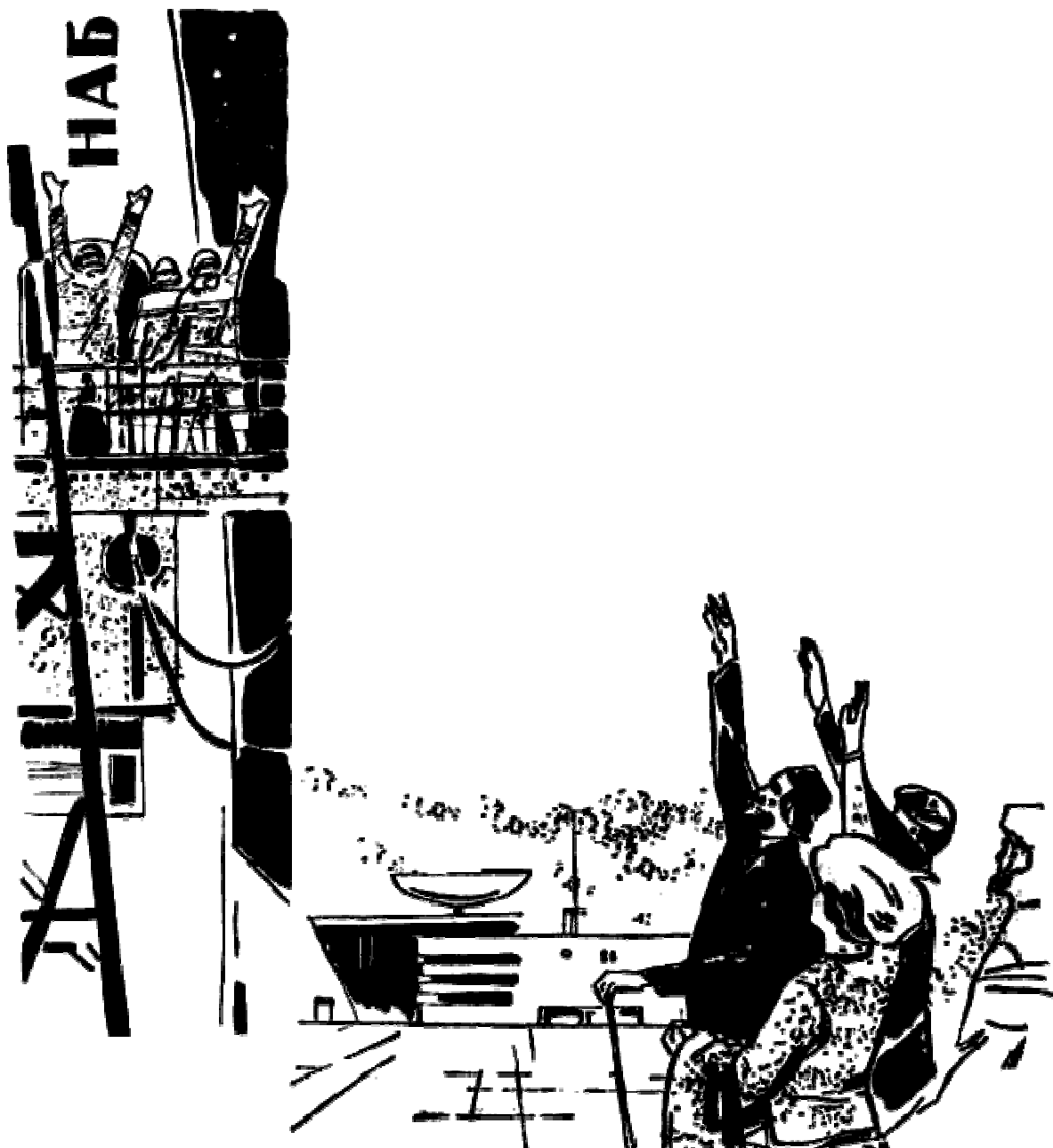
Так писал Юрий Гагарин. Но так — Павел мог честно сказать себе об этом — мог бы написать и он. И, конечно, Бурмаков и Витя. Это не только их полет — это полет представителей человечества, советских людей, не пожалевших ни сил, ни средств для снаряжения космического межпланетного корабля.

Взволнованные, полные решимости с честью выполнить задание Родины, возвращались космонавты в этот вечер на подмосковную дачу.

9

Все радиостанции мира передали сообщение Всесоюзного Космического центра: «21 ноября в 16 часов стартует первый советский межпланетный корабль „Набат“».

Невероятное сбылось! Человек направлялся в далекий путь к другим планетам.

На стартовом поле космодрома было тихо. Провожать космонавтов приехали члены правительственного комитета, ученые, родные и близкие космонавтов. Внешне спокойные, торжественные, они в эти последние минуты старались добрым словом, шуткой подбодрить тех, кого не увидят долгие месяцы, кому встретятся в пути трудные испытания.

Павел был с Витей. Давая Вите разные советы, полезные в повседневной жизни и ненужные в космосе, Валя только изредка бросала взгляды на Павла, и он был благодарен ей за это. Он хотел многое сказать девушке и в других обстоятельствах сказал бы обязательно.

А сейчас не мог. Да и зачем? Он счастливее Бурмакова, хотя и немного грустный. Он посмотрел в ту сторону, где находился Бурмаков. Окруженный толпой известных ученых, многих из которых Павел знал только по портретам, Бурмаков вовсе не выглядел несчастным. Наоборот, он казался счастливее тех, кто оставался на Земле.

Время шло. Репродукторы сообщили: «15 часов 30 минут, время прощаться». Потом снова неумолимый металлический голос объявил: «До старта осталось пятнадцать минут».

Трое космонавтов отделились от толпы, по традиции поднялись на возвышение, минуту постояли там, далекие уже в мыслях от всего, что происходило рядом.

С напутственным словом выступил председатель Космического центра. Павел заметил Валины глаза, полные слез, и ее руку, поднятую на прощание. Он помахал в ответ. Еще мгновение, и они уже только втроем — Бурмаков, Павел и Витя — направились к кораблю. Металлический голос остался где-то далеко сзади, предупреждая присутствующих не приближаться к стартовой площадке.

Павел увидел прикрепленные к кораблю ракеты. Они должны были вывести «Набат» за пределы атмосферы. Взволнованный торжественностью момента, он вошел в люк корабля, механически, будто делал это каждый день, проверил показания приборов, опустился в рубку в свое кресло. И вдруг сразу вернулась ясность мысли. Земля и то, что там осталось, отдалились. Здесь жизнь шла своим чередом. Павел нажал кнопку, и прозрачный предохранительный антигравитационный колпак, который должен был уменьшить воздействие силы ускорения, опустился над креслом. Его товарищи успели это сделать раньше. До старта оставалось тридцать секунд. Павел взглянул на экран телевизора, показывавший подземный зал космодрома, где собрались все, кто провожал их, хотел найти Валю в толпе, но не успел. Раздался глухой гул, на телеэкране замелькали молнии. Неприятная тяжесть прижала Павла к пружинистой поверхности кресла. А когда на экране посветлело, поле космодрома выглядело на нем маленькой точкой.

Бурмаков освободился от предохранительного колпака, подошел к пульта управления, позвал к себе Павла и Витю. Многочисленные приборы мерцали красными, синими, зелеными лампочками, гудели, напевая свою бесконечную и только им понятную песню.

— Витя, — приказал Бурмаков, — открой боковые иллюминаторы.

Юноша повернул черный рычажок, и яркий солнечный свет залил рубку.

— Земля! Смотрите, Земля! — закричал Витя, вглядываясь в иллюминатор.

Земля, окутанная облаками, голубела в черной бездне неба справа от корабля. Где-то там, на неясно видимом отсюда материке Европы, находилась Москва. Чуть дальше космодром, где еще стояли их друзья, родные, близкие. Они ждали сообщения из ракеты. Бурмаков посмотрел на земные часы, что висели рядом с астрономическими. С момента старта прошло пятнадцать минут. Корабль уже выведен на временную орбиту вокруг Земли. Пора подавать о себе весть. Степан Васильевич включил телевизор прямой связи. Матовый экран ожил, промелькнули очертания зала, космодрома и наконец на нем появилось лицо председателя Космического центра.

— Поздравляю с удачным стартом! — сказал он. — Как чувствуете себя?

— Нормально, — лаконично ответил Бурмаков. Остальное за него передали приборы, которые отмечали их поведение после старта и в первые минуты подъема.

Председатель удовлетворенно кивнул головой. Экран поплыл, на нем крупным планом появились лица тех, кто находился в зале. Это было традиционное последнее прощание. Потом на экране снова появился председатель. Подняв руку, он торжественно сказал:

— Вам время выходить на курс. Желаем счастливого путешествия и возвращения на Землю!

Невидимый оркестр заиграл Гимн Советского Союза. Бурмаков, Павел и Витя встали и повернулись к иллюминатору, в котором была видна Земля.

ГЛАВА 2

Из дневника Вити Осадчего

25 ноября

Иногда я забываю, что нахожусь не на Земле, а на корабле в космосе. Как здесь хорошо, как продумана каждая мелочь! Вот я сейчас сижу в небольшом кабинете-библиотеке. Это — уютная каюта со столом, шкафами и полками вдоль стен. Можно читать, писать (что и делаю), и никто, и никогда тебе не помешает. Степан Васильевич и Павел Константинович не знают о моем дневнике. Не говорю им не потому, что хочу от них что-нибудь утаить. Нет. Но вдруг они подумают, что мне захотелось домой, и станут жалеть: зачем брали меня с собой. А я очень не хочу, чтобы эти люди, лучше которых я еще в своей жизни не встречал, подумали обо мне плохо. Им хватает забот и без меня, так пусть мой дневник будет пока что для них тайной.

Ну, вот и все. Главное сказано, можно записывать свои впечатления. Начну с того, как по телевидеофону простились с Землей. Это был такой момент, что у меня даже горький комок к горлу подступил. Казалось, вот-вот заплачу. Но хорошо, что удержался, было бы очень стыдно. А так, кажется, ни С.В., ни П.К. не заметили этой моей слабости. Я считаю, что ее нельзя простить настоящему космонавту, хотя, пожалуй, и им было тогда не очень весело.

Из-за этой своей слабости я чуть не прозевал минуту, когда наш корабль лег на курс к Марсу. Было это до обидного обыденно. Сначала показалось, что руки и ноги будто свинцом налились, как во время упражнения на центрифуге. С.В. взял меня за чуб, словно я маленький мальчик, и сказал успокаивающе:

— Десять минут небольшого ускорения.

А я и сам понимал, что это возникла повышенная сила тяжести из-за включения ядерных двигателей. Взглянув в иллюминатор, я увидел, что Земля поплыла от нас в сторону, уменьшаясь буквально на глазах.

До Марса будем лететь со скоростью семьдесят тысяч километров в час, и наше путешествие продлится два с половиной месяца. Я поинтересовался, почему бы нам не увеличить скорость, ведь наши двигатели позволяют это. Мне объяснили, что Марс в это время находится в самой ближайшей точке от Земли, на расстоянии по прямой примерно шестидесяти миллионов километров. Если мы разгоним корабль до большей скорости, то у нас не будет времени для постепенного торможения. «Набат», чего доброго, еще пролетит мимо планеты.

Нужно сказать, что С.В. и П.К. пока не вмешиваются в работу механизмов корабля. Ими управляет автопилот — с виду небольшой ящик, внутри которого находится компактная вычислительная машина. У нас их четыре. Они работают одновременно, контролируя одна другую. П.К. рассказывал мне, что первые электронно-вычислительные машины были очень сложные и громоздкие. Если бы тогда была создана машина такой мощности, как наши, то она имела бы очень сложную схему и более сотни тысяч электронных ламп, которые, как известно, часто выходили из строя. Конечно, на такой вычислитель в полете, вроде нашего, надеяться нельзя. Поэтому сейчас счетные приспособления для космических кораблей целиком собирают из керамических пластинок, на которые методом печатного монтажа нанесены узлы схем. Вместо электронных ламп поставлены кристаллики полупроводников. Энергии для питания этих машин нужно немного. Одна солнечная батарея дает ее достаточно. А их на корабле находится больше десятка. Когда же мы удалимся от Солнца, электроэнергия станет поступать от урановых батарей.

Словом, наш корабль ведут автоматы. Здесь может возникнуть вопрос: а что тогда

делает дежурный пилот? О, у него тоже обязанностей хватает. Над центральным пультом управления установлен экран. На нем всегда светится та часть неба, где мы в этот момент находимся. Среди звезд отмечается наша трасса, бегущая за миниатюрным космическим корабликом — копией нашего. Время от времени дежурный проверяет, правильный ли курс. А если надо отклониться, поручает машинам вычислить новый.

Но главное занятие дежурного — наблюдения. Из иллюминатора корабля Вселенная выглядит совсем иначе, чем с Земли. Потому и П.К. и С.В. все время у приборов. Оба они очень интересуются астрономией. Жалею, что пока ничем не могу помочь им. Не умею. Буду учиться!

Для меня, между прочим, была составлена специальная учебная программа еще перед стартом. Нужно обязательно выполнить ее. Учебников здесь хватает. Все полки в библиотеке заставлены. Правда, это не такие книги, которыми мы привыкли пользоваться на Земле. Протянешь руку к одному из ящиков, и у тебя маленькая коробочка, раза в два меньшая, чем из-под спичек. Открываешь — маленький кристаллик. Даже в лупу на нем ничего необычного не заметишь. Однако если вставить кристаллик в электронный микросниматель звуков, то можно услышать или на специальном экране увидеть текст книги, концерт, кино, спектакль. С помощью этих кристалликов я могу прослушать лекцию, получить научную или техническую справку, которая может мне понадобиться во время учебы или позже, за работой. Здорово!

Небо мне не очень нравится. Оно черное-черное, а на нем — яркие, неподвижные звезды, будто нарисованные. Вот если бы мы были близко к ним или высадились рядом, тогда другое дело, а смотреть просто так — по-моему, зря время тратить.

Главную часть корабля занимают склады топлива для атомных двигателей. Оно надежно изолировано от отсеков, где хранятся запасы концентрированных продуктов питания, воды, жидкого кислорода. Есть еще и специальные эллинги, в которых находятся вспомогательные машины и устройства. Они нам понадобятся, когда мы высадимся на Марсе. Хозяйственные помещения разместились в центральной и задней частях корабля. Передняя же, значительно меньшая по площади, предназначена для жилья и систем управления. Спим мы все в одной каюте. Есть у нас гимнастический зал, однако С.В. все равно заставляет нас во время зарядки бегать по трапам, тянущимся почти вдоль всего «Набата». Работаем мы или в библиотеке, или в ходовой рубке у автоматов.

Как-то на третий день после старта я практиковался на пятой, запасной, счетной машине, пытаюсь самостоятельно вычислить, не пересечется ли орбита блуждающего астероида Гермес с трассой нашего «Набата». Решив эту задачу, я захотел вычислить, на сколько времени нам хватит запаса кислорода. Откровенно говоря, сделав расчеты, я растерялся. Получалось, что всего на полгода. Я показал ответы машины С.В. Он улыбнулся:

— Давай вместе проверим.

Мы задали машине новую программу, в которой поставили вопрос так: «На какое время в наших условиях хватит имеющихся запасов кислорода». Ответ получен моментально: «На год, не считая хлореллы».

— Ты брал только то, что мы имеем. А машина «вспомнила» еще кое-что. Воздух, который мы выдыхаем, очищается от углекислого газа двумя способами. Первый — механический, регенерация. Кстати, с помощью сложных регенерационных процессов мы восстанавливаем и воду. И второй — хлорелла, зеленое одноклеточное водное растение, килограмм которой дает в сутки десять кубометров кислорода — в четыре раза больше, чем нужно одному человеку. Этот источник у нас практически неисчерпаем. Но автомат «не знает», сколько проживет хлорелла, и потому не учитывает ее.

Действительно, как это я забыл об оранжерее, где мы выращиваем хлореллу! Она идет нам в пищу, используется на корм для нашей кролиководческой фермы. Да, и такая у нас есть. Никогда раньше не думал, что в космосе у нас будет свежее мясо!

Автоматы следят за чистотой воздуха, состоянием нашего здоровья, могут выбрать каждому из нас меню на завтрак, обед, ужин, учитывая не столько желание, сколько

потребность организма. Даже, если попросишь, посоветуют, чем тебе лучше всего заняться в этот момент.

Как-то мне захотелось дать машине именно такое задание. Надел на руку специальный браслет, в который вмонтированы приборы, определяющие самочувствие человека. Все данные с помощью С.В. перевел на язык цифр. И вот из динамика приятный голос, совсем такой, как у врача в академическом городке, посоветовал: «Посмотрите приключенческий фильм».

С.В. громко засмеялся. А через минуту пришла моя очередь смеяться. Ему машина приказала прогуляться по высокогорной дороге. В наших условиях — это верхние трапы, где включается установка, ионизирующая воздух.

— Да, видно, переработал, — виновато проговорил С.В.

Вот какие у нас счетные машины!

Однако, что это вдруг замигала лампочка?

А-а, она напоминает, что я засиделся здесь.

Вот еще одно качество автомата — настоящая нянька. Ничего не сделаешь, нужно слушаться.

26 ноября

Какое все-таки чудо эти наши автоматы! От какой беды нас спасли! Но — по порядку.

С.В. был у пульта. П.К. занимался со мной астрономией. Мы как раз наблюдали Венеру, пытаюсь с помощью телескопа проникнуть сквозь густой слой облаков, окружающих планету. Венера — очень таинственная планета и вместе с тем во многом похожая на нашу Землю. И я очень жалею, что мы направились не к ней. Еще никому из астрономов не удалось увидеть хоть крохотную частичку ее поверхности. Предполагают, что Венера развивается так, как развивалась Земля, только отстает примерно на пятьсот миллионов лет. Как много интересного мы могли бы увидеть там! Возможно, не понадобилось бы искать жизнь на Марсе. Ибо он, по утверждению большинства ученых, мертвый. Обо всем этом я говорил П.К., как вдруг завывала сирена. Тревога! Мы, как по команде, взглянули на экран локатора. На его черной блестящей поверхности засветилась маленькая точка.

— Метеорит! — спокойно сказал С.В., но так крепко стиснул зубы, что побелели челюсти.

Точка росла прямо на глазах, превращаясь в небольшой шарик. Сирена выла, нагоняя ужас.

— Столкнемся? — спросил я, стараясь не думать, что в этом случае нам угрожает катастрофа: метеорит был не маленький.

П.К. ничего не ответил, только его рука, легшая мне на плечо, как-то сильно прижала меня к креслу.

Но ничего страшного не случилось. Шарик на экране неожиданно вспыхнул огненным пятном, и сирена умолкла.

— Почему сигналы тревоги всегда подаются этим мерзким воем? — спросил С.В.

— Чтобы не было легкомысленного отношения к опасности, — ответил П.К.

— Как хотите, — не согласился С.В., — а я заменю сирены чем-то более приятным.

— Моцартовским «Реквиемом»? — засмеялся П.К.

— А где метеорит? — Это меня интересовало больше, чем конструкция сирен.

— Уничтожен, — сказал С.В. и объяснил: — Вероятность встречи корабля с космическим телом очень мала в обычных условиях. Тем не менее она существует. Можно ее избежать простым отклонением от курса. Это важно, когда метеорит крупный. Но изменение курса довольно хлопотливое дело, поэтому на замеченный метеорит мы просто выпустили небольшой атомный заряд. Метеорит сгорел. Это было хорошей проверкой на практике противометеоритной защиты корабля.

Ого! С такой техникой не пропадем!

Каждый из нас снова занялся своим делом.

Все-таки мне здорово повезло, что я нахожусь среди таких замечательных ученых. Казалось бы, наша библиотека, или, по научному, фонотека, даст самое полное разъяснение на каждый вопрос, а послушаешь С.В. или П.К. и видишь, что они знают даже больше ее.

П.К. вдруг перестал интересоваться Венерой и неожиданно переключился на Крабовидную туманность. Он установил на корабле антенны радиотелескопа и сейчас целые дни слушает сигналы этой далекой Галактики. Думаю, что это напрасное занятие. Ну, что из того, если узнаешь, как идут радиоволны от туманности. Пусть этим занимаются на Земле. Мы же можем в хороших условиях наблюдать Венеру так близко, как никому еще не удавалось. Буду наблюдать Венеру сам.

30 ноября

Никаких результатов наблюдений и моих и П.К. пока что нет.

1 декабря

Наконец получили весть с Земли — раньше мешало сильное излучение солнечной хромосферы, в полосу наибольшей активности которого мы, наверно, попали. Земля беспокоилась о нашей судьбе, потому что мы молчали почти десять суток подряд. Получив радиограмму, С.В. сказал:

— Пока десять. А ведь будет их намного больше, таких молчаливых дней...

Нам, видимо, лучше, чем оставшимся на Земле. Мы знаем, что живы, что у нас все хорошо и что Земля существует без нас. Она будет существовать и тогда, когда мы удалимся за Марс, и наши радиосигналы не смогут преодолеть пространство и не достигнут Земли.

— Мы обязательно вернемся! — это сказал в микрофон П.К., разговаривая с Валею.

Через несколько минут сквозь шум и треск прозвучал еле слышный ответ:

— Буду ждать. Слышишь?

П.К. прямо засиял от радости. А нас почему-то целый день потом убеждал, будто радостно ему оттого, что удалось записать незнакомый сигнал. Чудак. Можно подумать, что я не видел цветного фотопортрета Вали, который он никогда не убирает со своего рабочего стола.

8 декабря

Сегодня было весело. Утром сквозь сон я слышал, что С.В. обещал П.К. вызвать Землю, чтобы передать интересную новость. Передачи мы ведем лишь в крайнем случае — каждая требует столько энергии, что ее хватило бы нашим двигателям, чтобы долететь до Марса. Значит, новость — важная. Я быстро выскочил в ходовую рубку.

П.К., не отрываясь, смотрел в окуляр телескопа и говорил:

— Отчетливо вижу твердую поверхность. Будто циклон какой-то невероятной силы разогнал многослойные облака и открыл нам материк Венеры. Вон вода. Аппарат! Пленку!

Дело в том, что мы не собирались делать визуальных наблюдений и отключили синхронизированную с телескопом фотоустановку.

Мгновенно был сделан снимок. П.К. отдал пленку С.В.

Командир долго изучал ее и наконец сказал:

— Похоже на то. Но...

— Что «но»? — обиделся П.К. и забрал пленку. — Здесь хорошо видно.

— Витя, — попросил меня С.В., — подай мне, пожалуйста, светофильтр для увеличителя.

Через увеличитель, снабженный светофильтром, мы увидели мощное завихрение, динамически схваченное объективом фотоаппарата. Но то, что на пленке для глаза, вооруженного только лупой, представлялось поверхностью, оказалось еще одним слоем туч, темно-серых, грозowych.

П.К. смутился и отошел от стола. Весь день он чувствовал себя неловко, ибо мы иногда подшучивали над ним. И когда его допекли, сказал:

— Я сам видел. Аппарат не успел. Уверен, что мы ошиблись, выбирая маршрут! На Венере есть жизнь. Буду очень жалеть, что не я увижу ее первый.
Почему не отправились мы на Венеру?

11 декабря

Выражение «Дайте светофильтр» прижилось. Если кто из нас высказывает что-то невероятное, ему напоминают: «Дайте светофильтр».

2

«Набат» летел к Марсу. Жизнь космонавтов после первых дней, немного неустроенных из-за новизны обстановки, пошла наконец размеренно и нормально.

Венера осталась далеко в стороне от трассы корабля, и космонавты перестали наблюдать ее. Труба главного телескопа «Набата» теперь была нацелена на красноватый шарик, что уже ярко засветился в черной бездне неба.

По-разному ждали космонавты встречи с Марсом. Павел считал эту планету мертвой, без признаков высокоорганизованной жизни. Бурмаков же склонялся к мысли, что там даже есть умные существа. Возможно, поэтому Павел почти совсем не смотрел в телескоп. Зачем, если все успеет увидеть вблизи, даже руками пощупать. А Бурмаков, что бы ни делал, нет-нет да и заглянет в окуляр: а не появилось ли там чего нового?

Нового не было. Марс рос, увеличивался и по-прежнему оставался загадочным, пряча от людей детали своего ландшафта.

Но так не могло долго продолжаться. Они должны были наконец что-то заметить. И, как ни удивительно, первым это «что-то» заметил Витя. Безразличный сначала к звездам, он стал вскоре горячим сторонником Бурмакова и иногда заменял его у телескопа.

— Вижу! Быстрее фотографируйте! — закричал Витя.

Бурмаков прильнул к окуляру, нащупал рычажок переключения и нажал его. Телевизионный экран, соединенный с линзами телескопа, засветился. Медленно, будто на фотобумаге, которая лежит в проявителе, на нем стали проступать очертания одного из уголков марсианской поверхности. Никто еще никогда не видел Марс так близко, не любовался его пейзажем, похожим и не похожим на земной.

На экране, который стал желто-красным, прямой линией пролегла узенькая сероватая лента. Что-то подобное они уже наблюдали не однажды. Но внимательно взглядевшись, Павел понял, что поразило Витю и взволновало Бурмакова. На серой ленте появлялись и исчезали маленькие искорки. Так могла поблескивать только вода на солнце.

— Те-чет, — раздельно проговорил Павел.

— Вот вам первое доказательство. Где есть вода, там должна быть жизнь.

В знак согласия Павел склонил голову. Бурмаков имел основания для такого вывода.

Марс, имеющий воду, вполне мог оказаться похожим на Землю.

Истоки канала, который увидели космонавты, начинались где-то в полярной зоне, а сам он оканчивался вблизи экватора, в районе, обозначенном на земных картах Марса как озеро Солнца. Бурмаков сравнил карту со снимками и сказал:

— Этот канал — Нектар. Так его назвал некогда Скиапарелли. Старик сам не предполагал, что по Нектару на самом деле течет влага жизни — вода.

Космонавты долго еще изучали озеро Солнца, пока Марс не повернулся пустынной стороной. Но ничего больше не заметили. То ли там действительно ничего не было, то ли помешал тот самый фиолетовый слой, находящийся в атмосфере над поверхностью планеты и мешающий наблюдениям. От этого поверхность планеты представлялась гладкой и однообразной. Тем не менее настроение у людей было приподнятым.

— Я уверен, что суровые условия марсианского климата, — говорил Бурмаков, — не являются препятствием для высших форм жизни. Марс — намного старше Земли. Путь его развития не обязательно был такой же, как и Земли. Наша планета находится в лучших условиях, так как она ближе к Солнцу — самому мощному источнику энергии. Марсианин должен был все время бороться за свое существование: и с холодом, и с разреженностью атмосферы, и с бедностью фауны и флоры. Эта борьба должна была помочь ему достичь высших форм развития. Пусть марсиане совсем не похожи на нас, да, в конце концов, это и наиболее вероятно. Природа не терпит однообразия. Но я верю, что марсиане должны быть... — Бурмаков остановился, чтобы перевести дыхание, взглянул на Павла. — Вы не согласны?

— Просто у меня меньше уверенности... Может быть, это не вода, хотя даже ее наличие отнюдь не категорическое утверждение жизни.

— Напрасно вы так думаете. Чем вы можете объяснить, что направление и прямизна каналов не меняются на протяжении столетий? Такими их могли сделать только разумные существа. А почему Фобос и Деймос, или в переводе с греческого языка, на котором называли их люди по традиции, «Страх» и «Ужас», ведут себя не как естественные спутники, а как искусственные. Еще в начале столетия было замечено, что они постепенно приближаются к своей планете. — Бурмаков опустился в кресло и тихо добавил: — Наконец, это моя мечта — найти разумную жизнь вне старушки-Земли.

Павел сердечно сказал:

— Я очень хочу, чтобы получилось по-вашему. Очень!

— Понимаю. И скажу вам, дорогие друзья, — боюсь. Не верится, что человек наконец встретится с подобным себе. Это очень фантастично и потому кажется невероятным. А у землян связано с Марсом столько надежд!

С того дня Бурмаков как будто стал еще более строгим, собранным. Он только изредка подходил к телескопу, смотрел в него минуту-другую и отходил.

«Набат», начав торможение, описывал большую кривую вокруг Марса, чтобы в конце концов подойти к нему совсем близко. Так было решено еще тогда, когда составлялся план экспедиции. Тяжелый корабль нецелесообразно сажать на планету, потому что для старта с нее потребуется израсходовать довольно значительную часть запасов топлива. Но это вовсе не значило, что люди так и не побывают на Марсе. «Набат» имел небольшие одноместную и двухместную ракеты, на которых космонавты могли слетать на поверхность планеты и вернуться назад.

Вскоре настал момент, когда Бурмаков пригласил экипаж в рубку и торжественно провозгласил:

— Через восемь суток, 3 февраля в 11 часов по земному времени, выйдем на свою постоянную орбиту вокруг Марса. С сегодняшнего дня вступает в силу приказ номер три: «Исследование достигнутой планеты».

В соответствии с этим приказом о предстоящей высадке на Марс космонавты собрали легкие ракеты, вездеход, снова примерили космические костюмы, в последний раз испытали приборы для исследований. Все, что нужно и можно было сделать, было сделано. Оставалось

лишь ждать момента, когда «Набат», ставший уже искусственным спутником Марса, выйдет к озеру Солнца.

Счетные машины быстро вычислили время, когда это произойдет. У космонавтов в запасе оказалось почти сорок часов. Но переждать их было невообразимо трудно. Люди не покидали рубку даже для короткого отдыха, все время проводя у приборов. Очень хотелось знать, что ждет их, первых землян, на этой красной планете.

Но прошли и эти сорок часов. Автоматы включили экран цветного телевизора, соединенного с телескопом. На экране краснел шар Марса, два кружка его спутников и обозначалась замкнутая кривая — путь космического корабля.

Бурмаков поднялся.

— Поздравляю вас, товарищи, с прибытием на Марс.

Космонавты подбежали к иллюминаторам. Поверхность чужой планеты медленно проплывала под ними, волнуя своей неизвестностью, таинственностью. И каждый думал: кому выпадет первому оставить уютные каюты «Набата», чтобы шагнуть в неизвестное?

Будто отвечая на эти мысли, Бурмаков мягко сказал:

— Павел Константинович, принимайте командование кораблем!

— Степан Васильевич, разрешите, лучше я, — попросил Павел.

— Нет. Мы не знаем еще, что нас там ждет. Поэтому мой долг высадиться первым. К тому же, — грустно улыбнулся Бурмаков, — космос — мой дом.

Павел понял его: вся прежняя жизнь Бурмакова давала ему право на это.

— Мои дорогие! — командир обнял Павла и Витю. — Вы также побываете на Марсе, если пребывание там не угрожает опасностью. Побываете вы и в других местах. Не правда ли?

— Когда отправитесь? — спросил Павел.

— Ровно в восемь по московскому времени. Так и передайте на Землю.

Отправляясь впервые на Марс, Бурмаков не собирался проводить широкие исследования. В его задачу входило собрать сведения об атмосфере, растительности, если она встретится, взять пробы воздуха, почвы, определить радиацию и сразу же возвращаться на корабль.

Павел и Витя очень сильно беспокоились о своем командире, даже больше, наверное, чем он сам. Только он, старший и более опытный, лучше умел справляться со своими чувствами.

Прежде чем войти в герметическую камеру, ведущую к выходу, Бурмаков, уже в космическом костюме — легком, пластичном и очень прочном, сказал:

— Давайте по старому нашему обычаю посидим перед дорогой.

На минуту сели. Потом поднялись. Бурмаков надел на голову гермошлем. Маленький радиопередатчик, вмонтированный в шлем, работал на одной волне с корабельной рацией. Это было сделано для того, чтобы экипаж мог все время поддерживать с космонавтом прямую связь.

Услышав голос Бурмакова, немного измененный микрофоном и динамиком и потому какой-то чужой, Витя заморгал глазами.

— Не горюйте, ребята, — бодро говорил командир. — Следите за мной и помните, что в следующий раз — ваша очередь.

— Скорее бы! — оживился Витя.

— Скоро! — Бурмаков поднял на прощание руку и исчез в дезокамере.

Павел с Витей поспешили в рубку. Несколько минут мощные компрессоры откачивали воздух из переходной камеры. Потом корабль слегка вздрогнул, и за иллюминатором, оставляя дымный след, мелькнула маленькая ракета. Сквозь шум и треск донеслись еле слышные слова:

— Я в полете.

Ракета шла со скоростью обычного реактивного самолета. Да это, собственно, и был самолет, только своеобразной конструкции, специально приспособленный к перелетам в безвоздушном пространстве. Запасов топлива хватало на несколько десятков тысяч километров.

Когда ракета вышла на свободный полет и перегрузка уменьшилась до минимума, Бурмаков огляделся. Кабина пилота из прочных прозрачных пластиков позволяла видеть все, что делается вокруг. Марс был впереди, и, казалось, его вогнутая чаша с каждым мгновением все больше и больше окружает ракету. Только сверху было видно слегка фиолетовое небо. Слева, над горизонтом, полным пепельно-серебристым кругом выделялся на небе Фобос. Бурмаков взглянул на приборы: сорок тысяч километров. Дал еще задание приборам, и они сообщили, что ракета может встретиться с Фобосом менее чем через час. Мелькнула мысль: стоит захотеть, и через каких-то шестьдесят минут одна из самых волнующих людей загадок Марса будет разгадана. Даже ради одного этого стоило лететь сюда. Соблазн изменить курс был столь велик, что Бурмаков даже спрятал руки за спину, чтобы невольно не ухватиться за штурвал и не направить ракету к спутнику. «Дойдет и до тебя черед», — прошептал Бурмаков, провожая глазами удаляющийся Фобос.

— Степан Васильевич, Степан Васильевич, что с вами, что с вами?..

Бурмаков не сразу сообразил, почему его вызывает обеспокоенный Павел. Давно бы пора дать весть о себе, а он размышлял, как юноша. Друзья, видно, услышали его «разговор» с Фобосом.

— Извините, — ответил он, — размышлял. Вот посмотрите причину. — На телевизионном экране корабля появилась та же картина, которую видел он сам. — Слева — Фобос. Вот он чуть меня и не соблазнил.

— Понимаем, — догадался Павел. — Фобос почти рядом. — И, не выдержав, сказал: — А вдруг он пустотелый?

Глаза Бурмакова блеснули из-под очков гермошлема, и в динамике прохрипело озадаченное: «Гм-м».

Однако шутить времени не было. Ракета мчалась со сверхзвуковой скоростью, и на экране все более отчетливо вырисовывалась приближающаяся пустыня. Ни возвышенности, ни низины, ни реки. Только песок. Первую высадку было решено совершить именно сюда, где не предполагалось встретить более или менее развитую жизнь. На встречу с ней люди хотели прийти уже вооруженными определенными знаниями о Марсе.

Скоро экран стало заволакивать туманом.

— Высота тысяча километров, — сообщил Бурмаков по радио.

Еще через полтора часа полета Бурмаков передал:

— Иду на посадку.

В репродукторе сразу послышались взволнованные возгласы Павла и Вити. Они требовали сообщений, впечатлений. Бурмаков отвечал коротко: «Потом, потом» — и все более внимательно вглядывался вниз, едва успевая наводить объективы автоматических киноаппаратов.

С восьмидесятиметровой высоты поверхность Марса выглядела голой и твердой, будто специально сделанная посадочная площадка. Бурмаков плавно посадил ракету. Легкий толчок, и она остановилась.

Первый человек совершил посадку на Марс! Почти невероятное, замечательное событие, которое, безусловно, уже потрясло человечество, не вызвало у Бурмакова почти никаких эмоций. Он чувствовал себя исследователем. А голова исследователя должна быть ясной, нервы спокойными.

Ракета стала вертикально, окруженная молочным туманом, а сам Бурмаков лежал на спине. Включив механизмы, которые поворачивали ракету в горизонтальное положение, он задал работу приборам. Они показали, что туман находится только вокруг ракеты и постепенно расплывается во все стороны, с некоторым отклонением на север.

— Странно... — задумался Бурмаков.

Его услышали на корабле.

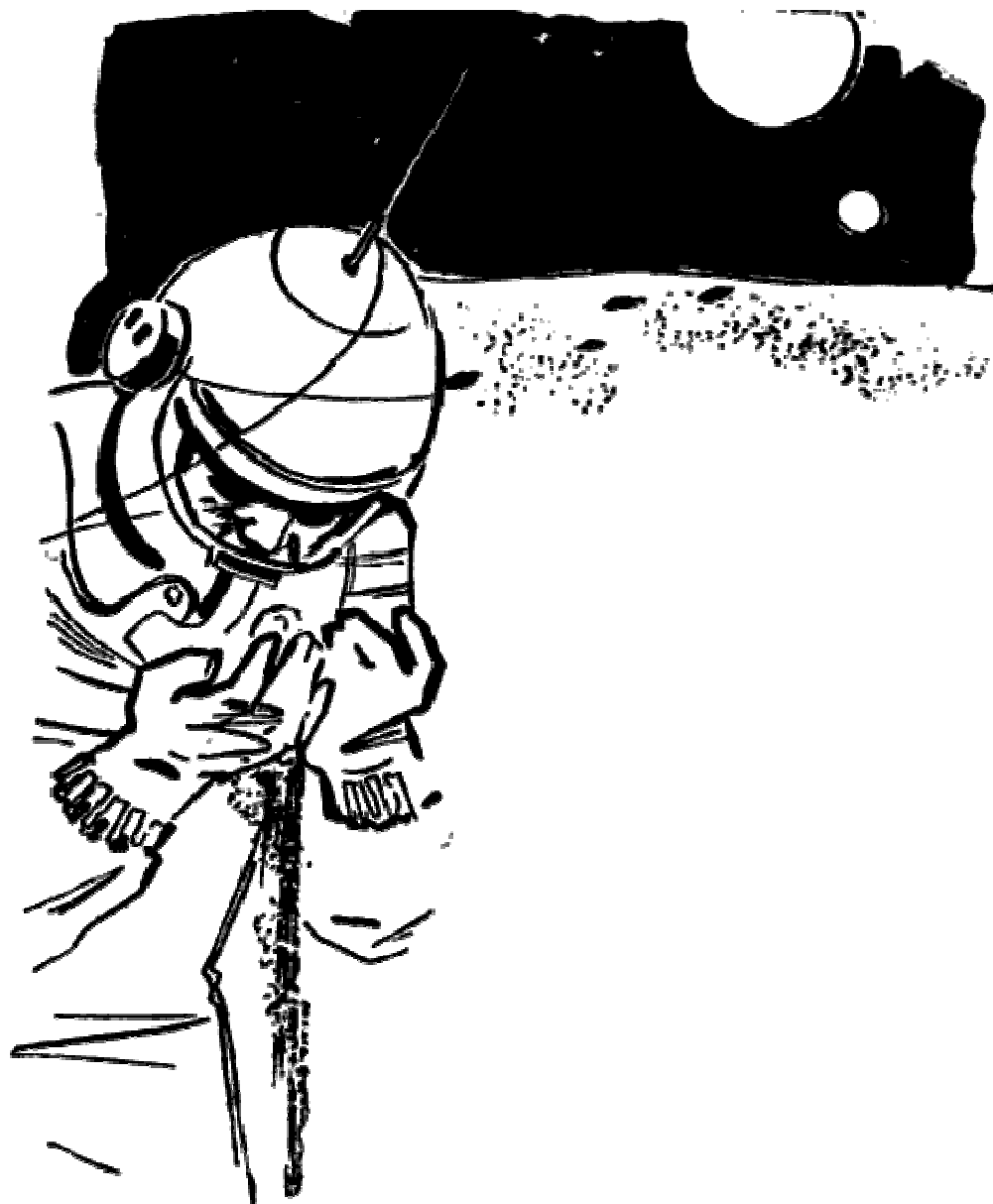
— Что случилось? — спросил Павел.

— Сел в туман. Кажется, минуту назад было чисто, ни облачка на десятки километров вокруг. Откуда он взялся?

— От ракеты, Степан Васильевич, от ракеты, — радостно закричал Павел. — В разреженной атмосфере всегда так бывает. Вспомните, как мы с Земли наблюдаем инверсионные следы высотного полета реактивного самолета.

— Тьфу ты, ломаю голову, — рассмеялся Бурмаков. — Показалось, что марсиане на меня туман напустили. Ну, готовлюсь к выходу.

— Будьте осторожны, — попросил Павел.

Пока Бурмаков собирался, вокруг ракеты посветлело. Но пробы марсианского воздуха брать пока еще было нельзя: в нем находились остатки газов реактивного двигателя. Сидеть сложа руки, ждать? На это не хватало терпения. Проверив герметичность костюма, Бурмаков отбросил люк и выбрался наружу. Почва под ногами была, как земная. А вот в теле чувствовалась непривычная легкость. Да оно так и должно быть — здесь все в два с половиной раза легче, чем на Земле. Бурмаков сделал несколько шагов. Ноги начали проваливаться в мелкий песок, оставляя на нем отпечатки следов. Копнув носком ботинка,

Бурмаков почувствовал под ногами твердую, похожую на камень почву. Верхний, сыпучий слой песка был не толще двадцати пяти — тридцати сантиметров.

Приборы показывали, что с юга дует слабый ветер. Бурмаков пошел в южном направлении, чтобы подальше от ракеты взять пробу чистого воздуха.

Туман окончательно рассеялся. Стоял марсианский полдень. На удивительном, синевато-фиолетовом небе — маленькое, непривычного вида тусклое солнце — какой-то неправильный шар с короткими и толстыми желтыми лучами. Его тепло плохо чувствовалось даже здесь, в экваториальной зоне. А вокруг, как окинуть взором, тянулась молчаливая, плоская, кирпичного цвета мертвая пустыня.

Бурмакову стало грустно. Разве о таком он мечтал? Огорченный, он забыл, что специально выбрал зону больших пустынь, что уже одно то, что он находится здесь, — факт, граничащий с пределом человеческой фантазии. И даже если он не найдет здесь больше ничего, то этого, достигнутого и увиденного, вполне хватит, чтобы познать огромную часть природы чужой планеты.

Но нужно было что-то делать. Бурмаков собрал образцы песка, в нескольких местах отломал куски каменных пород, наполнил воздухом колбы и пошел к ракете. Подойдя к люку, он обернулся. Те же бесконечные пески...

С досадой захлопнул за собой люк.

Вскоре ракета стремительно взвилась вверх.

4

— Думаю, отчаиваться рано, — заговорил Павел, выслушав Бурмакова, когда тот вернулся на корабль. — Мы сами видели, что на Марсе есть не только мертвые пески. Будем искать.

Бурмаков улыбнулся:

— Вы уговариваете меня, будто я отказываюсь. Я знаю: нас ждут такие интересные находки, что даже представить их не хватит фантазии. Многого мы найдем. Только в одном я как-то потерял уверенность: не надеюсь, что здесь есть разумная жизнь. Если бы вы увидели эту мертвую тоскливую пустыню!..

— Вы это утверждаете, даже не дождавшись результата анализов? — показал Витя на автоматические лаборатории.

— Да. Но что бы они ни показывали, нужно готовиться к следующему посещению. Полетим мы с Витей.

На шкале пульта автоматической лаборатории замигал зеленый огонек. Исследование было окончено. Бурмаков собрал таблицы и диаграммы, выползающие из-под пера осциллографов, и разложил их на столе.

— Посмотрим и сделаем выводы!

Кому другому эти графики и диаграммы с разноцветными прямыми и ломаными линиями не сказали бы ничего. Бурмаков же читал их, как обычную книгу. Через несколько минут он отодвинул ленты с результатами исследований на край стола.

— Ну? — в один голос спросили Павел и Витя.

— Утешительного мало, — сказал Бурмаков и умолк.

— Степан Васильевич! Не тяните!

Бурмаков нахмурил брови:

— Атмосфера состоит из тех же компонентов, что и земная. И, представьте себе, более плотная, чем мы ожидали. Особенности марсианской атмосферы таковы, что она поглощает синие лучи, в то время как земная их отражает, потому мы и ошибались в определении ее плотности.

— Это же здорово! — обрадовался Павел.

— Не очень, — Бурмаков с сомнением покачал головой. — Концентрация, примерно, как на пятикилометровой высоте над Землей. Кислород и азот в тех пропорциях, что и на

Земле, углекислого газа — больше в два раза. Пока мы не заметили, есть микробы или нет. Однако, возможно, есть и микробы, и вирусы, которые трудно рассмотреть иной раз и в более мощные микроскопы, чем наш. Песок немного отличается от земного. Скорее всего, он лессового происхождения. В нем много железа.

— Почему железа? — спросил Витя.

Бурмаков объяснил:

— Видимо, миллионы лет назад железо находилось глубоко. Но время делало свое дело. Резкие переходы от тепла к холоду, ураганные ветры обнажили залежи, и железо оказалось на поверхности. — И добавил: — Это мое мнение. Дальнейшие, более тщательные исследования помогут найти и более точный ответ.

— А какая температура на поверхности? — не отставал Витя.

— Температура песка — около плюс 16 градусов по Цельсию, воздуха на метровой высоте — плюс 10. Так показывают приборы. Могу дополнить рассказ, так сказать, собственными впечатлениями! — Бурмаков повеселел: — Земные рекорды Вити здесь почти ничего не значат. Ходить, бегать необыкновенно легко, даже на песке. А если бы еще гравевую дорожку, у-у-у, показал бы я тогда класс! Жаль только, костюм снять нельзя. А так хочется этот песочек руками потрогать, пересыпать пальцами...

Между тем были проявлены фотопленки, киноленты. Долго рассматривали космонавты незнакомые пейзажи, стараясь найти в них схожесть с земными и в то же время хорошо понимая, что здесь все своеобразное, все иное. А на столе, словно иллюстрация к снимкам, поблескивал под стеклянным колпаком желто-красный марсианский песок.

Вторую вылазку решили сделать более обстоятельной. Было намечено достичь озера Солнца, в районе которого они заметили воду и растительность, и пробыть на Марсе свыше суток, чтобы узнать, какие изменения происходят там за это время. В ракету погрузили маленький вездеход и одноместный самолет специальной конструкции. Обычно он помещался в чемодане. А когда нужно было лететь, его крылья наполнялись воздухом. Легкий, устойчивый, этот самолет в высокогорных условиях развивал скорость до двухсот километров в час.

Павел наблюдал за сборами. Ему хотелось отправиться вместе со всеми. Но нельзя: один человек должен всегда оставаться в корабле. И этим одним мог быть или он, или Бурмаков.

— Хоть рассказывайте, что видите, — просил он, когда Бурмаков и Витя, надев космические костюмы, выходили к ракете.

Вскоре ракета была уже над заданным пунктом. Экватор пересекли на минимальной скорости — шестьсот километров в час, на высоте восьмисот метров. Лететь на меньшей высоте при такой скорости над незнакомым марсианским рельефом было рискованно. Под ракетой плыл однообразный пейзаж — желто-красная пустыня.

— Пустыня ли? — с сомнением спросил Бурмаков после того, как они пролетели уже около двух тысяч километров.

— Опустимся и на самолете разведем местность, — предложил Витя.

— Только осторожно, — затрещал репродуктор.

Это Павел включился в разговор.

— Хорошо, хорошо, — ответил Бурмаков Павлу, не обратив, однако, внимания на то, что радиопомехи по сравнению с предыдущим разом увеличились.

Ракета пошла на посадку. Бурмаков правил мастерски. Витя почувствовал только слабый толчок, а альтиметр, предназначенный для определения марсианской высоты, показывал уже ноль. Прежде чем выбраться из ракеты, определили координаты, снова взяли пробы воздуха. Анализы не показывали ничего нового. Вокруг стояла мертвая тишина.

Собрать самолет было делом нескольких минут.

— Витя, оставайся у ракеты, — приказал Бурмаков. — Будь внимателен. Как только заметишь опасность, прячься. Наблюдения веди из ракеты. Я вернусь через два часа. Вот направление моего маршрута. — Бурмаков начертил на песке прямую линию.

— А я за это время вездеход подготовлю, — ответил Витя.

Самолет взял курс на север. Надев поверх очков гермошлема бинокль, Бурмаков хорошо видел, что делается внизу. Некоторое время пейзаж не менялся. Потом вдруг впереди песок как будто потемнел. Бурмаков до отказа выжал педаль акселератора, сожалея в этот момент, что он на тихоходном самолете, а не на ракете. А темная полоска все росла, увеличивалась, пока не превратилась в безграничное поле. Самолет нырнул вниз, коснулся колесами поверхности, остановился. Бурмаков выскочил, бросил в открытую кабину бинокль и побежал. Под толстыми подошвами ботинок было что-то мягкое и скользкое, похожее то ли на плесень, то ли на мелкий мох.

— Витя! Витя! — радостно закричал Бурмаков. — Передай на корабль: нашел первую форму жизни.

Мембраны наушников затрещали в ответ.

— Витя, ты слышишь, слышишь? — беспокоился Бурмаков.

Наушники только шипели. Бурмаков направил антенну строго в ту сторону, где находилась ракета. Сквозь шум и треск пробился слабый голос Вити:

— Плохо слышу... меня...

Бурмаков повернулся, отыскивая глазами, что бы это могло нарушить радиосвязь, и ничего такого не нашел. Бледно-фиолетовое марсианское небо по-прежнему оставалось чистым...

Далее раздумывать было некогда, и он начал брать пробы. Вскоре заплочный карман-мешок был полон.

Бурмаков пошел к самолету, освободил там мешок и попробовал еще раз связаться с Витей. Сигналы от ракеты доходили с перебоями. Что было делать? Возвращаться, оставив дело на полдороге, или лететь дальше? «В конце концов, у Вити должно быть все в порядке, — решил он. — Он ведь в ракете. А здесь еще может встретиться много интересного».

И полетел дальше.

Мох становился крупнее, гуще. Он стлался под самолетом сплошным покрывалом. Бурмаков, сбавив скорость до минимума, опускался совсем низко, чуть не касаясь колесами поверхности Марса. Мох и мох. Серый, однообразный. Это однообразие стало наконец раздражать. Захотелось поскорее перепрыгнуть его. Ведь где-то там, дальше — Бурмаков был почти уверен в этом — должно быть что-то иное, новое, возможно, реки, возможно, растительность, возможно... На шкале приборов вспыхнула красная лампочка. Автомат предупреждал, что половина горючего израсходована, — нужно возвращаться назад.

Бурмаков развернул самолет и ужаснулся. Там, на юге, где осталась ракета, быстро росло ярко-желтое облако. Шла буря. «Так вот почему исчезают радиоволны, — мелькнула мысль. — Еще одна загадка Марса. Буря, связанная с электромагнитными вихрями». Бурмаков пожалел: такое интересное явление, а здесь надо думать не о том, что оно представляет, а о спасении. Преодолеть стену песчаного бурана сверху не удастся: самолет не поднимается на такую высоту. Остается одно: прижаться к самой поверхности или даже сесть. Только вот где? На песке или на мху?

Впоследствии он никак не мог объяснить, почему именно выбрал мох. Но как бы там ни было, это его и спасло. Буран, который надвигался сплошной стеной, дойдя до края мохового болота, вдруг потерял силу: на самолет надвинулась белесая мгла из мелких песчинок. Вокруг посветлело.

Буря утихла, и через мгновение Бурмаков был уже в воздухе, спеша к ракете.

Радио заговорило вдруг, передав с полуслова встревоженные возгласы Павла:

— ...вечайте, отвечайте!

— Кажется, можно и ответить, — пошутил Бурмаков. — Буря отступила...

— Отступила? — глухо прозвучал голос Вити.

— Да. Но где ты?

— У ракеты.

— А где ракета?

— На месте.

— На месте? Гм. А где ж тогда то место? Я скоро вынужден буду сесть. Дай пеленг. О, ты, оказывается, здесь.

Пеленг показал, что самолет находится прямо над ракетой, но ее не было видно. Внизу, как окинуть взором, расстилалась марсианская пустыня. Выйдя из самолета, Бурмаков даже почесал затылок: не понимал, что случилось.

— Мираж, что ли? — спросил он.

— Степан Васильевич, — послышался голос Вити, — меня засыпало. Но я сейчас включу мотор вездехода. Разрешаете?

— Давай. — Бурмаков обрадовался: вездеход был рассчитан на то, чтобы выбираться из песчаного плена.

Через некоторое время почва под ногами у Бурмакова заколебалась, и он невольно отступил в сторону. Из образовавшейся воронки, поблескивая серебром, выполз вездеход. Легко развернувшись, он остановился у самолета. Витя выскочил и сразу оказался в объятиях Бурмакова.

— Расскажите, что случилось, — настойчиво спрашивал Павел.

— Сейчас, Павел Константинович, сейчас. Потерпите немного, обо всем расскажем...

Все были целы, все оказалось в порядке, и Бурмаков успокоился.

— Да. Видно, вся загадка в неизвестных электромагнитных завихрениях. Вы заметили, что сегодня мы слышали друг друга очень плохо, тогда как в прошлый раз радио работало безукоризненно. Так вот, ни вы, ни я не обратили на это внимания. Не знаю, есть ли здесь взаимосвязь. Вскоре начался буран. Страшно было, а, Витя?

— Нет. Наползло какое-то месиво, я даже не сразу почувствовал, — вступил в разговор Витя. — Да и ветра, кажется, не было, потому что песок не сильно бил в стенки вездехода, а так шелестел только. Но его было много. Ракету засыпало сразу.

— Странно, — задумался Бурмаков, — мне казалось, что буря надвигается с огромной скоростью.

— А может быть, это просто оптический обман? — высказал мнение Павел.

— Нет, ветер был ураганный, я мерил, — ответил Витя. — Мне кажется, дело тут в другом. На Марсе все легче, чем на Земле, в два с половиной раза. Поэтому мы и не чувствуем ни сильных ударов пылинок, ни давления ветра.

— Видно, ты прав, Витя. Молодец, — похвалил его Бурмаков.

— Значит, эти бураны не такие опасные, как мы думали раньше?

— Пока что рано делать выводы, Павел Константинович, — сказал Бурмаков. — Мы не знаем ни характера буранов, ни их силы, ни природы. Нет, лучше быть от них как можно дальше, Павел Константинович. Сейчас я вам pošлю радионаправленным зондом образцы мха, который тут встретил. А мы покочуеть еще. Делайте там анализы.

— Охотно, а то заскучал без работы.

— Ничего, ничего. Хватит Марса и на вашу долю.

Пока откопали ракету, пришлось попотеть. Бурмаков решил перевести ее куда-нибудь на моховой покров, чтобы случайно буран не засыпал снова. Посадку решили сделать севернее того места, где Бурмаков уже побывал.

Мхам не было конца, будто морю. Ракета уже не раз, выпуская свои стальные ноги-опоры, опускалась на поверхность, а характер пейзажа не менялся. Бурмаков и Витя брали пробы, посылали их Павлу для анализа и мчались дальше. Мох понемногу становился похожим на какое-то папоротниковое растение и стлался низко над почвой.

— Вы замечаете, Степан Васильевич? — сказал на одной из остановок Витя. — Растения вытягиваются в одном направлении, с севера на юг.

— Да. Но какая жизненная сила направляет их так? Ураганные ветры или влага, поступающая от снежного покрова полюса?

— Мы побываем на полюсе?

— Обязательно. Только с южного сейчас сползает ледяная шапка. Там лето.

А солнце между тем опускалось все ниже. Правда, оно было, по земному пониманию, еще довольно высоко над горизонтом. Но несмотря на это уже стемнело. Сумерки надвигались с востока. Они были какие-то черные, расцвеченные яркими звездами-бусами. Солнце здесь не имело земной силы.

Витя посмотрел на черное небо и передернул плечами:

— Не хотел бы я ночевать здесь один.

Бурмаков вспомнил, как оставался в одиночестве на пустынной мертвой Луне, и вздохнул, ничего не ответив.

Всю ночь они просидели в вездеходе, прислушиваясь к ночной тишине. Микрофоны, отнесенные на десятки метров от вездехода, не улавливали ни одного шороха. Марсианская ночь была такая же молчаливая, как и день. Экраны инфракрасных локаторов все время были пустые. Только где-то на рассвете Вите показалось, что на одном из них мелькнула тень.

Взошло солнце. Нужно было возвращаться на корабль, так и не найдя ничего нового.

Павел встретил их радостно. Сейчас была его очередь лететь с Витей на Марс.

5

Они продвинулись еще почти на тысячу километров по экватору на запад от той точки, где накануне побывал Бурмаков. Ракета стремительно шла на посадку. И вдруг, о неожиданность, однообразный пустынный пейзаж, каким он казался с высоты десяти километров, начал меняться прямо на глазах.

— Минули фиолетовый слой, — словно боясь спугнуть открывающийся вид, шепнул Павел.

— Красотища какая! — ответил Витя, припав к смотровому пластиковому иллюминатору.

Внизу под ракетой, сбавившей скорость до предела, проплывали отроги какого-то горного хребта, тянувшегося далеко за горизонт. Павел взялся было за штурвал, чтобы направиться к горам, как неожиданно увидел ущелье. Оно начиналось на сравнительно ровной платформе и тянулось куда-то к югу, постепенно углубляясь и расширяясь.

Ракета прошла над ущельем. Постепенно оно превратилось в широкую впадину, дно которой ушло вниз по сравнению с поверхностью планеты почти на две тысячи метров.

— Так вот он каков, этот Нектар, — сказал Павел и тут же спросил: — Здесь будем садиться или дальше?

— Здесь, — ответил Витя, не отрываясь от окна.

Они смотрели только вперед, а когда, посадив ракету, оглянулись, то даже вскрикнули от восхищения. Сзади ракеты виднелось настоящее озеро. Солнце светило по южному ярко, и вода в озере показалась зеленоватой. Лишь самые гребешки волн были пенисто-белые. А вдаль, свисая к воде, лениво покачивались голые прутьики — ветви неизвестного кустарника.

Взволнованный, Павел долго не мог открыть люк, чтобы выбраться из ракеты. А выйдя наконец, саженными шагами помчался к озеру, не отвечая на оклики Вити. Витя укоризненно посмотрел ему вслед и, сдерживая свое нетерпение, сначала вывел вездеход, а потом закрыл выходной люк ракеты. На вездеходе он оказался на берегу почти одновременно с Павлом.

— Сюда, иди сюда, — махал Павел рукой.

У берега озеро было неглубокое, прозрачное и напоминало земное. Только ни одной травинки не росло здесь. Веточки кустарника, голые и длинные, казалось, были принесены откуда-то с другого места и нарочно всунуты в песок, чтобы хоть этим украсить унылое однообразие берега. Павел попробовал вытянуть одну веточку. Потянул раз, другой. Она не поддавалась. Тогда Витя присел на корточки и стал осторожно разгребать песок. Корни уходили довольно глубоко. Там почва была влажная.

— Наверно, какие-то питательные вещества придали ей такую окраску, — сказал

Павел, помяв в руках комочек почвы. — Оставь, Витя, мы наберем ее, когда будем возвращаться, а сейчас идем в воду.

Витя забил в песок железную палку и прицепил к поясу Павла конец капронового троса, намотанного на ней. Павел недовольно фыркнул. Зачем трос, когда дно озера гладкое и твердое, как гранитная набережная Москвы-реки? Он проверил уже это, как только прибежал сюда. Однако, если Вите так хочется, пусть привязывается.

Они вошли в воду: впереди Павел, постукивая перед собой палкой, за ним — Витя. Дно постепенно понижалось. Вода, доходившая сначала только до щиколоток, достигала уже колен. Идти стало еще труднее.

Каменное дно внезапно окончилось, и Павел провалился чуть ли не по горло. Вода кругом помутнела. Витя натянул трос, помогая другу выбраться на твердое место.

Прошло несколько минут, пока вода стала по-прежнему чистой и прозрачной.

— Вот так штука, — растерянно сказал Павел. — Самая обыкновенная топь. Подержи крепче трос, я поплыву.

Во время тренировок еще на Земле Павел учился лазать по скалам, прыгать с парашютом, подолгу висел вниз головой, сутками находился в состоянии невесомости. А вот подготовить его к такому простому делу, как плавать одетому в космический костюм, никому не пришло в голову. И напрасно. Павел понял это, как только оттолкнулся ногами от дна. Костюм на поверхности был очень легким, удобным, почти не мешал ходить. А в воде тянул вниз. Павел сделал еще одну попытку поплыть, но снова только замутил воду и, обессиленный, вернулся назад.

— Может, на вездеходе поплывем? — посоветовал Витя.

— Нет, надо на лодке, вездеход замутит воду больше, чем я.

Вернулись к ракете, где была резиновая лодка. Пока накачивали ее воздухом, солнце поднялось к зениту.

— Жарко, — Павел посмотрел на Витю и увидел, что у него тоже на лбу выступили капельки пота.

Термометр показывал на солнце плюс двадцать градусов. Жара будто разморила природу. Над озером дрожало марево. Коричневые ветви кустарника ниже склонились к воде. Но что это? Они уже не были голыми. Маленькие, узенькие, голубовато-зеленые листочки, появившиеся на них, жадно тянулись к солнцу.

Павел нацелил на кустарник микроплёночный киноаппарат, способный проследить малейшие изменения в росте растений. Настроив локатор, который должен был подать сигнал, если в зоне его осмотра появится новый предмет, они сели в лодку. Витя осторожно правил, Павел, лежа на корме, то и дело брал пробы воды. Они проплыли уже с километр, а другого берега все еще не было видно даже в бинокль.

Остановились. Подготовив киноаппараты, застыли на своих местах. Не говорили друг другу ничего, но каждый надеялся, что вот сейчас к лодке подплывет какая-нибудь рыба или, может быть, другое марсианское существо.

Прошло более часа. Согретый солнцем, Витя чуть не задремал, испуганно тряхнул головой и не поверил своим глазам. Течения как будто совсем не было, а их отнесло далеко на юг от ракеты.

— Возвращаемся, — решительно сказал Павел. — На вездеходе отправимся на север. Нужно узнать, где начинается это озеро.

Вокруг ракеты все было по-прежнему. Только снова удивил кустарник. На его ветках появились острые колючки.

Поужинав, Павел с Витей сели у иллюминатора. Захотелось поделиться впечатлениями.

— Я уверен, — сказал Витя, — что в озере есть жизнь.

— А меня вот что интересует: почему на кустах колючки? От кого защита?

Они говорили много и уснули только на рассвете, так и не увидев ничего необычного.

Утром, пока Павел готовил вездеход, Витя решил сделать зарядку. Он и в полете старался поддерживать хорошую спортивную форму. Почва была ровная и твердая, и он

бегал вдоль берега, не глядя под ноги. За ночь листики на кустарнике подросли, потемнели. «Если так пойдет, — думал Витя, — спустя день-два через кустарник уж не увидишь озера».

Вдруг Витя, подвернув ногу, упал на песок. Поднявшись, он недоуменно поглядел назад и заметил ямочку, в которую попала нога. Это было так необычно, что Витя даже потрогал песок, осыпавшийся под его каблуком. До сих пор на песке он видел только свои следы. Так, может быть, и это его след. Или же Павла Константиновича? Но тут же заметил еще одну ямочку, потом еще... Они находились одна от другой на одинаковом расстоянии и вели от кустарника к озеру.

— Павел Константинович! Павел Константинович!

Витя кричал так дико, что Павел, бросив все, побежал к нему.

Сомнения не было. Следы, найденные Витей, оставило какое-то незнакомое существо.

— Оно в озере, — высказал предположение Витя.

— А может там? — Павел показал в противоположную сторону, на пески.

— Сделайте слепки и фотоснимки следов, — подсказал Бурмаков, слушавший их разговор.

Павел с Витей определили, что существо шло к озеру. Но откуда и зачем?

— В озере, пожалуй, опять не удастся ничего обнаружить. Направимся лучше в противоположную сторону, по следам, — принял решение Павел.

Через несколько минут вездеход взял курс на юго-запад.

Местность вскоре стала меняться. Появились холмы. Миновали несколько поворотов между крутых возвышенностей, и перед глазами открылась равнина. Она показалась путешественникам сказочным уголком. Посреди равнины медленно несла свои серебристые волны широкая спокойная река, а по обеим сторонам ее стоял лес. В нем росли, внешне похожие на земные сосны и пихты, деревья. И даже трава, совсем как земной осот, устилала сплошным ковром небольшие лужайки и опушки.

Очарованные неожиданной картиной, люди долго не могли отвести от нее глаз. Пусть таких оазисов на скудной марсианской земле мало. Но они есть. И кто знает, что за существа находят здесь пристанище.

Вездеход полз вниз к лесу. На опушке путешественники остановились. Странными казались эти лес и луг. Микрофоны не улавливали ни пения птиц, ни стрекотания кузнечиков, в траве не видно было цветов. Только грозный шум слышался из чащи.

Не выпуская киноаппаратов, Павел и Витя двинулись к лесу. Трава-осот путалась под ногами, мешала идти. Она была высокая и крепкая, как шпагат.

Среди деревьев травы стало меньше. Здесь рос папоротник. Наполняя сумку-гербарий, Павел недовольно фыркнул. Ему не нравилась эта растительность, характерная для древних геологических эпох Земли.

— Какая разница? — Витя не понимал, чем недоволен Павел.

— Разница есть, — ответил Павел. — Наука считает, что Марс старше нашей планеты. Следовательно, он давно должен был пройти эту фазу развития...

Люди долго бродили по марсианскому лесу, затем вышли к реке, но так и не встретили ни одного живого существа.

Берег и дно реки были такие же твердые, как и озерные.

— Здесь, видно, не обошлось без каменщиков, — сказал Витя.

— Да. Невольно вспомнишь наши гипотезы об искусственном происхождении марсианских каналов, — согласился Павел. — Но ведь иногда убеждаешься, что лучшего мастера, чем сама природа, не найдешь. Разве мало доказательств этому мы встречали на Земле?

— То — Земля. А здесь все иное, — теперь уже и Витя настроился на серьезный лад.

Павел понимал, что они не смогут объяснить все эти явления. Сделают это специальные экспедиции, которые произведут фундаментальные исследования. Он так и сказал Вите:

— Наша задача регистрировать факты. И чем больше их наберем, тем легче будет тем, кто придет после нас.

А время не стояло на месте. Приближалась ночь, и нужно было спешить к ракете.

Они не сразу нашли свой вездеход. Ориентиры здесь были непривычные.

Уезжали с таким чувством, словно какое-то важное и нужное дело бросили недоделанным.

Смеркалось быстро. Ни одна из двух марсианских лун не успела еще подняться над горизонтом. Яркие прожекторы-фары вездехода выхватывали из темноты низины и холмы. Павел едва успевал выбирать дорогу.

— Там, на Земле, люди представляли себе, как прилетят на Марс, увидят его фантастические пейзажи, окутанные холодным серебристым блеском звезд или какого-то загадочного излучения. А тут смотришь на эти холмы, и кажется, что ты где-нибудь в районе Поволжья. Такая же холмистая степь и ничего таинственного... — Павел умолк на полуслове. Впереди, немного левее их направления, луч прожектора скользнул по чему-то черному и блестящему.

Павел резко повернул машину и прибавил газу. Но теперь впереди уже не было ничего. До боли в глазах вглядываясь в дорогу, Павел вел вездеход на предельной скорости. Через минуту на песке затемнели в свете фар знакомые ямочки.

— Я догоню! — крикнул Витя, хватая ружье.

— Сиди, — приказал Павел. — Ты знаешь, кто это?

— Но ведь и вы не знаете.

— Вот потому мы и не имеем права стрелять, даже защищаясь. Ружье — это только на крайний случай. Мы с тобой здесь не просто Гуца и Осадчий, мы представители людей, и по нашему поведению марсиане, если они есть, будут судить о человеке Земли. Понимаешь?

Тот, кому принадлежали следы, исчез. Люди преследовали его километров пять, затем вернулись.

— Эх, неудача!.. — Витя был в отчаянии.

Павел засмеялся:

— Наоборот, удача. Мы узнали, что здесь есть жизнь. А это — главное!

6

Бурмаков очень обрадовался их возвращению. Даже не расспрашивая, помог раздеться Вите, потом стал готовить ужин. И только накормив, выслушал их.

— Будем его искать, Степан Васильевич? — спросил Витя.

— Марсианина? Будем, обязательно будем. А ты, Витя, не устал? Нет? Ну, так завтра снова полетим вдвоем.

...За иллюминатором, в бесконечной тьме, в тысяче километров отсюда, пронеслись марсианские пустыни, точки водоемов, небольшие леса, населенные какими-то загадочными существами. А здесь, на корабле, овальные плафоны излучали ровный искусственный свет, содержащий ультрафиолетовые лучи. Он освещал людей, мебель, стены со всех сторон, не давая тени. Уютно и хитровато подмигивали контрольные лампочки на пультах, мягко гудели реле автоматических лабораторий. И не нужно было прятаться в скафандры, сосать из трубки жидкую пищу. Можно было взять стакан и напиться, отломить и пожевать шоколадного концентрата, обыкновенной ложкой поесть вкусного борща, в котором плавают звездочки жира.

Павел перешел в мягкое кресло, стоящее у стены, и с наслаждением откинулся на спинку. Сказалось двухдневное напряжение. Сознание, получившее передышку, с удовольствием отключилось от окружающего. Бурмаков и Витя о чем-то тихо разговаривали,

а он лишь улавливал отдельные слова. Марс. С Земли он кажется красным пятачком. Земля... Павел невольно посмотрел на часы, показывающие московское время. В Минске сейчас было утро. Павел закрыл глаза и увидел знакомую улицу, третий подъезд десятого дома. Открылась дверь. Но еще раньше послышался мелкий перестук каблучков голубых туфелек. Обязательно голубых, потому что Валя была модница, а сейчас, во время космических полетов, голубой цвет считался у женщин самым модным. Шагнув на асфальт тротуара, Валя, как всегда, оглянулась. Это она ждала его, Павла!

Павел вздохнул. Бурмаков и Витя с тревогой поглядели на него.

— Задумался, — виновато сказал Павел.

— ...космонавты! — вдруг захрипел динамик прямой связи с Землей, и уже отчетливо послышалось: — Необычные обстоятельства заставили вызвать вас не по графику.

Космонавты переглянулись. Внеочередная передача могла обозначать прежде всего беду.

— ...Нам удалось установить, что Марс входит в густую метеоритную зону. Отсутствие плотной атмосферы вокруг Марса создает для вас серьезную опасность. Метеориты в большинстве своем достигнут поверхности планеты. Советуем незамедлительно покинуть район Марса. Подтвердите прием.

Бурмаков сразу же написал ответ, передал его в машину, которая должна была закодировать радиосигнал и короткими импульсами посылать на Землю, пока приемные станции не подтвердят, что сообщение принято.

— Земля ждет, что мы скажем, — каким-то торжественным голосом заговорил Бурмаков. — На космических кораблях такая традиция: важные решения принимаются после обсуждения. Первым начинает самый молодой. Давай, Витя. Хочу предупредить, что если кто из нас захочет, мы сразу же вернемся на Землю. И нас никто не упрекнет. Мы сделали немало.

— У нас пока что достаточно времени, — Витя встал. — Мы должны еще хоть раз побывать на Марсе.

— Правильно. — Павел стал рядом с Витей.

— Согласен! — обнял их Бурмаков. — Но мне хочется предупредить: это — опасно.

— Нам не впервые рисковать, — ответил Павел. — Остаемся.

7

И снова Марс показал себя с неожиданной стороны. На этот раз Бурмаков и Витя, исследуя открытую в прошлый раз впадину, прилетели в горы. Под ракетой поплыли дикие вершины, обрывистые, глубокие ущелья.

— Смотри, Витя, — показал Бурмаков, — эти горы, должно быть, на многие сотни миллионов лет старше нашего Урала.

Здесь все имело свое измерение, и Витя не удивился цифрам, которые назвал командир. Но горы не вызывали у него восхищения. Скалистые, без единого признака растительности... На них, очевидно, нет ничего живого, как и в тех песках, что засыпали почти всю поверхность Марса.

— Мне кажется, что здесь мы найдем то существо, которое убежало от вас ночью.

— Почему вы так думаете? — спросил Витя. — Скорее всего марсианин живет где-то в лесу.

— Ни в лесу, ни в воде его нет. Иначе вы обязательно бы наткнулись на признаки его обиталища. Не умея созидать, он должен прятаться в пещерах.

Ракета опустилась в самом центре гор. У космонавтов был совершенный вездеход. Он не имел ни колес, ни гусениц. У него были ноги — шестнадцать пар ног, которые несли его плавно, без толчков на дороге любого рельефа. Электронное управление, соединенное с локаторной системой, мгновенно улавливало любые неровности и так же мгновенно давало команду ногам. Вездеход мог и бегать, и ходить, и ползать, и даже перелезть через

невысокие преграды. Но чтобы использовать вездеход здесь, не приходилось и думать. Скалы и горы были крутые, высокие. Взяв альпинистское снаряжение, Бурмаков и Витя стали спускаться в ближайшее ущелье. Идти было легко, куда легче, чем в горах Кавказа или Алатау. Когда на дороге попадалась преграда, мускулатура землян позволяла без особых усилий прыгать на пять-шесть метров.

Часа через полтора, найдя удобную ровную площадку, Бурмаков и Витя сделали привал. Вокруг торчали скалы, крепкие, голые, как скелеты.

— Может, вернемся? — предложил Витя. — Очень уж мертво здесь.

— Вернемся? — Глаза Бурмакова загорелись. Ему припомнилось первое путешествие на Луну, годы юности, надежд, открытий. Он верил, что и здесь встретится много интересного. И эту веру академик хотел передать Вите. — Вернемся, конечно. Но раньше взойдем на ту вершину. Видишь?

Гора, на которую указывал академик, царила над всей окружающей местностью. Они подошли уже близко к ней, как вдруг задрожал воздух, словно кто-то начал отсасывать его невиданно мощным компрессором. Бурмаков и Витя прижались к скале. А горы уже ревели, грохотали, дрожали. Мгновение, и огромный огненный шар, оставив за собой широкую сверкающую полосу, описал дугу и упал в ущелье. Необыкновенной силы взрыв потряс горы.

Через минуту все смолкло. А люди еще долго лежали и смотрели, как медленно угасали разбросанные взрывом разноцветные огоньки на еще более потемневшем фиолетовом небе.

— Что это? — испуганно прошептал Витя.

— Кажется, первая ласточка, метеорит. Самое время удирать. — Бурмаков с сожалением посмотрел в ту сторону, где возвышалась гора.

— Не будем медлить, — подхватился Витя. — Уже немного осталось. Не упадет же еще один метеорит именно сюда.

— Молодец! — похвалил юношу Бурмаков.

Небо то и дело вспыхивало. Приборы, определяющие радиоактивность среды, тревожно гудели, и их стрелки приближались к предельной красной черточке. Бурмаков озабоченно поглядывал на индикаторы и невольно торопился. Наверно, они попали почти в самый эпицентр космического атомного взрыва, который только что произошел на их глазах. Бурмаков подумывал уже, не лучше ли вернуться, как радиация стала постепенно падать... Костюмы могли пока что защитить людей от вредных излучений.

Вблизи гора не казалась такой высокой. До вершины оставалось метров двадцать, но с той стороны, откуда они пришли, нельзя было подступиться. Каменный склон был гладкий, как будто отполированный.

Они медленно пошли вокруг горы. Бурмаков залез на небольшой выступ, посмотрел в ущелье, где упал метеорит. На месте падения зияла огромная глубокая воронка.

— Вот, наверно, таким был и Тунгусский метеорит, о котором сложили столько легенд, — задумчиво сказал он. — Вот оно — величие природы, мощная и неизведанная сила Вселенной. Не эти ли вспышки мы иногда видим на Марсе с Земли?

Они немного постояли в раздумье.

— Ну, пойдем к ракете, — сказал Бурмаков, хотя самого страшно тянуло вперед. И, поправив за плечами мешок, он не выдержал: — Только обойдем сначала гору с той стороны.

— Витя!.. — закричал вдруг Бурмаков, не сделав и десяти шагов, и изо всей силы затряс юношу за плечи. — Витя!..

Напуганный Витя посмотрел на гору и... обомлел. На вершине, рванувшись к небу, застыла непонятная не то фигура, не то дерево.

— Похоже на памятник, — сказал Витя, прицеливаясь киноаппаратом.

— Кому? Чей? — Ежеминутно срываясь, падая, Бурмаков пополз вверх.

Это, очевидно, был памятник. Но необычный, загадочный. Из блестящего светло-желтого постамента, который, казалось, глубоко и крепко врос в каменное ложе горы, тянулись вверх перепутанные спиралевидные ветви, унизанные серебристыми листочками.

Что-то знакомое вдруг мелькнуло в этой фигуре, когда Бурмаков, растерянный и смущенный, обошел ее. Галактика? Да, это очень похоже на астрономический макет. Но что хотели этим сказать те, кто создал его — величественный и несокрушимый, способный выстоять бесконечно долго перед напором всех возможных сил стихии? Поглощенный этой мыслью, Бурмаков не сразу заметил металлическую плиту внизу. А заметив, изумился еще более. На черной блестящей плите была изображена схема... Солнечной системы. Только чего-то в ней не хватало? Бурмаков даже прислонился к скале, у него задрожали ноги. На схеме было восемь планет и два солнца. Одно — наше, второе — еле горящее, затухающее на месте Юпитера.

Мысль Бурмакова лихорадочно закружила. Два солнца — невероятно, но, пожалуй, объяснимо. Не зря же высказываются предположения, что на поверхности Юпитера и до сего времени температура составляет сотни тысяч градусов, а в его бездонных недрах под фантастическим давлением в миллионы атмосфер происходят ядерные процессы. Это может быть, потому что Юпитер остывает. Но, кажется, в схеме чего-то не хватает. Да, да. Первым от Солнца идет Меркурий, потом Венера, вот Земля, дальше Марс, за ним Юпитер... Нет, между ними планета. Ага, это, наверно, мифический Фэтон, а здесь горит Юпитер, там Сатурн в кольце, Уран, Нептун. Девять... Неужели?..

— Витя! Пересчитай все планеты Солнечной системы! — закричал академик.

Удивленный мальчик назвал их.

— А где Плутон? — задышавшись, переспросил Бурмаков.

— После Нептуна.

— Нет, нет, говорю тебе! — кричал Бурмаков, забыв, что Витя не видит схемы и не понимает его.

Озадаченный Витя попросил:

— Опустите трос, я влезу к вам.

— А?.. — понял наконец Бурмаков. — Давай быстрее. А то, наверно, думаешь, что с ума сошел старик. Есть от чего...

— Лю-ди? — прошептал, взобравшись, Витя. — Когда?

— Если бы я знал! — Бурмаков уже почувствовал себя способным анализировать факты, смотреть на них холодными глазами исследователя.

Те, кто ставил памятник, учили все, или почти все. Прошло, видимо, много-много времени, а он стоял как свидетельство безграничной силы разума, посылая потомкам весть из далекого прошлого. Ни время, ни что другое не одолели его. Он только глубже вращался в свое каменное ложе, становясь более устойчивым и мощным. Из чего он сделан? Бурмакову не удалось отколоть ни от постаментов, ни от плиты ни одного кусочка материала, устоявшего на этот раз и против усилий человека.

— Самое обидное, Витя, что мы с тобой не знаем, когда он был поставлен. Ясно только одно: после тех неизвестных космонавтов Солнечная система пережила одну из самых страшных трагедий. Вдребезги разлетелся Фазтон.

— Зато появился Плутон, — заметил Витя.

— Да, Плутон. И это еще более загадочно. Когда? Откуда?

Этот вопрос не давал покоя Бурмакову и в ракете, когда, вдоволь насмотревшись на творение рук собратьев по разуму, возвращались на корабль. Даже торопливое бегство от Марса в более безопасное космическое пространство, не позволившее искать новые следы пребывания чужих космонавтов на этой планете, он воспринял без особенного огорчения. Одна мысль завладела им, и он должен был довести ее до конца.

В этот вечер радиостанция «Набата» сделала внеочередную передачу. На Землю было отправлено сообщение с фотоснимками памятника.

Вскоре Земля подтвердила, что сигналы приняты, и попросила ждать решения Космического центра.

«Набат» при минимальном ускорении стал описывать циклическую кривую вокруг заданного в пространстве пункта, не удаляясь и не приближаясь к Земле.

Приборы лаборатории методически сообщали результаты анализов экспонатов, доставленных с Марса. Были обнаружены микроорганизмы в воде, установлен состав древесины, а также — как и чем питаются марсианские деревья и травы. Но космонавты понимали, что Марс для них — пройденный этап, и ждали приказа Земли.

Приказ пришел на вторые сутки, точнее, через 36 часов 17 минут 25 секунд, как зафиксировали флегматичные приборы. При первых звуках Земли космонавты встали и стоя выслушали всю передачу.

«Дорогие друзья! — звенел динамик ультракоротковолновой атомной радиостанции. — Космический центр поздравляет вас с отлично выполненной первой частью задания. Ваша находка памятника, поставленного неизвестными существами, открывает безграничные перспективы. Почти сутки все астрономы нашей планеты изучали фотоснимок, присланный вами. Единодушное мнение — это макет нашей Галактики, такой, какой она была примерно два миллиона лет тому назад. Таким образом, именно за это время погиб Фазтон и появился Плутон. Слушайте вашу задачу. Вы должны неотложно направиться на последнюю планетную орбиту Солнечной системы, к Плутону, и попытаться выяснить его происхождение. Имейте в виду, что новые космические корабли, построенные по улучшенному проекту „Набата“, в будущем календарном земном году направятся к Марсу и продолжат работу. Привет вам от родных и близких, от всех нас, от всего человечества! Желаем счастливого путешествия и возвращения на Землю!»

Снова, как и тогда, когда они стартовали с Земли, далекий оркестр заиграл Гимн Советского Союза.

ГЛАВА 3

1

Пятый день тревожно редела сирена. Бурмаков включил глушитель, но и приглушенный вой, казалось, врывается во все углы корабля, выводя людей из равновесия. А выключить сирену не позволяла обязательная инструкция технической эксплуатации

корабля в космосе. «Набату» не удалось избежать встречи с метеоритным потоком, и все время экипаж находился в состоянии аварийной готовности.

Пятый день не прекращалась ни на минуту борьба за жизнь корабля, сбавившего ход до пятидесяти тысяч километров в час. Люди выбились из сил. Автоматические пушки не успевали расстреливать атомными зарядами метеориты, попадавшие на пути «Набата». Маленькие частички, заряженные за долгое время блуждания в космосе большой энергией, бомбардировали корпус корабля, оставляя свои следы на первом защитном слое, иногда даже пробивая его. И лишь пенопластиковая изоляция, находившаяся под ним, мгновенно затягивала отверстия, уберегала от более серьезных последствий.

— Если и дальше так будет, — невесело пошутил Бурмаков, — мы будем продолжать путь в решете.

Шутя, он не думал, что близок к истине. Едва он успел закончить фразу, как мощный толчок потряс корабль. Клубок ослепительно яркого пламени, мгновенно затмившего свет каютных ламп, вырвался из левой дюзы и повис за бортом. Еще через мгновение «Набат», дав резкий крен влево, закружил, все время удаляясь, вокруг медленно гаснувшего неведь откуда появившегося маленького Солнца.

Автоматы сразу же доложили: неисправна левая дюза.

— Неужели вырвалось горючее? — Обеспокоенный Павел взглянул на счетчик расхода топлива. Нет, там было все в порядке.

— Взрыв произошел в самой дюзе, — заключил Бурмаков, просмотрев показания контрольных приборов, — но отчего? Придется выходить.

Одев тяжелый скафандр, командир корабля выбрался за борт. В телевидеофон Павел и Витя наблюдали, как он медленно, с трудом отрывая от поверхности корабля магнитные подошвы, бродит вокруг вышедшей из строя дюзы, задумчиво щупает порванные взрывом места, то и дело поглядывая на показатель силы радиационного излучения. Его приказ был неожиданным для товарищей:

— Подведите «Набат» к тому месту, где произошел взрыв. Надо взять пробы.

Вернувшись, Бурмаков долго колдовал у приборов, не замечая вопрошающих взглядов Павла и Вити. Наконец, видимо, все закончив, объявил:

— В результате взрыва возникло какое-то новое излучение.

— Но что взорвалось? — задал вопрос Павел. — Не станете же вы утверждать, что это произошло само собой, в результате каких-то упущений в конструкции.

— Не стану, — Бурмаков потер ладонью висок. — Что-то попало в дюзу извне. Можно было бы объяснить еще, если бы это оказался метеорит из антивещества. Однако вероятность, что он долетит в такие глубины нашей Галактики, вряд ли существует. Будем думать над этой загадкой. А сейчас надо ремонтировать дюзу.

— Да-а, — неопределенно протянул Павел.

Ремонтировать. Это было легче сказать, чем сделать в условиях космического полета. Изготовленные из жаростойких материалов дюзы не плавилась даже под огненной струей кислорода, температура которой достигает трех тысяч градусов. А тут еще сирена. Не умолкая ни на минуту, она все время напоминала, что опасность нового столкновения не миновала.

— Будем маневрировать, — недовольно поглядывая на сирену, сказал Бурмаков, — пока не выйдем из этой проклятой полосы. Одевайте скафандры, как этого требует инструкция, — и первым облачился в защитный костюм.

Одетые в скафандры, космонавты ходили по своему кораблю, словно по чужой планете. Даже засыпая на какой-либо час, они не снимали шлемов.

Начинались шестые сутки почти непрерывной вахты экипажа. Приборы показали, что в окружающем пространстве метеоритов стало меньше. И хотя сирена по-прежнему не умолкала, однако уже не вызывала прежнего раздражения.

Павел, сдав дежурство у пульта, пошел в библиотеку. Обязанности штурмана были поручены ему, и он решил проложить новый курс, так как от прежнего корабль за эти дни

значительно отклонился. Микрофильмов с самыми последними данными о метеоритных поясах вокруг больших планет на месте не было. «Ох, этот Витька, — с досадой подумал Павел. — Опять куда-то их засунул. Надо сказать, чтоб навел здесь порядок». А сам наклонился к нижней полке, отбросил на плечи шлем. Микрофильмы были здесь. Павел зарядил их в проекционный аппарат. Без скафандра дышалось легко. Павел посмотрел на дверь, которая вела в рубку к Бурмакову, и сел на кресло против экрана, так и не надев шлема. Он нажал кнопку проекционного аппарата и...

Оглушительный грохот обрушился на него. Над головой в потолке образовалась дыра. Теряя сознание, Павел потянул за шнурок шлема...

Удар страшной силы снова потряс корабль. Бурмакова бросило на стенку каюты, но он сразу же подхватился на ноги. Произошел тот случай, когда пилоты-автоматы не могли ничего сделать, и требовалась рука человека, сильная и опытная. Голова от удара сильно болела, и, чтобы не застонать, Бурмаков крепко сжал зубы, садясь за рычаги управления.

— А где Павел Константинович? — спросил Витя. Он сидел в мягком кресле и поэтому от столкновения совсем не пострадал.

— В библиотеке... — начал было Бурмаков и, выпустив рычаги, бросился к двери. Он только сейчас сообразил, что Павел должен был находиться там.

Дверь не открывалась. Автоматические реле после удара герметически изолировали библиотеку от остальных помещений. Войти в нее можно было теперь только с помощью автогенного резака или после того, как будет заделана пробоина, и автоматы создадут там нормальные атмосферные условия.

— Павел Константинович! Павел! Павел! — закричал в микрофон Бурмаков.

Ответа не последовало.

Витя попробовал позвонить по внутреннему телефону. Библиотека молчала. Не работала и телевидеофонная установка.

— Задача, — сказал Бурмаков. — Нужно заделать пробоину.

— А что с Павлом Константиновичем?

— Одно знаю, случилась беда. Мы не можем взломать дверь, потому что выйдут из строя приборы в рубке, и корабль погибнет.

Глотая слезы, Витя копался у телекамеры. Бурмаков посмотрел на него, вздохнул и вернулся к рычагам. Работа помогла хоть на мгновение забыть горе.

Медленно тянулось время. Когда перестала выть сирена, ни Бурмаков, ни Витя не заметили. Не до этого было. Новой встречи с метеоритом или астероидом они уже перестали бояться. Как там Павел? Вот что беспокоило космонавтов больше всего.

— Раньше чем через десять часов мы не сможем выбраться из корабля. — Бурмаков бросил на стол карандаш, которым писал задание счетной машине.

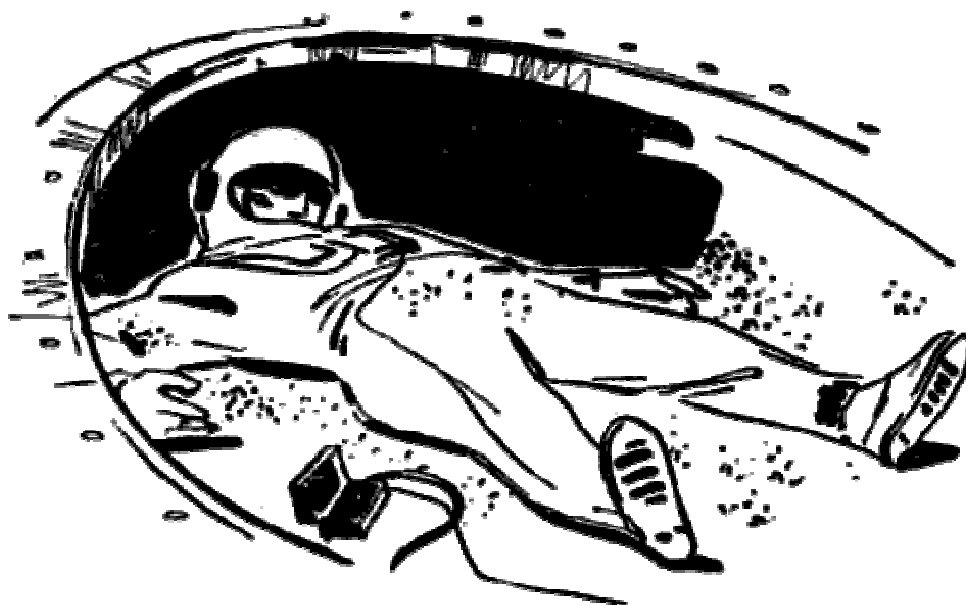
Десять часов. Он не сказал, что это значит. Но Витя знал и без него. Еще десять часов Павел должен находиться в библиотеке, где царит космический холод, почти абсолютный ноль, при котором живой человек в долю секунды может превратиться в ледышку. Юноша еще быстрее заработал пальцами, заменяя поврежденные кристаллики.

Их было много, тех кристалликов, от удара вырвавшихся из своих гнезд. И ему пришлось немало потрудиться, пока соединения замкнулись, пропуская ток.

— Есть, — коротко доложил Витя, включая телевидеофон.

Невидимые лучи проникли через стальную дверь, зашарили в помещении библиотеки.

— Он! — обрадовался Витя.

Раскинув руки, Павел неподвижно лежал на полу.

До боли в глазах вглядывались Бурмаков и Витя в экран, надеясь заметить хоть какие-нибудь признаки жизни на лице Павла, и не замечали их.

Если бы раньше кто-нибудь сказал Бурмакову, что он сможет более шести суток — сто пятьдесят часов — не спать, он не поверил бы. Даже тогда, летая на Луну, когда сам космос был ему в диковинку, он спал. А сейчас вот столько времени он на ногах, не принимая никаких искусственных возбудителей! Витя, тот вон смотрел-смотрел на экран телевизора и уснул. Да это и понятно: он еще очень юн, хоть и голова у него по-взрослому умная. Любые невзгоды в пятнадцать лет легче переносить, чем в сорок пять. А ему теперь не успокоиться уже, если с Павлом случилось что плохое. Ведь он командир. Должен все знать, все предвидеть. И как обидно, что не имеешь права на риск. Ты в ответе за корабль, судьбу экспедиции. И хотя друг, попавший в беду, за полметра от тебя, ты должен ждать и ждать...

Что случилось с Павлом? Могло просто оглушить. Скафандр на нем вроде целый, а в скафандре не страшны ни холод, ни повышенная радиация. Но могло произойти и что-нибудь похуже. И тогда...

Бурмаков отнял руки от лица. Зеленая стрелка индикаторов, указывающая скорость «Набата», дрожала рядом с нулевой отметкой. Бурмаков с сожалением посмотрел на

осунувшееся в последние дни лицо Вити и тронул юношу за плечо:

— Вставай, Витя, мне надо выходить.

Витя виновато заморгал веками.

— Ничего, хорошо, что отдохнул. Мне больше поможешь. Я пойду один. Ну-ну, не обижайся. Корабль без людей нельзя оставлять. А вдруг что со мной случится. Кто спасет? Кто вернет «Набат» на Землю? Понял?

Захватив инструменты, металлический пластырь для заделки пробоины, Бурмаков направился в дезокамеру. Витя следил за ним по телеэкрану, и ему казалось, что Степан Васильевич слишком медлит. А тот тяжелыми шагами подошел к внешнему люку, открыл его. Вал лебедки завертелся сначала медленно, потом все быстрее и быстрее. Витя повернул телекамеру. Бурмаков был уже на корпусе и, согнувшись, подбирался к пробоине. С ловкостью профессионала-кровельщика академик стал заделывать обшивку корпуса корабля.

Наконец работа была закончена.

— Возвращаюсь, — сказал Бурмаков, — следи, Витя, за приборами.

Он успел уже вернуться, раздеться, а дверь в библиотеку все не открывалась.

— Надеть скафандр, — приказал командир. — Будем резать замки.

Зашипела тонкая огненная струйка кислорода, разрезая не открывающиеся запоры. Рискуя попасть под этот огненный нож, Бурмаков с силой надавил плечом на дверь.

Павел лежал в прежней позе. Бурмаков мельком отметил про себя, что в библиотеке повышенная радиация, и поэтому, видимо, автоматы не открывали дверь, и подхватил Павла на руки. Его перенесли в спальню, раздели. Травма была несерьезная, и через несколько дней Павлу разрешили встать.

2

Кривая трассы «Набата» была проложена так, что по пути к Плутону космонавты должны были пройти на расстоянии около миллиона километров от воображаемой поверхности Юпитера. Павел попросил сделать «небольшой крюк» в сорок миллионов километров, чтобы побывать вблизи Сатурна, но Бурмаков воспротивился.

— Довольно с меня метеоритов, — объяснил он, — а у Сатурна мы рискуем попасть в такую кашу, что и не выберемся. Одно его кольцо, видимо, собрало их столько, сколько имеют все остальные планеты, вместе взятые.

— Степан Васильевич! — взмолился Павел. — Кольцо Сатурна — узенький ледяной диск, я уверен в этом. Там нам ничто не угрожает.

— Возможно, — мягко ответил Бурмаков, — но у нас задание. Разве на обратном пути...

Павлу пришлось согласиться с этим доводом.

«Набат» шел с удвоенным ускорением. Его скорость каждую секунду увеличивалась и вскоре достигла астрономической цифры — около миллиона километров в час. Впервые за время полета астронавты почувствовали, что такое продолжительная перегрузка. Было тяжело дышать, двигаться, хотелось спать. А вахты ежедневно становились интереснее.

Блестящий диск Юпитера, напоминавший вначале раскрашенную сервизную тарелку, не помещался уже в иллюминаторе. И чем больше он рос, тем больше изменялся. Аммиачная и метановая атмосфера гигантской планеты непрерывно пульсировала, вспыхивала тусклым пламенем и затухала.

— Издали довольно безобидная и даже красивая планета, — посмотрев в телескоп, задумчиво сказал Бурмаков. — Боюсь, что мы слишком близко от нее идем.

— Миллион километров — это близко? — удивился Витя.

— Не забывай, что в объеме Юпитера помещается тысяча триста земных шаров. И хотя средняя плотность его равна 1,34, он имеет большую силу притяжения. Представь себе на мгновение, что человек в своем обычном костюме встал на поверхность Юпитера. Знаешь, что с таким храбрецом будет? Его сплющит, как блин. Вот каков Юпитер!

Опасения Бурмакова имели основание. Не прошло и двух дней после этого разговора, как скорость корабля вдруг стала снижаться. Двигатели работали словно на торможение. Еще через день приборы отметили отклонение от курса. Юпитер, как говорится, злился. Его щупальца-протуберанцы высовывались на десятки тысяч километров, будто силясь захватить корабль с дерзкими людьми, которые осмелились залететь в его владения. Не доставая, они свертывались, исчезали, оставляя после себя лишь сероватые облачка. Приборы-ловушки, которые непрерывно анализировали состав окружающего космического вещества, стали улавливать ядовитые смеси, характерные для атмосферы Юпитера.

А потом космонавты отметили, что в пространстве стало теплее. Тепло излучал Юпитер. Оно исходило откуда-то из его, казалось, бездонных недр, в которых происходили, не утихая ни на мгновение, какие-то сложные ядерные процессы.

Чтобы преодолеть возрастающее притяжение Юпитера, пришлось пустить атомные двигатели на полную мощность. Положение постепенно стало улучшаться, стрелка, указывающая ускорение, сдвинулась с нуля. Астронавты вздохнули с облегчением, но вдруг случилось непредвиденное: прорвало пластырь, наложенный на дюзу, пробитой недавно загадочным взрывом. «Набат» сразу потерял скорость, стал трудноуправляемым и начал ложиться на орбиту-эллипсоид, которая со временем должна была закончиться где-то с другой стороны Юпитера, как раз в центре диска. Это за несколько секунд вычислили электронные машины.

— Сколько у нас осталось времени? — Бурмаков был удивительно спокоен, словно произошла обычная заминка.

Машины мгновенно сделали несложный расчет. Павел подал командиру перфорационную ленту, испещренную знаками.

— Ого! Целая неделя. Ну, скажем, шесть, даже пять дней. За это время мы должны отремонтировать или заменить дюзу. Тогда мы еще сможем поспорить с нашим сердитым богом. Докажем ему, что человек сильнее.

— В космосе, в условиях все возрастающей силы притяжения Юпитера и повышения окружающей температуры дюзу не заменишь, — печально улыбнулся Павел.

— Но другого выхода нет.

— Есть. Нужно снова наложить пластырь. На это понадобится меньше времени. Со всеми отключениями и очистками — сорок-пятьдесят часов. Ну, самое большое, шестьдесят.

— А что гарантирует от нового разрыва?

— У нас будет в запасе несколько суток, и мы сможем не включать отремонтированную дюзу на полную мощность.

Бурмаков согласился не сразу. Трижды задавал он работу счетным машинам, пока принял окончательное решение.

3

Из дневника Вити Осадчего

31 марта, по земному исчислению

А у нас перепутались все дни. Как-то не везет нам после Марса. Природа будто мстит, что мы заглянули в одну из ее самых сокровенных тайн. Мы, конечно, добьемся своего, не отступим. Но вижу, как это тяжело. Был ранен П.К. и напряженно работал С.В. И когда наконец можно было бы отдохнуть, — новая беда. Она легла на плечи С.В. и П.К., который — пусть не скрывает от нас — еще не поправился. Я стараюсь помогать чем мог, однако мне мало что поручают. Чудаки, придумывают разные причины, только бы мне было легче. Будто я и в самом деле маленький. А о себе не думают. Я сегодня нарочно просмотрел киноленты, сделанные незадолго до нашего вылета. И могу прямо сказать, что С.В. и П.К. выглядят на десять лет старше. А как они исхудали — просто кожа да кости. Которую ночь

уже не спят, особенно С.В. Да что сделаешь. Положение наше очень опасное. Мы вряд ли вырвемся из объятий Юпитера. Мне об этом не говорят, утаивают, будто я сам не понимаю. Пусть думают, что я ничего не знаю, если им легче от этого.

Ремонтировать поврежденную дюзу невообразимо трудно. Все вокруг заражено радиоактивными частицами, которые излучает второй двигатель. Нас окружает хоть разреженная, но все равно отравленная атмосфера Юпитера. Наши костюмы, в которых мы выходили на Марс, сказал С.В., здесь непригодны. С.В. и П.К., когда выходят теперь на поверхность, одевают другие, специально сделанные для таких условий. Посмотрели бы вы на них в тех костюмах. Настоящие малоподвижные механические роботы. В скафандрах не только работать, повернуться неудобно, не говоря уже о том, какое усилие нужно, чтобы поднять, например, руку. Да, наши специальные скафандры, сделанные из свинцовых сплавов, наверно, очень тяжелые (я не надевал еще такой костюм). В местах соединений, соответствующих суставам человека, они так точно подогнаны, что одна часть будто прилипает к другой. Но и это еще было бы полбеды. В наших скафандрах необычайно жарко. Оказывается, правы были те, кто утверждал, что Юпитер — остывающее солнце.

П.К. и С.В. сделали уже три выхода на поверхность. Каждый раз они возвращаются обессиленные, молчаливые. Посидят неподвижно час, другой, перекусят и снова за работу.

Почему меня не берут с собой на поверхность? Я бы тоже работал. А так, оставаясь в одиночестве, не могу ни читать, ни смотреть кинофильмы. Все валится из рук.

Успеем ли? Неужели не вырвемся? Нет, быть такого не может. Я очень хочу жить, я боюсь сгореть или задохнуться газами. Неужели с нами умрет все, что мы узнали о космосе, о Марсе, о Юпитере? Как я хочу вернуться на Землю!

4 апреля

Как-то неловко читать прошлую запись. Разве остальным не было страшно? А они не раскисали, нашли в себе силы, чтобы работать даже тогда, когда вдруг показалось, что все это — напрасная трата сил. В расчеты, очевидно, вкралась ошибка, или мы не совсем точно знаем строение Юпитера. «Набат» неожиданно снова начал отклоняться в сторону от той кривой, которую рассчитали нам счетные машины. Я видел, как побледнел Павел Константинович, каким упрямым огнем загорелись его глаза, как нахмурился Степан Васильевич, когда я показал им карту нашего пути. Они не стали даже отдыхать, а сразу же вернулись в космос, полный метановой отравы. Они работали не покладая рук и победили! Вот это люди!

Дюза заработала тридцать шесть часов тому назад. Но все равно об отдыхе нечего было думать. Мы находились за полмиллиона километров от Юпитера, или от того, что называют Юпитером. Ибо, как утверждают приборы, там, кроме очень плотных газов, ничего нет. Однако и тех газов хватало, чтобы держать нас на крепкой цепи. Сутки работали дюзы на полную мощность, и за эти сутки мы сумели лишь повернуть нос корабля в сторону от Юпитера. Потом стали двигаться — сантиметрами, метрами. Дрожали от сильной вибрации даже перегородки. Но мы вырвались!

6 апреля

Опасность осталась позади. На экране телескопа злой Юпитер, как и десять дней назад, кажется всего-навсего забавным мохнатым клубком. Как хорошо, что от него нас отделяют уже миллионы километров. Это самое радостное, что я могу записать.

Но наши испытания на этом не кончились. Сегодня утром С.В. сказал:

— Горючего для ядерных двигателей осталось столько, что его хватит или вернуться отсюда домой, или долететь и сделать посадку на Плутоне. Остальное потеряно в борьбе с Юпитером. Что будем делать?

Как и в прошлый раз, решать должен был каждый самостоятельно, и решение принималось только единогласно. Я молчал, ибо понимал, что говорить можно только тогда, когда слова можешь подкрепить знаниями. Но мне очень хотелось, чтоб мои старшие

товарищи нашли возможность лететь дальше.

— Топливо должны найти на Плутоне, — сказал П.К. — Будем искать и найдем, — повторил он. — Можно даже попробовать изготовить его искусственно. Неважно, если на это понадобится год-другой. У нас хватит запасов пищи и кислорода, и — я уверен, — терпения.

— Да-а, — проговорил Бурмаков и обратился ко мне: — А ты, Витя, что думаешь?

— Согласен с вами! — ответил я.

— Плут! — первый раз после Марса Бурмаков засмеялся весело, непринужденно. — Ох и плут. Значит, никого из нас не хочешь обидеть? Ну что ж, друзья, в таком случае летим дальше!

4

Суровый, немногословный, как каждый, на чью долю досталось немало трудностей, Бурмаков был тем не менее привлекательным человеком. Духовная сила командира вызвала у Павла и Вити желание быть похожими на него. И, наверно, потому замкнутость Бурмакова со временем передалась и им. Они редко говорили о своих переживаниях, не вспоминали о прошлом. Обоим казалось, что это будет неприятно Бурмакову, в личной жизни которого было, пожалуй, больше трагического, чем счастливого. Они берегли покой командира, не зная, какую боль причиняют ему этим. Занятый долгие годы наукой, он не умел говорить об интимном, хотя, как и каждый человек, нуждался в таких разговорах.

И сейчас Бурмаков все время заботился о Павле и Вите, беспокоился, когда не видел на их лицах улыбки, грустил, когда грустили они, готов был веселиться, если было весело им. Он был счастлив, когда удавалось выкроить от наблюдений несколько часов и всем вместе посидеть в библиотеке, посмотреть кинофильм, послушать записанный на пленку концерт, почитать.

После недавних напряженных дней, полных борьбы за жизнь корабля, космонавты теперь собирались чаще. Совместно пережитые трудности еще больше сблизили их, и в таких сборах была потребность у каждого. А может быть начала сказываться глубоко спрятанная тоска по Земле. Они летели вперед и думали о том времени, когда возвратятся домой. Как скоро это произойдет?

В тот вечер они, как обычно, сидели в библиотеке, слушали концерт. И видно, в этот момент не одному Вите вспомнилась Родина. Но только он не выдержал и сказал, вздохнув:

— Как там наша Земля?

Ничего не ответив, Бурмаков выключил проектор, соединил экран с телевизором. На экране появилось изображение той части неба, где находилась Земля. Маленькая голубая звездочка, к которой стремились их мысли, сейчас ничем не отличалась от других звезд. Люди молча смотрели на экран, и каждый за этой далекой блестящей звездочкой видел что-то свое, заветное, незабываемое.

Витя почувствовал себя виноватым, что своим вопросом испортил товарищам настроение, и попросил:

— Интересно, а каков он, Плутон?

Бурмаков щелкнул кнопками переключателя. Экран засветился новым уголком Вселенной. Неяркий, небольшой Плутон показался из дальней звездной россыпи.

— Он почти с нами рядом, — сказал Бурмаков.

— Неужели он новый в Солнечной системе? — спросил Витя, радуясь, что Павел и Бурмаков вдруг оживились.

— Об этом тебе Павел Константинович лучше расскажет, а я не очень разбираюсь в астрономических тайнах.

— Степан Васильевич, — ответил Павел, — мы ведь по вашим учебникам учились, ничего особенного я не смогу сказать. Но раз так, то слушайте. Я начну издавека. В конце прошлого столетия самой далекой, последней планетой в Солнечной системе считался

Нептун. Однако уже тогда астрономы заметили, что теоретическая орбита его не соответствует действительной. Это могло означать лишь одно: на движение Нептуна воздействует какая-то другая, неизвестная и еще более далекая планета. К тому времени математики уже умели, зная орбиту и массу планеты, определить силу воздействия, которую она может оказывать на соседние. В этом же случае нужно было решить задачу с обратным условием. И когда она была математически решена, в 1878 году астрономы начали поиски.

Но шли годы, — Павел перевел телескоп на Нептун, — а эта планета по-прежнему оставалась крайней из известных человеку планет Солнечной системы. Только в 1930 году на фотоснимках участка неба, задолго до этого определенного математиками, была замечена неизвестная звездочка. А вскоре подтвердилось, что это и есть новая планета, за которой астрономы охотились столько лет. Ее назвали Плутон — по традиции дали имя мифического греческого бога. Более половины века прошло с тех пор, а люди очень мало знают об этой планете, к которой мы сейчас приближаемся. В 1950 году было произведено измерение диаметра Плутона. Он составляет 0,46 земного, или 5870 километров. Таким образом, Плутон — небольшая планета: немногим больше Меркурия и меньше Марса.

Тем более странно, что, согласно вычислениям, его масса равна земной. Это значит, что средняя плотность Плутона очень высокая — около 50 граммов на кубический сантиметр, а это в шесть раз больше, чем у железа.

Правда, наши сведения о Плутоне довольно приблизительные. — Павел помолчал, внимательно вглядываясь в экран телескопа, на котором снова поблескивал Плутон. — Мы знаем, что он находится от Солнца на расстоянии, равном в среднем сорока астрономическим единицам, или шести миллиардам километров. Это самая крайняя, последняя орбита планет Солнечной системы. Дальше уже, по-видимому, начинаются владения других миров. Блеск Плутона не постоянен. Иногда он кажется ярче, иногда тусклее. Это обычно бывает у планет, вращающихся вокруг своей оси, как и Земля, например. Значит, на Плутоне есть и день и ночь, в зависимости от того, какой стороной он повернут к Солнцу, которое и для него является единственным светилом. Сутки на Плутоне по своей продолжительности равны 6 земным, 9 часам, 21 минуте и 30 секундам. Это так называемые объективные данные. Анализ их, да и некоторые другие наблюдения позволяют полагать, что Плутон не похож на остальные большие планеты Солнечной системы.

— А какие это еще наблюдения? — поинтересовался Витя.

— Прости, я забыл их назвать, — ответил Павел. — Во-первых, плоскость его орбиты наклонена к плоскостям орбит других планет под большим углом — 17 градусов, чего нет ни у одной другой планеты Солнечной системы. Во-вторых, сутки на больших планетах равны 10–15 часам, а на Плутоне, как я говорил уже, они во много раз больше.

Павел передохнул и попросил:

— А теперь позвольте мне немножко пофантазировать. Первое, что мы сделаем, опустившись на Плутон, — это посмотрим на его небо. Оно должно выглядеть однообразной черной бездной, усеянной звездами. Созвездия там такие же, как и те, что мы видим с Земли, Солнце кажется яркой звездой. Оно дает Плутону тепла в две с половиной тысячи раз меньше, чем Земле, и тем не менее освещает его поверхность в двести раз ярче, чем Землю полная Луна. Без телескопа мы увидим оттуда только очень яркий Нептун, а также Сатурн, Уран и, возможно, Юпитер. Атмосферы на Плутоне, видимо, нет, во всяком случае, если и есть, то она должна быть очень и очень разреженной, ничем, пожалуй, не отличаясь от обычной космической среды. Наши выводы о массе Нептуна могут быть опровергнуты лишь одним — существованием дальше его еще одной планеты. Тогда масса его будет нормальной, присущей другим планетам Солнечной системы. Но пока ее не нашли. И остановимся на имеющихся данных. Итак, Плутон имеет большую массу. Нам очень трудно будет передвигаться по его поверхности.

— Ну и картину вы нарисовали, Павел Константинович, — улыбнулся Бурмаков. — Так и назад захочется повернуть.

— Да, — вздохнул Витя, — очень грустно. Одна надежда, что мы снова, как и в

отношении Марса, ошибаемся.

В библиотеке «Набата» было тепло, по-домашнему уютно. И только зеленоватый экран, к которому Бурмаков подключил электронный телескоп, напоминал о бесконечной бездне, поглотившей маленький корабль.

5

Прошло несколько месяцев. Жизнь людей в корабле текла размеренно, без приключений и происшествий. Космос словно смиловился над людьми и признал за ними право после суровых испытаний углубиться в его недра. Наконец пришло время начать торможение. Автоматы работали точно. Бурмаков и Павел почти вовсе не контролировали их и сами часами не отрывались от телескопа. Но не Плутон был объектом их наблюдений. Они в окулярах телескопа, а Витя на картах главной счетной машины искали заплутоновую планету. Не верилось, не хотелось верить, что ее нет. Она должна была быть. Иначе...

— Иначе посадка на Плутоне будет очень затруднительной. «Набат» или разобьется, или, если мы сумеем нейтрализовать притяжение во время посадки, оно доставит немало хлопот, когда мы захотим вырваться из его плена.

— Но тогда, Степан Васильевич, — Павел взволнованно закрутил ручку, нацеливая телескоп на Плутон, — напрашивается невероятная мысль...

— Я верю тому памятнику, — поднял голову Бурмаков, — Плутон чужой в нашей Солнечной системе.

Слово было сказано. Вывод напрашивался давно, но ни Павел, ни Бурмаков не решились его раньше сделать. Витя недоуменно смотрел на ученых.

— Да, Витя, скорее всего чужой, — объяснил ему Бурмаков.

— С другого мира?!

— Возможно.

— Расскажите более подробно, Степан Васильевич, — попросил Витя.

— Боюсь. Боюсь разочароваться. Помнишь, в начале нашего путешествия я утверждал, что Марс населен умными существами. А мы их не нашли.

— Но мы и сейчас не уверены, что их нет, — сказал Павел. — Мы видели следы.

— Я хотел бы увидеть не следы...

— Значит, вы думаете, что на Плутоне существует жизнь? — по-своему понял Витя Бурмакова.

— Что может существовать на мертвой планете в мертвом пространстве? — грустно ответил тот. — Будет удачей, если мы хотя бы убедимся в правильности нашей догадки.

— А вдруг? — загорелся Павел. — Что бы вы ни доказывали, а я хочу верить. Вы говорите, что Плутон чужой для нас. Так вот. Люди далекой Галактики решили отправиться в путешествие. Их наука была такой совершенной, что им не нужно было строить космические ракеты. Они направились во Вселенную на своей планете и, таким образом, попали в Солнечную систему.

— Чем вы объясните, что они остановились так далеко от нас? — Гипотеза-шутка чем-то захватила Бурмакова. Не ожидая, что скажет Павел, он ответил сам на свой вопрос: — Обитатели Плутона живут в ином измерении времени. То, что нам представляется столетием, у них — секунды или минуты. Потому им совсем не надоело жить в провинциальной области Солнечной системы. Они пока присматриваются к нам.

— А какой у них общественный строй, Павел Константинович? — спросил вдруг Витя.

— Не знаю. Но если они достигли такого высокого уровня развития техники, то, наверное, и живут в очень высокоорганизованном обществе.

— Я думаю, у них — коммунизм! — безапелляционно сказал Витя. — Как у нас. Только построенный давно, и по соседству нет империалистов. Вот здорово! Правда, Степан Васильевич?

— Мечтатели! А вдруг Плутон — это осколок Фэтона, и поэтому его не было на

памятнике? — покачал головой Бурмаков. Мечты молодежи взволновали его. Но ему не хотелось, чтобы товарищи это заметили. Он всю жизнь учил себя признавать только те мечты, которые вытекают из определенных научных выводов.

Долго в эту ночь лежал он без сна, прислушиваясь к ровному дыханию Вити, спящего рядом. Третья кровать была пустой: Павел нес вахту. Витя с Павлом сегодня растревожили его мысли, и Бурмакову впервые захотелось пофантазировать просто так, не вдаваясь в науку.

Встретить человека другой цивилизации... Он этому посвятил свою жизнь. Неужели надежда так и останется надеждой, неужели это сделает не он, неужели открыть населенные планеты суждено кому-то иному? Обидно. Но ведь он и так много сделал, чего же ему еще не хватает? Встречи? Но нельзя же, чтобы все доставалось одному. Ему нечего сетовать на судьбу. А та встреча на Марсе? Памятник, который он увидел, — это же свидетельство Разума, чужого, неземного, однако близкого человеку. Как он не подумал об этом раньше? Возможно, он стоял у истоков встречи с теми, кто оставил свои непонятные следы не только на Марсе, а и на Земле?

Мысли шли дальше. Он видел чудесную планету, залитую ярким солнечным светом, прекрасные города с широкими улицами и многоэтажными дорогами, полными машин, большие зеленые леса, населенные разными зверями, птицами. А над всем этим царил человек — похожий и не похожий на земного: сильный, волевой, умный. Он подчинял себе силы природы, он проник в космос. Его посланцы оставили после себя макет Галактики на Марсе, Баальбекскую веранду на Земле...

Нет, в таком состоянии Бурмаков уснуть не мог. Он встал, поправил одеяло на Витиной кровати и включил телескоп.

В телескопе пепельным светом светилась серая масса Плутона. И Бурмаков вдруг почувствовал, что ему хочется поверить в шутку Вити и Павла.

6

«Набат» лег в дрейф на орбите искусственного спутника Плутона. Позади остались миллиарды километров, трудные испытания, перегрузки, связанные с разгоном и торможением корабля. Перед решающим штурмом планеты экипаж получил небольшую передышку. Утомленные долгой дорогой, люди наслаждались невесомостью, на время забыв, что они находятся почти у цели своего многомесячного путешествия.

Первую вахту вблизи Плутона Бурмаков взял на себя. Ни Павел, ни Витя не протестовали. Космос за это время потерял для них новизну и необычность, и то, что рядом чужая и загадочная планета, вдруг стало само собой разумеющимся и не вызывающим острого интереса. Они не лгнули к окулярам телескопа, к иллюминаторам, не обменивались мыслями и догадками, как это было вблизи Марса. Они подчинились решению командира и спокойно ушли спать.

Странной была эта планета. Шесть ее радиусов отделяли пока людей от нее, но казалось, что она уже держит их подле себя невидимыми и крепкими узами. Время от времени «Набат» вздрагивал, на какую-то долю секунды напрягался, словно раздумывая, продолжить свой бег или свернуть к мрачной черной поверхности шара, затмившего собою половину неба, потом снова мчался дальше.

Что-то похожее было, когда пролетали Юпитер. Там тоже все время чувствовалось могучее притяжение бурлящего гиганта. Но там оно было постоянным. А здесь?..

Бурмаков вспомнил, как плавно и легко кружил корабль вокруг Марса, и вздохнул. Как не похожи они — Марс и Плутон. Один — светлый, солнечный, радужный, кажущийся сейчас даже родным. Другой — угрюмый, отчего-то злящийся, и поэтому непонятный, тревожащий.

А высаживаться придется. Просто невозможно не побывать на Плутоне, предполагая его тайну. И, кроме того, без достаточных запасов горючего для обратного пути не хватит,

пожалуй, и жизни, разве что Витя при благополучном исходе вернется древним стариком. Нет, об этом и думать нельзя. Он, Бурмаков, обязан найти дорогу назад, оправдать перед людьми, своей страной те надежды, которые возлагались на их экспедицию.

Досадуя на себя за эту минуту слабости и сомнений, Бурмаков добрался к креслу перед главным пультом, пристегнулся покрепче, скользнул взглядом по приборам. Разноцветные огоньки-сигнализаторы светились успокаивающе спокойно. На них не оказало воздействия ни расстояние, измеренное траекторией в сотню астрономических единиц, ни время.

Они также уверенно сообщали о курсе, температуре, уровне радиации и о многом-многом другом, что определяло положение и условия людей в космическом пространстве. Математическая уверенность умных приборов всегда словно прибавляла спокойствия самому Бурмакову.

На экране — над пультом — маленький кораблик описывал дугу над еле светящейся полусферой. Он не изменил своего направления и тогда, когда Бурмаков вдруг почувствовал, что многослойный мощный корпус «Набата» снова на мгновение напрягся. Степан Васильевич успел заметить, что стрелка, показывающая высоту относительно Плутона, дрогнула и потом опять замерла.

Вокруг планеты была обычная космическая среда, практически пустая. На пути корабля в это время приборы не отмечали никаких преград. Так отчего возникало это необычное в поведении «Набата»?

Бурмаков долго разглядывал в телескоп поверхность планеты. Но даже сильно увеличенные детали ее терялись в вечных сумерках, царивших вокруг. Солнечный свет приходил сюда ослабленным огромным мертвым пространством.

Так что же все-таки влияло на ход корабля? Степан Васильевич включил мощный локатор. Его лучи, отразившись от Плутона, рассыпались по зеленоватому экрану бесчисленными мерцающими искорками, так и не объяснив ничего Бурмакову.

Тем временем счетные машины начали выдавать первые результаты исследования планеты и ее среды. Снимки в инфракрасном свете рассказали о больших скалистых массивах, занимавших две трети площади. Анализаторы не обнаружили магнитного поля, а следовательно, и поясов радиации вокруг планеты. Лишь возле поверхности планеты сигналы радиозондов встречали какое-то препятствие и возвращались неузнаваемо искаженными.

Не в этом ли крылась причина неудач локаторной разведки? Бурмаков начал сравнивать данные, полученные двумя анализаторами, и неожиданно поймал себя на том, что не помнит, показания каких приборов он взял. Что-то настойчиво уводило мысль в сторону, беспокоило, будто упущено нечто важное. Бурмаков потер лоб и вздрогнул вместе со вздрогнувшим кораблем. Идея, еще неопределенная, но уже существующая, все более властно захватывала его. Прищурившись, он секунду смотрел на неподвижную стрелку высотомера и решительно нажал кнопку счетной машины, контролировавшей курс корабля. На выползшей голубой ленте график пути напоминал частокол, в который через определенные промежутки кто-то вбил более высокие колья.

Бурмаков составил задание запасной счетной машине, а сам взял чистый лист бумаги и стал чертить на нем два полушария, нанося на них параллели и меридианы. Получив из машины результаты вычислений, он расставил на полушариях точки. Карты стали напоминать сети с крупными ячейками, только многих ячеек почему-то не было. Еще один расчет машины, и Бурмаков определил, что ячеек нет на тех местах планеты, над которыми «Набат» еще не пролетал.

Бурмаков включил ручное управление. Корабль плавно изменил курс, Бурмаков, не отрываясь, следил за стрелкой высотомера.

— Степан Васильевич, — обеспокоенный Павел вошел в рубку. — Мы уходим?

Стрелка шевельнулась и замерла.

— Тише! — шепнул Бурмаков, словно голос мог повлиять на те неизвестные силы, тронувшие в этот миг своими щупальцами корабль.

Павел молча взял со стола графики и вопросительно взглянул на командира. Вместо ответа Бурмаков обвел красным карандашом на карте места предполагаемых ячеек и снова изменил курс. Прежнее явление повторялось: над ожидаемой ячейкой корабль вздрогнул.

— Понятно? — наконец спросил Бурмаков.

— Ничегошеньки! — признался Павел.

— И мне тоже, — рассмеялся вслух Бурмаков, поглядывая на товарища довольными блестящими глазами. — Придется задать работку приборам. Они умные, пускай разгадывают.

Однако минуло несколько часов, а приборы так и не сообщили ничего нового. В определенных, заранее известных местах корабль встряхивало, и это было все, о чем узнали пока люди.

— Сказал бы, что воздушные ямы, так ведь ничего плотного вокруг нас нет, обычная космическая среда, — говорил Павел, в который раз просматривая показания счетных и аналитических машин.

— Павел Константинович! — Бурмаков отодвинул карту плутоновых полушарий, потер правый висок, что означало у него крайнее волнение. — Все известные нам силы воздействия мы можем определить и вычислить. Но это нечто новое. Наши самые совершенные установки только фиксируют его существование и не могут уловить сущность. Так, может быть, это...

— Гравитация?! — вскочил Павел.

— Именно. Направленная гравитация. Невидимый, нацеленный луч гравитонов, — волнуясь, ответил Бурмаков. — Я предвижу множество ваших вопросов. Но говорю заранее: я знаю не больше вашего. Предполагаю и только.

— А знаете, Степан Васильевич, — задумчиво раскладывая перфокарты счетных машин, сказал Павел, — источники этих лучей расположены столь правильно, что нам и не верится в их естественное происхождение.

— Пожалуй, пожалуй, — рассеянно согласился Бурмаков, занятый какой-то своей мыслью.

Павел ожидающе уставился на него. За рассеянностью Бурмакова всегда крылся неожиданный вывод. Степан Васильевич перехватил его вопрошающий взгляд, усмехнулся и нерешительно заметил:

— Маяки? Для космических кораблей?

— Ловушки? Для непрошенных гостей? — подхватил Павел.

— Такие слабые?

— Кто знает, сколько времени они излучают свою силовую энергию в пространство, — отставив свою точку зрения Павел. — Может, создавших ловушки и нет уже давно в живых. Осталось лишь творение их разума — источники искусственных гравиполей, направляемые автоматами по раз и навсегда заданной программе.

— Согласен даже на вашу догадку, — сказал Бурмаков, — хоть она снова оставляет мне только следы, а не самих разумных существ. Неужели мы их не встретим?

Не ожидая ответа на свой вопрос, Степан Васильевич включил экран телескопа, нацеленного на одно из мест, излучающее неведомую энергию. Изображение было серым, невыразительным. Неясно мелькали какие-то тени, напоминавшие перистые облака, сквозь которые просвечивается черное ночное небо.

— Ничего мы отсюда не узнаем, — в голосе Бурмакова звучала горечь. — Лишь побывав на месте, можно определить, насколько мы правы в своих предположениях.

— Есть еще один способ испробовать, — нерешительно предложил Павел. Он знал, что Бурмаков очень не любил, как это ни странно для умудренного опытом космонавта, риска. А то, что Павел собирался сейчас предложить, было именно риском.

— Затормозить в зоне действия луча? — Бурмаков догадался сам о замысле Павла. — Но мы же не можем измерить силу его. Вдруг ее достаточно, чтобы уже не выпустить корабль из своих цепких объятий.

— Ага, поверили в мои ловушки, — Павел поспешил перевести все в шутку.

— Поверил — не поверил, а мне очень не хочется сажать корабль в неизвестность. Как хорошо было на Марсе!

Павел промолчал, понимая тревогу командира. Больше к этому разговору не возвращались.

Виток за витком наматывал «Набат» вокруг Плутона. Казалось, что уже на нем не осталось ни одной точки, над которой не пролетал корабль. А Бурмаков все медлил, выжидал, надеясь хоть частично приподнять завесу, окружающую эту таинственную планету. Но наконец и его терпению пришел конец. Собрав экипаж, Бурмаков отдал приказ:

— Располагайтесь по аварийным местам. Будем садиться.

7

— Все! — Бурмаков выпустил из рук штурвал и разжал побелевшие от напряжения пальцы.

Надрывистый гул ядерных двигателей, проникавший даже сквозь многослойную обшивку корабельного корпуса, снабженного звукоизоляцией, утих, оставив в ушах непрерывный звон.

— Плутон у наших ног! — шутливо напыщенным тоном доложил Бурмаков.

Витя поднялся, чтобы первому побежать к выходу. Но сделал один шаг и, будто наткнувшись на невидимое препятствие, споткнулся. Павел едва успел подхватить его. Мальчик растерянно посмотрел себе под ноги.

— Гостеприимный Плутон, — продолжал тем же тоном Бурмаков, — хочет напомнить людям, что они забыли о притяжении. Как докладывают приборы, оно здесь почти в два раза больше, чем на нашей родной планете. А если учесть, что мы за последнее время малость поотвыкли, чтобы нас ограничивали силы гравитации, то на первых порах придется трудно. Однако не огорчайтесь. Мы скоро привыкнем к своему новому весу, наши мускулы окрепнут, и будем бегать не хуже, чем на Земле.

Сутулясь, однако двигаясь без заметных усилий, Бурмаков подошел к иллюминатору. «Набат» опустился на небольшую площадку, расположенную среди скал. Они громоздились слева, справа, спереди, сзади, уходя за близкий горизонт. К командиру, тяжело дыша, подошли Павел и Витя, взглянули на открывшийся пейзаж чужой планеты.

— Ого, — сжал губы Павел, — вездеход можно было оставить на Марсе или переплавить в дюзах.

— Есть ракета, — подсказал Витя.

— И нет топлива, — окончил Бурмаков.

— Совсем? — удивился Витя, поглядывая то на Павла, то на Бурмакова. — А как же мы?

Павел отвернулся к пульту, словно вдруг заинтересовался показаниями манометра внутреннего давления.

— Осталось мало. Только на наши внутренние нужды — отопление, освещение, приготовление пищи, регенерацию воздуха, воды... — Он нажал клавиши счетной машины и показал карту-ответ. — Его нам хватит на полгода.

— Планета с такой плотной материей даст нам топливо значительно раньше, — сказал Павел.

— И тогда мы найдем место, где понадобится вездеход! — Бурмаков сказал это серьезно, уверенно, и эта уверенность подбодрила остальных.

Витя спросил:

— Когда мы сможем выйти?

— Думаю, через час, не раньше. Нужно сделать анализы. Да, Степан Васильевич? — обратился Павел к Бурмакову.

— Выйдем, если условия будут благоприятные, — подтвердил Бурмаков. — Но уже

сейчас мы можем с полной уверенностью сказать, что четвертая из внешних планет не похожа на своих сестер. Если те состоят главным образом из газов, то Плутон, как и планеты «земной группы», образовался, видимо, из каменистого, плотного вещества.

Приборы ничего опасного не показывали. Вокруг корабля было безвоздушное пространство с обычным космическим количеством радиоактивных частиц, от воздействия которых людей надежно могли защитить скафандры. А страшный холод — минус двести двадцать градусов — был им не новостью. С ним они уже встречались раньше.

Как средневековые рыцари в кольчугах и латах, они направились к выходу. Бурмаков толкнул дверцу люка. Она вздрогнула, но не поддалась. Бурмаков нажал плечом, краснея от усилия. Крышка вдруг отскочила, открывая выход. Бурмаков чуть не полетел в люк. Посмотрев вниз, сообщил:

— Метра четыре до поверхности. Будьте осторожны.

— Степан Васильевич, — сказал Павел, — здесь первый пойду я.

— Хорошо. Пойдем вместе. Витя останется возле корабля. Не морщись, Витя. Можешь многое увидеть и здесь, только далеко не уходи. Мы еще не знаем, что нас ждет на этой планете.

— Значит, верите в наши фантазии хоть немножко? — оживился Витя.

— Сейчас уже нет. Но тебе больше, чем нам, нужно привыкнуть к удвоенному весу.

Витя послушался и молча следил, как, с трудом отрывая ноги, шаркая и пыля, Бурмаков и Павел уходили от корабля все дальше и дальше. Вскоре они скрылись за выступом скалы.

Прожектор медленно и методично описывал желтые круги вокруг «Набата». Обломки скал вспыхивали искорками.

Витя набрал под ногами мелкого песка. Песок был серый, твердый. Витя поднес его к микрофону и потер в ладонях. Хруста не было. Безвоздушное пространство звуковых волн не распространяло.

Впервые Витя был один, и не в корабле, где прочные стены и надежные умные машины, а на чужой планете, окруженный густым мраком, который неизвестно что таил. Фантастические скалы, неясно очерченные даже на более светлой, солнечной стороне, казались таинственными, населенными неизвестными существами, страшными и сильными. Витя с опаской поглядывал на них, долго не решаясь отойти от корабля. Наконец любопытство взяло верх над страхом. Оглянувшись еще раз на корабль, он медленно поплелся к ближайшей горе. Собственное тело казалось тяжелым. Он быстро устал, было трудно дышать. Тогда Витя присел на камень, вытянул ноги. Но неизвестная сила давила на плечи, на сердце, сжимала легкие. Витя увеличил подачу кислорода, осмотрелся. Выхватывая из тьмы одну картину за другой, приближался луч прожектора. Когда он

оказался рядом, Витя скомандовал: «Стоп!» Луч рванулся и остановился.

Камень, на котором сидел Витя, был круглый, будто полевой валун, и пористый, как известняк. Такой же вид имели и скалы. Витя понял, что поры проделали космические частицы и метеориты. Он вспомнил рассказы Бурмакова о Луне, которая тоже не была окутана атмосферой, и потому даже мельчайшие космические тела достигали ее поверхности, постепенно разрушая и превращая верхний слой в пыль.

Витя взглянул на небо. Белые, голубые, желтые, зеленые, красные звезды висели неподвижно. Откуда-то оттуда, из глубин Галактик, соревнуясь в быстроте и силе, огромным веером разлетаются мириады частиц. Ежедневно бесчисленное множество их встречает на своем пути Плутон. Они обрушиваются на эти камни и скалы со всей силой инерции, накопившейся в них на протяжении миллионов лет блуждания в космосе, ломают все, что попадает на пути, и, обессиленные, гибнут. А на каком-нибудь камне остается вот такая маленькая щербинка. Витя даже ковырнул ее геологическим молотком. Молоток отскочил, не оставив на камне и царапинки. Юноша с уважением погладил твердый бок валуна.

В скалах замелькали лучи фонариков. Витя поспешил назад, чтобы встретить Бурмакова и Павла у корабля. Они подошли, сгорбленные под тяжестью заплечных мешков, молчаливые, усталые. Даже в дезинфекционной камере, освободившись от неуклюжих скафандров, они молчали. Неохотно поев, они легли отдыхать под антигравитационные колпаки, которых не использовали с момента старта с Земли.

Силы к людям вернулись довольно быстро: под колпаками они не чувствовали притяжения Плутона. Бурмаков и Павел снова приступили к работе. Времени нельзя было терять. На экранах осциллографов автоматических лабораторий замелькали электронные лучи, вычерчивая разноцветные кривые. Минеральные соединения, образцы которых Бурмаков и Павел принесли с собой, оказались похожими на земные. Однако их молекулы были более сложными, неизвестными на Земле. Потому даже автоматы, которые, казалось, знали все, не смогли дать ответ, можно ли создать такое молекулярное соединение в земных условиях.

— Вот вам первая загадка, — Бурмаков недоверчиво вертел в руках записанные показания осциллографов.

— С одной стороны — утверждение единства материи, с другой — невозможность объяснить ее происхождение, — окончил его мысль Павел.

— Туманно, Павел Константинович, — улыбнулся Бурмаков. — Так Витя ничего не поймет. Видите, в чем дело. Эти минералы образовались не в пределах Солнечной системы, иначе мы могли бы синтезировать их. Значит, они имеют иное происхождение, космическое. Но молекулы их состоят из атомов, таких же, как и те, что содержатся в элементах, характерных для Солнечной системы. Значит, и у нас, и на планетах других звездных систем есть вещества, в основе которых лежит одна и та же материя.

— И вы говорите об этом так спокойно! — От волнения Витя даже замахал руками.

— Единство материи — давно известная вещь!

— Да нет, Степан Васильевич, я не о материи. Выходит, Плутон действительно залетный?

— Я в этом не уверен настолько, чтоб утверждать категорически. Могло случиться, что здесь были какие-то своеобразные условия в то время, когда происходило образование планеты. Благодаря им появились неизвестные нам раньше молекулярные соединения. Так, Павел Константинович?

— Согласен с вами, Степан Васильевич. У нас нет особых оснований считать Плутон залетным чужаком, — ответил Павел.

8

Плутонова ночь сменилась днем. Но вокруг по-прежнему было мрачно.

Люди обследовали планету. Они преодолели уже горный хребет и вышли к широкой

долине. Покров ее был мягче. Долина вела куда-то далеко, на сотни километров, как свидетельствовали инфракрасные локаторы. В самый раз было использовать вездеход. Павел дважды говорил Бурмакову, что неплохо было бы облегчить себе передвижение. Но тот делал вид, что не понимает его. Топлива, а значит и жизни, на корабле оставалось уже только на пять месяцев — 150 земных, или около 24 местных суток. И он не решался сократить этот и без того короткий срок, так как не знал, принесет ли поездка на вездеходе пользу. Прежде чем отправиться в путешествие, нужно было решить топливную проблему.

Павлу казалась странной такая рассудительность. Его все чаще одолевало нетерпение, он не мог спокойно стоять на пороге тайны и ждать неизвестно чего. Он не очень заботился о горючем, будучи уверенным, что обязательно найдет его под ногами, если пойдет в долину.

Бурмаков был старше, опытнее, выдержаннее. Даже, если бы оставались считанные минуты жизни, он вряд ли решился бы на какой-нибудь опрометчивый поступок. Он искал бы выхода и боролся бы за жизнь до самого конца. Но ему с каждым днем все труднее было выдерживать Павлов нажим.

Однажды, когда Павел был особенно настойчив, Бурмаков внимательно выслушал его и неожиданно обратился к Вите:

— Ты помнишь, что такое Плутон в мифах древних греков?

— Плутон — брат Зевса, бог подземного царства, владыка...

— О том, что Плутон владел душами мертвых, — остановил его Бурмаков, — говорить пока не будем, рановато. А вы, Павел Константинович, обратите внимание на такое его качество: «Бог подземного царства». Так давайте попробуем заглянуть в это царство. На Земле тоже полезные человеку материалы редко лежат под ногами. А мы все на поверхности ищем. Ну, а если здесь не повезет, пойдем в долину.

Люди, владеющие самой совершенной техникой разведки недр, с первых шагов почувствовали себя безоружными. Приборы не реагировали на здешние ископаемые.

— Вот и хорошо — не будем таскать их с собой. — Павел сгреб в кучу магнитные, электрические и радиоактивные искатели, сложил их снова в мешок.

— Зачем обижать умные приборы? Они нам послужат еще. Это сейчас они бессильные, ибо нас окружают металлы и минералы, не похожие на земные. А если мы найдем элементы в чистом виде? Тогда без их помощи нам никак не обойтись.

Но шли дни. Были сдвинуты большие скалы, пробиты штольни, и ничего, что могло бы пригодиться, космонавты не находили. Казалось, что природа пожалела для Плутона разнообразия, создав его только из кремния и его соединений.

Пришел день, когда Павел осторожно сказал Бурмакову:

— Нам пора разделиться. Я пойду в долину. Один. Возьму с собой побольше кислорода, пищевых концентратов и пойду. Часов на двести.

Бурмаков кратко ответил:

— Завтра.

На следующий день Павел ушел. А Бурмаков и Витя не прекращали работы. Степан Васильевич не верил, что поход Павла поможет им решить главную задачу — найти топливо, и торопился. После взрыва, расколовшего на две половины высокую гору, Бурмаков склонился над приборами. Стрелки магнитных измерителей дрожали на нуле, счетчики отмечали только радиацию, созданную взрывом и космическими частицами. Ничего нового.

— Попробую пронести приборы вдоль разреза, — сказал Вите Бурмаков. — Пойду один. Зачем обоим терять силы.

Витя, чтобы хоть чем заняться, стал вертеть лимбу инфракрасного локатора.

Преломленное отражение хаотически разбросанных горных пород медленно плыло по экрану. Оно было похоже на морские волны, которые разъяренно бросаются друг на друга. Витя подкрутил тумблер настройки. Что-то черное, похожее на лодку мелькнуло среди серых волн. Но что это? Видимо, просто какая-то скала оказалась на пути локаторного луча. Ведь судно может быть только в настоящем море...

— Гм!

Витя обернулся и замер от удивления. Бурмаков, неслышно подошедший к нему, внимательно всматривался в экран. Вот его рука потянулась к шкале. Экран перестал дрожать, черное пятно, похожее на контур лодки, застыло и стало увеличиваться, выплывая на передний план.

— Это какая-то скала, — попробовал объяснить Витя.

— Не думаю. Идем посмотрим. Тут недалеко.

Они направились к горе.

У ее подножья зиял вход в пещеру.

9

Это был поход в неизвестное, без определенного маршрута. Павел мог пойти влево, мог повернуть направо. Только лишь потому, что Бурмаков и Витя были в горах, он выбрал равнину, которая, как показывали инфракрасные локаторы, простиралась к югу от него километров на триста.

Идти было легче, чем в первые дни. Павел натренировался уже ходить в условиях Плутона, да и дорога на этот раз была ровная. Сначала он то и дело давал о себе знать по радио. Затем помехи начали перебивать сигналы, а вскоре и совсем стали глушить. Связь прервалась. Павел еще раз проверил направление, отметил место, где остался корабль, и выключил фонарь. Нужно было экономить электроэнергию.

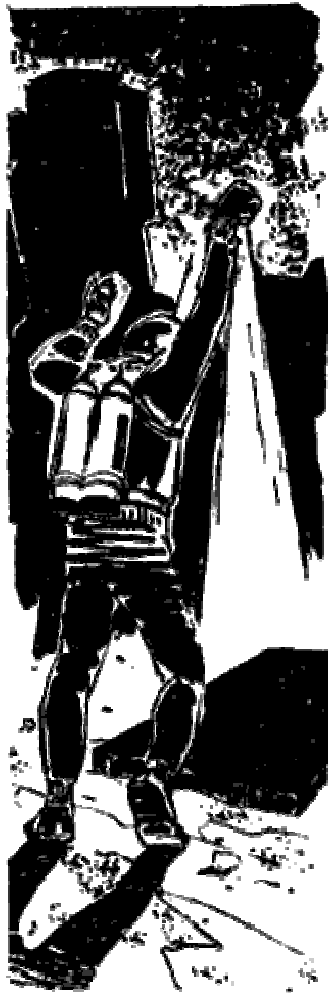
Устав, он принимал по трубкам жидкую пищу и ложился отдыхать прямо на дороге. Сначала это ему даже нравилось. Но он шел, шел, вокруг ничто не менялось, ничто не обещало близкой находки — топлива или чего-либо другого, ради чего стоило отправляться в это путешествие. Он забывал, что находится на Плутоне. Он злился и на длинную, запорошенную пылью дорогу, и на яркие звезды, которые, не мигая, следили за ним сверху, и на серый мрак, не рассеивающийся ни на минуту. Павел понимал, что это от усталости и одиночества, и боялся, что долго так не выдержит.

Когда-то он легко перенес испытания в сурдокамере. Там одиночество не угнетало так сильно. Даже в минуты тоски подсознательно чувствовалось, что рядом, за толстыми защитными стенами, родная обстановка, друзья. Здесь же он был совсем один, и это была уже не тренировка, и никто не мог прийти на помощь. Но он не мог отступить, вернуться, ничего не сделав полезного для товарищей. Ему это не приходило даже в голову, хотя временами отчаяние захлестывало сердце. Он шел. Упрямо. Вперед.

На что Павел надеялся? Почему выбрал именно это направление? Если бы его спросили об этом, он ответил бы: «Просто так». Но он соврал бы прежде всего самому себе. Где-то в глубине души таилась уверенность, что именно на этой планете, чужой в Солнечной системе, должна была быть когда-то жизнь. Напрасно остатки ее искать в горах, где Бурмаков и Витя взрывают скалы. Жители Плутона, если они были, находились только на равнинах. Почему? Законы единства жизни. Вещество Плутона создано из элементов, которые подчиняются законам периодической системы Менделеева. Живые существа, отличаясь от человека многими внешними и внутренними качествами, обязательно были похожи на него в главном — в развитии ума. А человек всегда стремился в долины, где жизнь была легче, более удобна.

Эта мысль имела непрочное основание — она была в определенной мере правильной только для органических форм жизни. Но остановившись на ней, Павел старался не думать о другом. Говорят, для ученого важна интуиция, позволяющая отбросить лишнее. Так вот, теперь Павла вела интуиция.

Он давно уже не отдыхал. Подгибались ноги, кружилась голова. Сон в жестком скафандре стал большим наслаждением. Павел посветил фонариком, ища, где бы прилечь, и заметил какой-то выступ у дороги. Не раздумывая, он сел на него, силой заставил себя выпить питательный раствор и, вытянув ноги, уснул глубоким сном.

Проснулся он от голода. Хотел было по привычке сделать зарядку, но вспомнил, где находится, и помрачнел. Вставая, положил руки на свое каменное ложе и подпрыгнул от неожиданности. Пальцы нащупали кант гладкого, будто отполированного прямоугольника. Павел мгновенно смахнул с него рукой пыль, включил свет. Правильной формы параллелепипед отливал черным холодным блеском. Не подумав даже о том, как мог оказаться здесь предмет исключительно правильной геометрической формы, Павел стал искать хоть какие-нибудь отметки, что обязательно должны были оставить на нем столетия, и не находил.

Параллелепипед был будто сделан вчера.

Несколько минут Павел смотрел на него и вдруг запрыгал. «Люди, люди! — закричал он. — Встретил, встретил!» Затем снова наклонился и уже спокойнее начал изучать параллелепипед. На одной из плоскостей он заметил черточки-углубления. Они соединялись, пересекались, образуя что-то похожее на зашифрованную надпись. Чем больше вглядывался Павел, тем больше крепла уверенность, что появление этих знаков не могло быть случайным. Они сделаны чьей-то умной рукой. Чьей? Не занимаясь поисками разгадки их появления здесь, Павел сфотографировал надпись, параллелепипед. Попытался было отбить кусочек материала, из которого был сделан параллелепипед, но вскоре отступил. Вещество оказалось необычайно твердым.

Когда прошли первые минуты восторга, Павел снова присел на свой параллелепипед, чтобы собраться с мыслями. Прежде всего хотелось решить, что означала находка и что она меняла в его поисках. Он посветил фонариком вокруг. Мощный луч света, проникавший на сотню метров в окружающие сумерки, не встретил ничего необычного. Тот предмет, на котором он сидел, казался единственным на этой пыльной и гладкой равнине.

Павел попытался представить свое местонахождение относительно всего района и

вскочил от радостного возбуждения. Как это он забыл?

Плохо слушающимися в толстых пластиковых перчатках пальцами он вытащил карту. Ее они составили в тот вечер, когда засекли неизвестные лучи, воздействовавшие на «Набат» с Плутона. Еще тогда появился замысел посадить корабль вблизи этого источника энергии. Но в расчеты вкралась ошибка — не знали точной массы планеты — и сели на значительном удалении от намеченного пункта.

Место посадки на карте обозначили красной фигуркой корабля. «Сколько же я прошел, — мысленно прикинул Павел, — километров шестьдесят-семьдесят. А если так... — он провел линию на бумаге. Палец остановился рядом с точкой, отмечавшей место источника энергии. — Теперь я знаю, куда иду».

Но прежде чем отправиться в дальнейший путь, он долго пытался связаться с Бурмаковым и Витей. Сигналы направленной радиопередачи глохли, не доходя до цели. Приходилось до поры до времени держать открытие при себе.

Вскоре рельеф начал меняться. Появились холмы, нагромождения камней. Павел выбрал холм повыше, взобрался на него. Где-то неподалеку должен был находиться тот источник, но где? Свет фонарика, пропущенный через увеличительную линзу, не уступал по дальности действия мощному прожектору. Это позволяло получше рассмотреть окрестность. На сколько хватало взгляда тянулись каменные обломки. Павел хотел было уже спускаться со своего холма вниз, как вдруг неожиданное сравнение пришло ему в голову. Все эти бугры и нагромождения напоминали сеть паутины, и он стоял как раз в центре ее. Ровные, прямые лучи-дороги разбегались между камнями во все стороны, словно улицы в разрушенном городе. От этой мысли захватило дух. Пусть мертвый, бесконечно древний, но все же город — свидетельство какой-то неизвестной инопланетной цивилизации.

Он не мог больше медлить и побежал к ближайшим развалинам. Орудую топориком, как ломом, Павел пытался развернуть камни. Они были тяжелые, крепкие и держались друг за друга, будто сцементированные. Через полчаса он понял, что у него не хватит физических сил, чтобы забраться внутрь развалин. Тогда, выдолбив отверстие поглубже, он сунул туда атомный заряд.

Мощный взрыв, выбросивший сотни тонн породы, обнажил кусок гладкого камня, похожего на плиту. Под ней, видимо, что-то скрывалось. Нетерпение Павла было столь велико, что он не стал пытаться очистить ее руками, а заложил свой второй и последний атомный заряд. Снова взрыв, и на месте, где только что лежала плита, образовалась черная пустота.

Закрепив трос портативной механической лебедки, Павел прыгнул в отверстие. На глубине пяти метров ноги встали на твердую почву. Зажег фонарик. Под ногами были такие же плиты, какую он только что взорвал. Но что это? Подвал, один из этажей многоэтажного дома, погребенного временем или каким-нибудь стихийным бедствием?

В помещении, как Павел сразу же назвал про себя это место, было пусто. Ничто не говорило о том, что здесь прежде стояла обстановка или оборудование, ничто не указывало о назначении этой огромной постройки. А что это творение чьих-то умелых и умных рук, Павел уже не сомневался. И он взялся за поиски хоть каких-нибудь следов, подтверждавших бы его догадку.

Дальняя стена была полуразрушена. Павел решил заглянуть в соседнее помещение. Короткий трос не пускал, и он отцепил его. За стеной оказалось нечто похожее на коридор. Павел вытащил киноаппарат и, включив его, шагнул в коридор.

Сигнал аварийной электронной установки прозвучал некстати. Она сообщала, что запасов кислорода и питания осталось на сто часов. По-хорошему, так нужно было возвращаться. Но разве мог он остановиться на пороге тайны, не заглянув в нее. Павел сел, подкрепился жидким обедом и, отдохнув немного, перевел рычажок подачи кислорода на три четверти нормы, ослабил свет фонарика. Он начал экономить: исследования только начинались.

Коридор метров через сто разделился на два хода. Павел выбрал правый. Затем

появились поперечные ходы. Павел пошел наугад. Сначала он зажигал свет, но коридор всюду был одинаковым: плиты внизу, плиты сверху, плиты по бокам. Сберегая электроэнергию, он долго брел в темноте, минуя какие-то переходы, пока не уперся в тупик. Павел попытался представить обратную дорогу и не смог. Заблудился? Погибнуть здесь, где тебя никто и никогда не найдет? Страх на мгновение парализовал волю, и Павел едва не закричал. Но он заставил себя включить фонарик, огляделся. От электрического света стало легче. Павел даже нашел в себе силу усмехнуться: «Вот это сурдокамера. Она и не снится, пожалуй, никому на Земле».

Помещение, куда он попал, было сравнительно небольшое, метров сто квадратных. Вдоль стен, под ногами лежали груды трухи — все, что осталось от чего-то находившегося когда-то здесь. Моментально забыв о своем положении, Павел включил киноаппарат, водя им по сторонам, стараясь не пропустить ни одного сантиметра окружавшего его пространства. Затем он присел над одной из груд, — разворошил ее топориком. Труха была не похожа на окружающую пыль. Павел осторожно насыпал ее в баночки и сунул их в заплечный мешок. Затем выпрямился, отошел к выходу, оглянулся. Нет, все-таки это было жилье здешних разумных существ. Сейчас в этом он уверен. Вон там, видимо, стояла кровать, рядом с ней другая, третья. Груды здесь имеют вид продолговатых холмиков. И может быть эти существа так и остались на них лежать после своей гибели. А левее холмики круглые, возможно, это стулья, столы... Как жаль, что он не может сделать на месте анализы этих остатков. Надо набрать их побольше. И Павел снова начал наполнять свой заплечный мешок.

Искать выход он начал лишь после второго напоминания аварийной установки. Запасов оставалось только на семьдесят часов.

Еще двадцать часов он блуждал по этому подвальному лабиринту, пока снова не попал в ту самую, как он назвал ее, жилую комнату. В отчаянии Павел прислонился к углу у входа. Минуту-две постоял, переводя усталое дыхание, и бросился с кулаками на противоположную стену, закрывавшую тупик. Руки, одетые в тяжелые защитные перчатки, неожиданно заскользили, и он осунулся к полу. Падая, Павел успел заметить, что после прикосновения его рук остались прозрачные полосы. Он быстро подхватился, начал стирать пыль со стены.

Луч фонаря осветил еще одно помещение, находившееся за прозрачной перегородкой. Павел увидел сверкающую вогнутую чашу, открытую кверху. Она стояла на тонкой и длинной подставке-ножке, основанием уходящей куда-то вниз.

Павел долго глядел на открывшееся чудо, догадываясь, что это, очевидно, и есть один из тех самых маяков-ловушек, которые они засекли еще до посадки. Источник энергии. Павел больше уже не думал ни о чем. Он обязан был добраться до этого источника и принести известие об энергии товарищам.

Боковые плиты оказались податливыми, и вскоре Павел уже вырубил себе углубления-ступеньки, по которым добрался до потолка. Закрепившись там, он начал долбить верхнюю плиту. Вдруг молоток вонзился во что-то мягкое, плита раскололась, рухнула, и вслед за ней лавиной полетели камни. Неизвестная сила подхватила Павла и швырнула в сторону. Пришел в себя он на поверхности, на краю огромной воронки, оставшейся на том месте, где недавно стояла чаша.

Павел был спасен. Но он даже не почувствовал радости. Источник энергии погиб. Апатия овладела Павлом. Поход окончился безрезультатно. Машинально он сверил направление обратного маршрута и, безразличный ко всему, даже к тревожным напоминаниям аварийной установки, побрел назад.

Он потерял представление о времени. Исчезла с неба звезда, которая называлась здесь Солнцем, а он, безразличный ко всему, шел и шел.

Настал момент, когда Павел, обессиленный, осел в мягкую пыль. Утомленное тело ослабело, ресницы сомкнулись сами собой. Он не понимал потом, что это было: короткий сон или потеря сознания. Да это и не имело значения. Нужно было идти, не останавливаясь, чтобы донести весть.

А так хорошо лежать! Он полежит еще совсем немножко и потом пойдет. Он вовсе не спит, хоть ресницы будто налиты свинцом. И это совсем не грезы...

Павел сел. Вокруг было светло, как днем на Земле. Яркое солнце слепило глаза. Павел включил световую защиту. Солнце, висящее в той стороне, где был их «Набат», выстрелило молнией и расплылось.

Павел подхватился на ноги. Мелькнула мысль, что с его товарищами что-то случилось. Апатию словно рукой сняло. Нужно идти, спешить! И он шел, падал, полз, поднимался, снова падал, задыхаясь от слабости.

10

Павел не ошибся: он действительно видел огненный шар, своей яркостью не уступающий Солнцу...

Широкий луч прожектора ворвался в пещеру и уперся в какую-то преграду далеко в глубине. По ровному, словно отшлифованному каменному полу, на котором после взрыва лежали остатки породы. Бурмаков и Витя подошли к стене. Она была черная и блестящая, не похожая ни на один материал, который они до сих пор встречали на Плутоне. Боек механического бура, который способен был пробить толстую броневую сталь, отскочил от стены и сломался.

— Одно из двух, — рассматривая осколки бойка, сказал Бурмаков, — или мы встретили необычно твердую породу, или она имеет искусственное происхождение.

Заменили боек, стали подкапывать более мягкие слои у основания стены. Перед ними оказалось нечто похожее на ящик. Внизу, вверху, по сторонам этого большого ящика были такие же гладкие черные стены. Комбинированные ультразвуковые и электронные измерители определили, что он имеет форму куба. Плазменный луч с температурой двадцать тысяч градусов не смог разрезать стену. Бурмаков измерил температуру того места, где только что пытался сделать разрез, — она была такой же, как и до прикосновения плазменного огня. Черное вещество не нагрелось ни на один градус. Более того, оно не пропускало ни электрических, ни магнитных волн. Локаторы оказались бессильными в попытке заглянуть за стену.

Те же измерители сообщили поразительную цифру. Вес куба высотой в три человеческих роста, если перевести на земные единицы, составлял несколько сотен миллионов тонн.

— Игрушка, — постучал Бурмаков по черной зеркальной поверхности. — Идеальная инертность.

— А если он сплошной? — Витя еще раз включил измеритель.

Невидимые волны потекли в почве вокруг куба, пытаясь пробиться сквозь его непроницаемые стены. Стрелки циферблата засуетились и поползли в сторону от средней отметки. Из-под пера осциллографа выползла ломаная кривая.

— Куб пустотелый! — торжественно проговорил Бурмаков. — Он искусственного происхождения.

— Люди? Правда, Степан Васильевич, люди? — Витя тормозил Бурмакова за руку.

— Разумные существа! Когда это сделано, кем и где они, мы пока не знаем. Но видим результаты их созидательного труда. Этот куб, кажется, — хранилище. Оно надежное, его стены не поддаются обычным силам, которые сами собой могут возникнуть в природе. Я понимаю, тебе, Витя, хочется услышать ответы на множество вопросов: из чего куб сделан, зачем, что там внутри? Но я могу только догадываться. Похоже на то, что стенки сделаны из нуль-вещества, не имеющего атомов и электронов и состоящего из одних нейтронов. Оно очень плотное, один кубический сантиметр нуль-вещества весит сто тонн. Ни один земной механический инструмент не в состоянии разрезать его. Оно в полтора миллиарда раз более прочное, чем сталь самых высоких марок.

— А как мы заберемся внутрь? — Витя был разочарован. Стоять на пороге чужого

мира и отступить от него! Пролететь миллиарды километров и вдруг признать свою беспомощность!

— Попробуем, — сказал Бурмаков и подумал, что вряд ли есть в этом настоящая необходимость. Они снова отклоняются в сторону от главной цели — поисков топлива. Но какой ученый может удержаться от соблазна узнать новое, даже ценой собственной жизни, если держит в руках хоть тоненькую нить, которая должна вывести его к великому открытию? И уже уверенно пообещал: — Проникнем.

Он не имел в виду ничего определенного, когда говорил это Вите. Просто вспомнились опыты в лаборатории известного физика, которые ему приходилось наблюдать. В лабораторных условиях физику удалось получить ничтожное количество нуль-вещества. Опыты чуть не окончились катастрофой, ибо в вакуумный шар, где находилось нуль-вещество, попал направленный луч отрицательных мезонов. Взрыв разрушил лабораторию, хорошо, что полученных продуктов было мало.

Вот у Бурмакова и появилась мысль попытаться разрезать куб мезонным лучом. Несколько часов просидел он у вычислительной машины. Теоретически как будто подтверждалась такая возможность. Еще несколько дней он конструировал мезонатор, способный излучать направленный постоянный поток отрицательных мезонов. На Плутоне не нужно было заботиться о вакууме. Здесь он был вместо атмосферы.

И вот наступил день, когда обессиленному Павлу показалось, что он увидел солнце.

Идя на опыт, Бурмаков не смог уговорить Витю остаться в корабле, а приказывать не стал.

— Погибнем, так вместе, — по-взрослому ответил ему мальчик, — все равно без вас мы не сможем вернуться на Землю.

Витя был все время рядом с командиром. Они вдвоем устанавливали мезонатор, потом молча ждали, пока осядет невидимая пыль, поднятая, очевидно, их суетой.

Голубой лучик блеснул в извечной тьме пещеры, которую на этот раз не освещал корабельный прожектор. Будто прозрачный пар закружился в месте его прикосновения к черной поверхности куба, микрофоны уловили легкое шипение. Бурмаков осторожно провел лучик вниз, медленно описал им круг. Работа была окончена, если только она дала что-нибудь. Выключили мезонатор, зажгли фонарики. В пещере стало светлее, но люди не решались двинуться с места. Потом Витя не выдержал, подбежал к черному кубу и ударил по опиленному месту. Круг шатнулся, повернулся и, выпав в пещеру, откатился в сторону. Витина рука беспрепятственно просунулась в пустоту.

— Степан Васильевич! Степан Васильевич! Там, там... Ничего не видно.

Он забыл, что держит в руке фонарик и может им осветить куб внутри. А Бурмаков не двигался с места и не догадывался подсказать ему сделать это.

Вырезать проход было уже совсем простым делом. Стенки куба оказались тонкими, не более пяти миллиметров. Бурмаков не ошибся в своих предположениях: здесь был склад. Примерно сотня небольших цилиндров, длиной с полметра и диаметром в десять сантиметров, лежала, сложенная у задней стенки.

— Какое их назначение? — повертел Бурмаков цилиндр. — Интересно.

— Ага, — Витя схватил один из них и вынес в штольню. — Он не очень тяжелый.

Вспыхнул прожектор. При ярком свете цилиндр казался коричневым. Витя направился к выходу, чтобы лучше рассмотреть находку.

— Смотрите, — закричал он, — вот щелочка, наверно, колпачок откручивается.

Бурмаков взял цилиндр, лежавший ближе других, снял колпачок. Цилиндр был пуст.

— В них ничего нет, — Бурмаков не скрывал своего огорчения. Потратить столько времени и сил, а зачем? Уверенный, что цилиндрики пустые, он взял следующий и не глядя начал свинчивать колпачок. Один оборот, второй... Ярко-синяя масса поползла из цилиндрика, на глазах меняя свой цвет, увеличиваясь в размерах.

Бурмаков рванул Витю за плечо, подминая под себя.

Освободившись из цилиндра, золотистый шар на мгновение повис над поверхностью, угрожающе потрескивая и вытягиваясь. Скользнув по ноге Бурмакова, шар вылетел из штольни и там, на просторе, засиял ослепительным солнцем.

Все это продолжалось не больше минуты. Когда Бурмаков и Витя опомнились, вокруг них было уже так темно, что луч прожектора в двести тысяч ватт казался тусклым светом керосинки.

Что у него прожжен скафандр, Бурмаков заметил не сразу: под скафандром был еще и обычный, легкий космический костюм. Степан Васильевич вдруг почувствовал, что замерзает нога. Он взглянул и ужаснулся. Счетчик, однако, не показал опасной радиации, и Бурмаков немного успокоился. Тем не менее, ничего не говоря Вите, он пошел на корабль и сделал себе укол противорадиационной вакцины.

Они обыскали в кубе все углы, перекопали пещеру. Бурмаков был уверен, что рядом должно быть что-то еще. Не могли же те, кто хранил здесь цилиндры с конденсированной энергией для каких-то транзитных космонавтов или для своих обыденных нужд, не оставить еще что-нибудь. Такое, что рассказало бы о них больше, помогло бы раскрыть назначение этой энергии.

Однако, кроме цилиндров, ничего больше они не нашли. Прежние неизвестные обитатели Плутона, видимо, были экономными и не разбрасывали понапрасну свои вещи. А может быть время стерло следы? Несмотря на находку Бурмаков и Витя возвращались к «Набату» недовольные. Она не приблизила их пока ни на йоту к цели. Беспокоила и судьба Павла, который уже десятки сутки не подавал о себе вести. Не сговариваясь, они свернули в ту сторону, куда он отправился на разведку. Шли молча, не веря, что встретят его, но и не решаясь повернуть обратно. Бурмаков прикидывал уже, как приспособить вездеход, когда неожиданно послышались короткие сигналы-вызовы. Это был Павел, но работала почему-то только его автоматическая станция-пеленгатор. Она подавала сигналы из района «Набата». Бурмаков и Витя изо всех сил побежали назад и у корабельного подъемника столкнулись с Павлом.

Обросший бородой, истощенный, Павел, не мигая, смотрел на своих товарищей.

Его продолжительный взгляд мог показаться безумным, если бы в нем не пылала сама жизнь. Она словно лучилась сквозь пластиковое стекло скафандра.

— Он нашел что-то, — шепнул Витя Бурмакову, подключая к скафандру Павла запасной кислородный баллончик.

Павел, видимо, слышал шепот. Его губы дрогнули, беззвучно зашевелились. Он показал пальцем на киноаппараты, висящие у пояса.

— Проявить? — спросил Витя, поддерживая его за плечи.

Что-то похожее на «угу» вырвалось из уст Павла, и он медленно стал оседать, теряя сознание.

Его подхватили на руки, внесли в дезокамеру. После долгих лечебных процедур бессознательного Павла напоили питательным раствором, сделали уколы и положили на кровать под антигравитационный колпак. Потом занялись кинокамерами.

Не отрываясь, смотрели люди на остатки чужой цивилизации...

— Это только один след, один уголок, — заговорил Бурмаков, когда окончились ленты со скучными кинокадрами. — Какие открытия ждут здесь нас и тех, кто придет сюда после! Как замечательно, что человек смог вырваться за пределы Земли!

— Мы побудем там? — Витя собирал ленты, и весь его вид говорил, что он готов отправиться в путь хоть сейчас.

— Должны. Но не раньше, чем узнаем природу энергии цилиндров. Снова пешком туда идти пользы мало, да и некому. Павел Константинович совсем слаб и, видимо, не скоро поправится. А я пока, как видишь, занят.

Витя хотел было предложить свою кандидатуру, но, встретившись с суровым озабоченным взглядом командира, промолчал.

Для Бурмакова начались дни непрерывного труда, пожалуй, самого напряженного за все его годы. Витя, сидя возле Павла, видел, как ослепительно ярко маленькими солнцами вспыхивали огненные шары, которые Бурмаков, проводя опыты, выпускал из цилиндров, а потом долгие часы не отходил от счетных электронных машин. Считал, пересчитывал, а на завтра начинал все сначала. Командир стал хмурым, нервничал, чего раньше никогда с ним не было. Витя думал, что это от неудач в работе.

Но у Бурмакова было другое: он вдруг почувствовал, что быстро устает. Вначале он еще бодрился, уговаривал себя, что это от перенапряжения. Потом почувствовал, что его начинает тошнить. Хороший врач, как и многие из тех, кто посвятил свою жизнь изучению космоса, он вскоре понял, что судьба его решена. Не тот ли это случай с прожженным

скафандром?.. Не те ли неизвестные излучения, которых не смог заметить счетчик Гейгера, проникли в организм сквозь легкий нижний космический костюм и сейчас делают свое дело? Если бы хоть знать, какие они? Тогда можно было бы еще бороться. А так — только терять время. Впереди все равно смерть. Но нельзя допустить, чтоб вместе с ним погибла экспедиция.

Бурмаков впрягся в работу с еще большим злом и упрямством. А когда уже чувствовал, что кончаются силы, делал себе тонизирующий укол. Это на некоторое время помогало, бодрило и, казалось, возвращало здоровье.

Случилось так, что именно его болезнь, стоившая ему жизни, помогла разгадать тайну цилиндров. Один раз, когда он работал на вычислительной машине, индикаторы предохранения главного пульта предупреждающе замигали. Бурмаков недоуменно оглянулся, но ничего опасного не заметил. Однако индикаторы не унимались. Тогда он отошел к боковому иллюминатору. За окном не было ничего нового. Он обернулся и замер, чувствуя, что ноги будто приросли к пластиковому полу. Индикаторы не светились. Вытирая со лба капельки пота, он сделал шаг, второй, и... красные огоньки замелькали снова. Сомнений быть не могло. Он излучал сам. На мгновение любопытство ученого оказалось сильнее страха перед роковой неизвестностью. И это было счастьем для его товарищей. Абсолютно точные приборы ответили: жесткое излучение.

Теперь получить его полную характеристику было не так уже трудно.

Если бы он знал это раньше, то, возможно, можно было бы нейтрализовать воздействие радиации. Теперь уже было поздно. Бурмаков сел за пульт, попробовал собраться с мыслями, но они прыгали, словно те индикаторные огоньки. Степан Васильевич навел телескоп на Землю.

Далеко-далеко, за шесть с половиной миллиардов километров от «Набата», засветилась серебряная звездочка в голубом окружении. Где-то там была Москва, город, в котором он родился и вырос. Бурмаков напряг зрение, и ему показалось, что на экране появились очертания Евразийского материка, Родины. А может только показалось? Да это ли главное? Главное, что она, Родина, есть. Она согревала его сердце в каждом полете и согревает сейчас. Она ждет от него, своего посланца и сына, что он и это задание выполнит обязательно, расскажет людям о жизни на чужих планетах. Она будет переживать, если он погибнет. А хочет ли он этого? Нет. Он хочет, чтоб Родина в любом случае могла гордиться своим верным сыном.

Нечеловеческим усилием воли Бурмаков заставил себя думать о цилиндрах. Один компонент их энергии сейчас был ему известен. А второй, третий, четвертый? Ему вдруг вспомнился взрыв левой дюзы и маленькое ослепительное солнце, вырвавшееся из нее. А что, если?.. Идея, пришедшая вдруг в голову, была очень простой. Сложный расчет электронной машины подтвердил ее. Бурмаков быстро оделся и пошел к пещере.

Назавтра он сказал Вите:

— В цилиндрах находятся защищенные сильным магнитным полем оголенные атомы вещества и антивещества. Как только магнитная оболочка слабеет, начинается процесс аннигиляции — тот процесс, который полностью превращает вещество в энергию.

— То, что мы пытаемся сделать на Земле? — переспросил Витя, которому Бурмаков показал и объяснил свои расчеты.

— Да, — подтвердил Степан Васильевич. — Хотя многое пока мне непонятно. Но думаю, что энергию, скрытую в атомах вещества, мы сможем использовать в своих двигателях. Конечно, если удастся эти атомы отделить от антиатомов.

Снова почти сутки Бурмаков не отходил от счетных машин. Все они работали с предельной нагрузкой.

Через 23 часа Бурмаков получил ответ, который искал многие недели. Топливо для двигателей было найдено.

— Жаль, что Павел Константинович не поедет с нами на развалины города, — уверенный, что вот теперь они с командиром наконец поедут к плутоному городу, Витя

искренне посочувствовал своему старшему другу.

— Ты поедешь один, мой мальчик, — печально и ласково сказал Бурмаков и устало откинулся на спинку кресла. — Но раньше я должен построить преобразователь. Вот данные, сделай расчеты. — Он пошел в спальню и лег под антигравитационный колпак рядом с Павлом.

«Совсем обессилел», — сочувственно подумал Витя.

Бурмакову становилось все хуже и хуже. Уже не помогали даже тонизирующие и антирадиационные уколы. И когда Витя отправлялся к открытому Павлом городу, командир, вопреки обычаю, не пошел его провожать. Он только попросил:

— Не задерживайся, Витя.

Если бы он сказал хоть слово о своей болезни, Витя не поехал бы. Но Бурмаков умолчал.

12

Из дневника Вити Осадчего

15 января, по земному исчислению

«Набат» проходит орбиту Марса. Мы возвращаемся на Землю. Много событий произошло с того времени, как началась наша экспедиция. О некоторых из них я писал уже. И сейчас мне осталось рассказать только о самом последнем. Прошло уже несколько месяцев, как не стало С.В., но наше горе незабываемое.

Я не догадывался, что С.В. безнадежно болен. Считал, что он просто очень устал. Я вернулся через три земные недели и еле узнал нашего командира. Он был похож на П.К. Правда, П.К. поправлялся, а С.В., как выяснилось, уже поправиться не мог.

Мое возвращение подбодрило С.В. Я привез несколько километров отснятой пленки, и он, не отрываясь, просматривал ее, то и дело комментируя отдельные кадры. Да, П.К. открыл селище, остатки которого, благодаря необычайно твердой почве Плутона и большому холоду, сохранились на многие тысячелетия. Так, в частности, сказали приборы, которые исследовали обломки стен и пыль, что осталась от предметов.

Странная цивилизация была на этой планете. Нам ее вряд ли удастся понять. Полное торжество геометрии. Во всяком случае, все то, что мы видели, имело строго определенную геометрическую форму. Кто прокладывал прямые улицы, строил многоэтажные здания, похожие на шары, кубы, конусы, параллелепипеды? Кто, наконец, запас ту энергию, которая позволила «Набату» вырваться из плена Плутона? Мы нигде не нашли следов их самих, умных, сильных существ. Что ж, это не удивительно, прошло очень много времени, которое стерло все следы органической жизни.

Но С.В. был со мной не согласен.

— Они должны быть, — уверенно говорил он, — в виде отпечатков на ископаемых породах, на фотоснимках или еще каких снимках, способных сохраняться бесконечно долго.

Как видите, мы уже не сомневались, что здесь когда-то были умные существа. Мы видели их жилище, пользовались их энергией. Могли строить разные догадки, даже фантастические, об их жизни. Только С.В. догадки не удовлетворяли. Он словно спешил куда-то и требовал доказательств, ежеминутно заставляя меня рассказывать, где и при каких обстоятельствах я снимал тот или иной кадр. Я отвечал и очень жалел, что чего-то в моих ответах для С.В. не хватает. Сам он, наверное, заметил бы значительно больше, и его выводы были бы куда основательнее.

Мы много фантазировали, пытаясь составить более или менее обоснованную гипотезу о существовании жизни на Плутоне. Если бы не болезнь С.В., мы обязательно привезли бы на Землю что-нибудь более определенное, ибо и фантазируя он научно обосновывал свои предположения.

Я, кажется, все ему рассказал и думал, что на этом окончится его интерес к моим кинолентам. Но ошибся. С.В. стал просматривать их второй раз и вдруг остановился на кадре, снятом в самом конце поисков. Недалеко от города была удивительно ровная площадка. Это позже выяснилось на пленке, так как ее заметил не столько я, сколько инфракрасные локаторы. С.В. долго изучал этот кадр. Даже с лупой исследовал каждый сантиметр экрана, на котором была увеличенная проекция того кадра. Потом, сдерживая волнение, спросил:

— Ты ничего там не нашел?

— Мусор и каменные осколки я оставил в мешке в дезокамере.

Мне в последнее время было не до экспонатов, которые я собрал. Я беспокоился о С.В. и П.К. и, кроме того, ничего необычного не ждал от своих находок, чтобы отдавать их в автоматические лаборатории. Точно такой мусор принес и П.К., и мы его исследовали самым тщательным образом.

С.В. надел легкий космический костюм и вышел в дезокамеру. Он пробыл там несколько минут и вернулся, держа в руке две маленькие черненькие коробочки. А я ведь думал, что это обыкновенные камешки.

Не помню точно, почему пришло мне в голову направлять на коробочки электронные лучи. Наверное, потому, что другие попытки узнать, в чем их назначение, не дали ничего. Так вот, не успели мы это сделать, как вдруг оживилась наша приемная радиостанция, работавшая на волнах длиной до одного миллиметра. С.В. тут же синхронизировал ее с телеэкраном и снова начал облучение. Экран засветился, на нем замелькали разной длины прямые и ломаные линии, как на плохо отрегулированном телеприемнике.

О, какие это были дни! Мы пробовали сотни, тысячи вариантов настройки и все безрезультатно. И в то же время чувствовали, что решение где-то рядом.

Мы могли теперь лететь дальше или возвращаться домой. У нас хватало энергии. Я сказал об этом С.В. Но он медлил. Теперь мне понятно, почему, а тогда я удивлялся, думал, что он хочет сам поехать к развалинам города, открытого П.К.

Нет, у С.В. такого намерения не было. Он возился с коробочками и наконец многого достиг. Линии на телеэкране стали повторяться в строгом порядке, приобрели замкнутость. Это были знаки. Нам еще надо будет разгадать их значение. С.В. утверждал, что он, настраивая экран однажды ночью, заметил картину с видами чужой планеты. Мы тогда с П.К. спали, и пока он разбудил нас, с экраном что-то случилось. С.В. был очень возбужден, говорил торопливо, отрывисто, и глаза его блестели, как у лихорадочного.

Это был последний день жизни С.В. Он все повторял:

— Вот и сбылась моя мечта: я увидел наконец чужой мир.

Мне стало немного не по себе. Какая-то отрешенность звучала в его голосе. Чтоб развеять его невеселые мысли, я спросил:

— Почему вы, Степан Васильевич, догадались, что я там, на площадке, нашел что-то интересное?

Он погладил меня по голове, совсем как когда-то на Земле, и сказал:

— Та площадка напомнила мне знаешь что? Баальбекскую веранду. Я подумал: там были неземные существа. Они и оставили память о себе. Здесь тоже кто-то побывал. Потому трудно сказать, что мы нашли на Плутоне плутоново, а что — чужое. Но и одно и другое говорит о жизни.

Я снова спросил:

— А что вы увидели, Степан Васильевич, на экране?

Он утомленно закрыл глаза, посидел так молча несколько минут и стал рассказывать. Я записал рассказ на магнитную пленку и привожу его полностью. П.К. говорит, что здесь трудно различить фантазию С.В. от действительности. А я уверен: С.В. все это не выдумал.

«С помощью электронных вычислительных машин мне удалось расшифровать текст сигналов, излучаемых найденными Витей передатчиками. Простите, что я не успел записать код, который помог мне прочесть сигналы. Позже вы поймете, почему я не сделал этого. Но

я попытаюсь рассказать обо всем увиденном своими словами.

На расстоянии одиннадцати световых лет от Земли (сто десять триллионов километров) находится созвездие Индейца. Астрономы Земли давно заметили, что звезда Эпсилон из этого созвездия похожа на Солнце и что вокруг нее вращаются планеты. Помните, когда Павел Константинович принял оттуда неизвестные радиоизлучения, то у многих ученых возникла мысль: не умные ли существа послали их к нам? Тогда это была только смелая догадка. Теперь я утверждаю, что это так. Планеты вокруг Эпсилона населены высокоорганизованными существами.

В своем развитии обитатели Эпсилона намного опередили нас, землян. Они научились превращать вещество в полную энергию, сумели построить чудесные космические корабли, а потом даже по-своему преобразовать планетную систему Эпсилона. К сожалению, мне не удалось понять, или наш Плутон — это одна из их планет, когда-то преобразованная в своеобразный космический корабль, или это они побывали на Плутоне, и здесь мы нашли их следы.

Вы — молодые. Вы еще узнаете о том, чего не успел узнать я. Ищите новые следы неизвестных космонавтов, и вы поймете тайну Плутона, узнаете, какая катастрофа обрушилась на эту планету».

А через час С.В. надел скафандр и вышел один на Плутон, запретив идти за ним.

В телеэкран мы видели, как он стоял на соседней скале, долго смотрел на небо и потом пошел. Сначала быстро, затем медленнее, пока не закачался. Когда я прибежал к нему на помощь, С.В. был уже мертв. В руке он держал микропленку. Она оказалась его приказом-завещанием.

Выполняя волю покойного, мы похоронили его на Плутоне в пещере, рядом с кубом. А сами возвращаемся на Землю. Но С.В. все время с нами. Это по его программе автоматы ведут наш корабль. Это его расчеты, сделанные от нас украдкой, помогли нам избежать неприятных космических встреч с большими планетами и астероидными поясами. Умирая, он помнил буквально все. Даже то, что обещал Павлу свернуть к Сатурну. Он извинялся, что не включил это в программу автоматам-пилотам. Он не хотел подвергать нас дополнительному риску.

Недавно радио с Земли сообщило, что на Плутон отправлена новая экспедиция. Среди ее экипажа и Валя. Они спешили нам на помощь, потому что мы долго не подавали о себе вестей. Что же, я рад. А П.К. огорчен. И это понятно. Он ведь снова расстается с Валею. Скоро мы встретимся с экипажем нового корабля. Здесь, в космосе. Нужно будет передать им то, что мы узнали. Им будет легче. А мы вернемся на Землю. А потом...

Степан Васильевич Бурмаков мечтал побывать на планетах, населенных разумными существами. Мы с П.К. поклялись сделать это за него.

Мы еще вернемся в космос!

Минск, 1962 г.